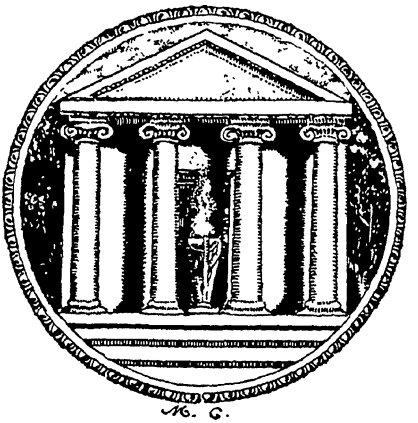
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ С. А. ВЕНГЕРОВА.

Т. III.

ПЕРЕДОВОЙ БОЕЦЪ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА-КОНСТ. АКСАКОВЪ.



ИЗД-ВО „ПРОМЕТЕЙ"
СПБ.
1912.

Труды проф. С. А. Венгерова.

Собраніе сочиненій. Т. I. Героическій характеръ рус. литературы. Цѣна 1 р.
" " Т. III. Константинъ Аксаковъ. Ц. 1 р. 50 к.
" " Т. V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій. Цѣна 1 р. 50 к.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Критико-біографическій этюдъ. СПб. 1875—77. Цѣна 2. р. (*Распродано*).

Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій. Критико-біографическій этюдъ СПб. 1884. Ц. 1 р. (*Распродано*).

Рудольфъ Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. *С. А. Венгерова*. М. 1885. Ц. 4 р. 50 к.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, съ критико-біографическими статьями, библіографич. примѣч. и портретами. Т. I (вып. 1—6). XVIII вѣкъ. СПб. 1897. Съ 23 портр. Ц. 8 р. Вып. VII, ц. 1 р.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція *С. А. Венгерова*. Изданіе *Г. В. Юдина*. СПб. 1896—1898. Вышло 3 тома (А—Вавиловъ). Ц. кажд. тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Основныя черты исторіи русской литературы. Изд. 2-е. Съ приб. этюда: *„Побѣдители или побѣжденные?"*. Ц. 40 к. (*Распродано*).

Источники словаря русскихъ писателей. т. I. (Ааронъ—Гоголь). Собралъ *С. А. Венгеровъ*. СПб. 1900. (*Распродано*). Изд. Императорской Академіи Наукъ. Ц. 2 р. 50 к., т. II (*Гоголицкая-Карамзинъ*). СПб. 1910. Ц. 4 р.

Собраніе сочиненій Шиллера въ перев. рус. писат. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 4 т. Ц. т. 6 р. 50 к., въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненіи Шекспира въ перев. рус. писат. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 5 томовъ. Ц. т. 6 р. 50 с. въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Байрона въ перев. рус. писат. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 3 тома. Ц. т. 6 р. 50 к. въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Пушкина. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изд. Вышло 5 т. Ц. тома 6 р. 50 к., въ переплетѣ 8 р.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. СПб. 1903 г. Ц. 2 р.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный сборникъ. 6 томовъ. (СПб. 1886—1904). Ц. 1 т. 5 р. 25 к., (*Отдѣльно не продается*) II т. 2 р. 25 к., остальные по 2 р. 50

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова*. Вышло 9 томовъ. Ц. тома 1 р. 75 к.

Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Публичная лекція (Библіотека „Свѣточа", № 3). СПб. 1905. Ц. 20 к.

В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ *С. А. Венгерова*. Библіотека „Свѣточа", № 2). СПб. 1905. Ц. 10 к.

Очерки по исторіи русской литературы. 2-е изданіе безъ перемѣнъ. СПб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Въ чемъ очарованіе русской литературы. Рѣчь, сказанная въ Москвѣ, 22 окт. 1911 г. на праздн. 100 лѣт. юбилея Общ. Люб. Рос. Словесности. СПб. 1912. Ц. 15 к.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Т. III.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Т. III.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“.
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

ПЕРЕДОВОЙ БОЕЦЪ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА. КОНСТАНТИНЪ АКСАКОВЪ

1912.

Типографія В. Безобразова и К°. В. Остр., Больш. пр., 61.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ автора	VII
I. Въ родительскомъ домѣ	1— 16
II. Въ университетѣ и кружкѣ Станкевича	17— 29
III. Начало литературной дѣятельности. Поѣздка за границу	30— 34
IV. Бездѣятельность. Борьба за русскую одежду	35— 50
V. Диссертація. Театральныя пьесы. „Московскій Сборникъ“	51— 58
VI. К. Аксаковъ и новое царствованіе. „Молва“.	59— 76
VII. Послѣдніе годы жизни К. С. Красота его духовной личности	77— 89
VIII. Стихи Константина Аксакова	90— 98
IX. Драматическія произведенія	99—116
X. Критическія статьи	117—130
cXI. Диссертація о Ломоносовѣ	131—138
XII. Филологическіе труды	139—150
XIII. Историческіе труды	151—168
XIV. „Земля“ и Государство	169—178
XV. Богоизбранность русскаго народа	179—193
XVI. Непосредственно-публицистическая дѣятельность	194—205
XVII. Записка 1855 года	206—210
XVIII. Общелитературное значеніе Конст. Аксакова	211—213
Приложеніе: Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя „Похожденія Чичикова“ или „Мертвыя души“ (рѣдчайшая брошюра К. Аксакова)	217—229
Библіографія	231—247

Этюдъ о Константинѣ Аксаковѣ первоначально былъ напечатанъ въ 1887 году, въ I томѣ „Критико-біографич. Словаря“. Затѣмъ онъ, съ небольшими дополненіями, былъ перепечатанъ въ 1 и 2 изданіяхъ моихъ „Очерковъ по исторіи русской литературы“.

Здѣсь этюдъ появляется въ значительно переработанномъ видѣ. Особенно дополнена часть біографическая, для которой даютъ много новаго вышедшіе послѣ появленія моего этюда сборники матеріаловъ и изслѣдованія: переписка Ивана Аксакова, Барсуковская многотомная біографія Погодина, извлекшая изъ Погодинскаго архива массу неизданныхъ документовъ и другіе новѣйшіе труды.

Обзоръ литературной дѣятельности Константина Аксакова, въ общемъ, остался безъ измѣненій. Но въ первой обработкѣ я, какъ и другіе изслѣдователи, не обратилъ достаточно вниманія на весьма интересный эпизодъ публицистической дѣятельности Аксакова — его участіе въ „Молвѣ“ 1857 г. Здѣсь я на этой вспышкѣ писательской энергіи Константина Сергѣевича останавливаюсь подробно.

Въ первый разъ, въ концѣ настоящаго этюда, данъ библіографическій списокъ произведеній К. Аксакова и указана литература о немъ. Составленіе списка представляло большія трудности. Многое я могъ указать только по намекамъ семейной переписки. Списокъ, однако, не претендуетъ на исчерпывающую полноту. Не было напр. никакихъ данныхъ относительно анонимныхъ статеекъ К. С. въ „Молвѣ“ 1830-хъ и „Москов. Наблюд.“ 1838—1840 г.г.

Въ видѣ приложенія перепечатана рѣдчайшая брошюра К. Аксакова о „Мертвыхъ Душахъ“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ поступившій въ Публичную Библіотеку экземпляръ — едва-ли не unicum.

29 Марта 1912 г. *С. В.*

I.

Константинъ Аксаковъ въ родительскомъ домѣ.

За рѣдчайшими исключеніями, геній никогда не переходитъ по наслѣдству. Въ русской литературѣ два великихъ генія—Лермонтовъ и Гоголь умерли безъ всякаго потомства, Пушкинъ, Достоевскій, Толстой не передали дѣтямъ высоты своего дарованія. Въ области русской науки тоже нѣтъ ни двухъ Лобачевскихъ, ни двухъ Менделѣевыхъ; въ исторіи русской музыки нѣтъ двухъ Глинокъ и нѣтъ двухъ Чайковскихъ.

Но просто талантливость часто преемственна и есть рядъ русскихъ семей съ ярко выраженной наслѣдственной даровитостью. Таковы Тургеневы, Бекетовы, Бакунины, Майковы, Кирѣевскіе, Самарины, Маковскіе, Трубецкіе, Хомяковы, Ковалевскіе, Фадѣевы и др.

Въ ряду этихъ талантливыхъ семей одно изъ первыхъ мѣстъ по силѣ дарованія занимаютъ Аксаковы. Долгую память оставилъ по себѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ, одинъ изъ классиковъ русской прозы, но не менѣе знамениты два его сына Константинъ и Иванъ. И не въ нихъ однихъ только сказалась аксаковская даровитость. Изъ переписки Ивана Аксакова съ родителями мы узнаемъ о ранней смерти юноши-композитора Михаила Сергѣевича (1841 г.). А сравнительно недавно (въ „Минувшихъ годахъ“ 1908 г.) былъ напечатанъ замѣчательный дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой, указывающій и на литературныя способности, и на образованность, и на ту же замѣчательную отзывчивость къ явленіямъ общественности, литературы и науки, которая такъ характеризуетъ ея знаменитыхъ братьевъ. Избравшій адмири-

стратнвную карьеру Григорій Сергѣевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ губернаторовъ русскихъ.

Но не только общностью дарованій отмѣчена семья Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. При печальномъ уровнѣ нашего семейнаго быта, семья Аксаковыхъ представляетъ собою рѣдкій примѣръ замѣчательно дружнаго семейнаго общенія.

Семья была огромная—11 человѣкъ, и всѣ нѣжно любили другъ друга. Прямо жить не могли другъ безъ друга, и разлука была настоящимъ горемъ. Потребность въ постоянномъ и полномъ общеніи была такъ велика, что переписка принимала обширнѣйшіе размѣры. Письма Ивана Аксакова занимаютъ 4 тома. Письма къ нему не изданы, но изъ примѣчаній къ перепискѣ Ивана видно, что писали ему подробно и часто: нѣсколько дней нѣтъ письма и онъ уже волнуется. Переписка Аксаковыхъ заключаетъ въ себѣ не только сообщенія о мельчайшихъ событіяхъ ежедневной жизни, но даетъ полный отчетъ о всѣхъ думахъ, размышленіяхъ по поводу событій общественныхъ и литературныхъ, которыя всѣ Аксаковы тоже переживали вмѣстѣ и, большею частью, подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія. Всякое событіе въ жизни одного члена семьи одинаково волновало всѣхъ. Сила этой семейной любви была такъ велика, что заражала и тѣхъ, которые къ ней примыкали позднѣе. Такъ, жена Григорія Сергѣевича была не просто невѣстка, а стала настоящею дочерью.

Если къ замѣчательно дружному семейному общенію Аксаковыхъ прибавить общую атмосферу матеріальной обезпеченности—не богатства, всегда разслабляющаго и развращающаго, а именно какой-то бездумности, легкости, то мы поймемъ, сколько въ этой обстановкѣ было благопріятнаго для созданія міровоззрѣнія оптимистическаго и далекаго отъ реальной жизни. Даже крѣпостное право не вносило диссонанса: вотчины были далеки, Сергѣй Тимоѳеевичъ по 25 лѣтъ не видалъ своихъ мужиковъ, а что касается многочисленной дворни московскаго дома, то при отсутствіи всякаго намека на тиранство и при искреннемъ уваженіи къ добрымъ господамъ, крѣпостныя отношенія въ семьѣ Аксаковыхъ пріобрѣтали характеръ какой-то величавой патріархальности.

Иванъ Аксаковъ провелъ въ этомъ идиллически-патріар-

хальномъ, уютномъ и благодатномъ гнѣздышкѣ только дѣтство и часть отрочества, Константинъ—всю свою 41-лѣтнюю жизнь.

Константинъ Сергѣевичъ былъ первенецъ очень счастливаго брака Сергѣя Тимоѳеевича съ Ольгой Семеновною Заплатиной.

О симпатичнѣйшемъ и благороднѣйшемъ Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ я сейчасъ говорить не буду. Ему будетъ посвященъ въ настоящемъ собраніи особый большой этюдъ—переработка того, который въ 1887 г. былъ напечатанъ въ 1-мъ томѣ моего „Критико-біографическаго словаря". Здѣсь только отмѣчу вліяніе Сергѣя Тимоѳеевича на сына.

Когда я въ 1887 г. писалъ свой этюдъ о Константинѣ Аксаковѣ мнѣ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя тогда имѣлись въ исторической литературѣ, роль отца и матери въ духовной жизни Константина Сергѣевича представлялась въ такомъ видѣ:

„Отъ Сергѣя Тимоѳеевича страстно любившій его первенецъ наслѣдовалъ размахъ таланта и нравственную чистоту. Что касается матери, то она тоже не совсѣмъ обыденная женщина, по крайней мѣрѣ по происхожденію. Отецъ ея былъ Суворовскій генералъ, а мать—плѣнная турчанка Игель-Сюмъ. И, можетъ быть, эта то примѣсь восточной крови сообщила обоимъ знаменитымъ внукамъ турчанки—Константину и Ивану Сергѣевичамъ ту страстность и ту энергію, которую едва ли они могли унаслѣдовать отъ мягкаго и добродушнаго Сергѣя Тимоѳеевича".

Это соотношеніе вліяній приходится теперь измѣнить кое-въ чемъ. Въ 1888 г. было начато изданіе переписки Ивана Аксакова, которая является обильнымъ источникомъ свѣдѣній о всей семьѣ Аксаковыхъ. Первому тому предпосланъ небольшой „Очеркъ семейнаго .быта Аксаковыхъ", написанный Иваномъ Сергѣевичемъ, но къ сожалѣнію не законченный имъ. И вотъ этотъ авторитетный очеркъ въ ряду вліяній на характеръ и духовный складъ Константина ставитъ на первое мѣсто не отца, а мать. Представителемъ-же страстности, но не совсѣмъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, и не въ смыслѣ энергіи, Иванъ какъ разъ считаетъ отца.

„Съ своею страстной натурой", говоритъ онъ, „Сергѣй Тимоѳеевичъ страстно отдавался чувству отца и почти бук-

вально замѣнялъ для своего сына-первенца няньку. Ребенокъ засыпалъ не иначе, какъ подъ его баюканіе. Вліяніе отца окружало Константина Сергѣевича съ дѣтства, сопровождало всю жизнь, и едва ли можно себѣ представить связь болѣе тѣсную той, которая соединяла отца съ сыномъ. Съ своего рожденія до самой кончины Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова въ 1859, году Константинъ Сергѣевичъ разстался со своимъ отцемъ только однажды и то на четыре мѣсяца. По смерти отца, онъ буквально зачахъ, и будучи отъ природы геркулесовскаго сложенія, умеръ чахоткой, переживъ его только 19-ю мѣсяцами".

„Въ натурѣ Константина Сергѣевича Аксакова не было ничего схожаго съ натурою Сергѣя Тимоѳеевича. Онъ, какъ говорится, *весь былъ въ мать* (курсивъ Ивана Сергѣевича). Весь нравственный строй его существа, возвышенность помысловъ и стремленій, суровость въ отношеніи къ себѣ, строгость требованій, элементъ доблести и героизма— все это заложено было въ него матерью; все это было въ Константинѣ Сергѣевичѣ, какъ въ его матери, не въ видѣ правила, руководящаго въ жизни, но составляло въ немъ и въ ней природную стихію. Сергѣй Тимофеевичъ любилъ жизнь, любилъ наслажденіе, онъ былъ художникъ въ душѣ и ко всему наслажденію относился художественно. Страстный актеръ, страстный охотникъ, страстный игрокъ въ карты, онъ былъ артистомъ во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ,—и въ полѣ съ собакой и ружьемъ, и за карточнымъ столомъ. Онъ былъ подверженъ всѣмъ слабостямъ страстнаго человѣка, забывалъ нерѣдко весь міръ въ припадкѣ своего увлеченія; уже женатый проводилъ онъ цѣлые дни за охотой, цѣлыя ночи за картами; но зная за собою эти слабости, онъ былъ смиреннаго о себѣ мнѣнія, былъ чуждъ гордости къ ближнему, напротивъ отличался постоянною снисходительностью. Это-то качество и дало ему возможность развить въ себѣ ту теплую объективность, которая составляетъ такую прелесть „Семейной хроники", которая чуждается всякой экзажераціи (преувеличеній), рѣзкостей, полна любви и благоволенія къ людямъ и отводитъ мѣсто каждому явленію, доброму и дурному въ человѣческой жизни. Радушный и добрый отъ природы, онъ обладалъ умомъ чрезвычайно яснымъ и трез-

вымъ. Эта ясность омрачалась пылкостью и страстностью". И только „когда годы и болѣзни умѣрили пылъ и обуздали страсти,—умъ его, освободясь изъ-подъ гнета, достигъ той степени спокойнаго, объективнаго отношенія къ жизни, которое такъ поражаетъ читателей въ его сочиненіяхъ. Умъ переходилъ въ мудрость.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ былъ чуждъ гражданскихъ интересовъ, относился къ нимъ индифферентно: природа и литература были главные его интересы. Даже 1812 годъ, когда Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову былъ уже 22-й годъ, не оставилъ въ немъ особенныхъ воспоминаній. Правда, онъ съ отцомъ своимъ записались въ милицію, —но и только. 12-й годъ онъ прожилъ въ деревнѣ. Будучи вполнѣ русскимъ, онъ никогда не былъ „патріотомъ" даже въ духѣ своего времени. Политикой онъ не занимался вовсе и никогда не предъявлялъ никакихъ притязаній на героизмъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ нужныхъ случаяхъ онъ проявилъ бы настоящую твердость; онъ даже любилъ разсказывать о себѣ, какъ о трусѣ (къ великому огорченію своего старшаго сына). Мать Константина Сергѣевича была, напротивъ того, исполнена самыхъ героическихъ и патріотическихъ стремленій, которыя она и внушала своимъ сыновьямъ съ дѣтства. Она предпочитала сыновей дочерямъ. Имѣя въ жизни своей 14 дѣтей, изъ коихъ шесть сыновей, она жалѣла, что остальныя были дочери. Ея отецъ, небогатый помѣщикъ Курской губерніи, былъ человѣкъ замѣчательныхъ достоинствъ. Онъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ во всѣхъ походахъ Суворова,—въ Польшѣ, въ Турціи, былъ при осадѣ Очакова, имѣлъ георгіевскій крестъ; при Павлѣ командовалъ полкомъ своего имени и вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ. При Александрѣ, во время войны съ Наполеономъ, онъ командовалъ ополченіемъ. Вся жизнь его протекла въ походахъ и въ провинціи. Его жена и мать Ольги Семеновны была Турчанка, Ягель-Сюма, взятая 12-ти лѣтъ, при осадѣ Очакова. Она была изъ рода эмировъ, какъ извѣстно, производящихъ себя отъ Магомета и пользующихся правомъ носить зеленую чалму. Немного разсказовъ сохранилось о ея дѣтствѣ. Когда русскіе пошли на штурмъ, отецъ ея, схвативъ саблю, побѣжалъ къ стѣнамъ, а тетка (матери у нея въ живыхъ не

было), взявъ ее и другихъ дѣтей, присоединилась къ толпѣ другихъ женщинъ. Всѣ они побѣжали по мосту, котораго перила обвалились, и тетка Игель-Сюмы упала въ ровъ. Войны съ Турціей при Екатеринѣ были за обычай въ Россіи; плѣнные турки и турчанки размѣщались по обывателямъ. Игель-Сюма попала въ семейство генерала Воинова. Ее скоро окрестили и выучили читать и писать по-русски. При Екатеринѣ было даже издано учебное руководство для плѣнныхъ турокъ: съ одной стороны текстъ турецкій, съ другой—русскій. Необыкновенная красавица, она привлекла къ себѣ сердце молодаго Заплатина, который и женился на ней. По окончаніи войны, когда разрѣшенъ былъ размѣнъ плѣнныхъ, родственники въ Турціи требовали ея возврата. Разсказываютъ даже, что одинъ изъ нихъ нарочно пріѣзжалъ въ Россію, чтобы разыскать ее, и изъѣздилъ всю Курскую губернію—но напрасно. Марія—такъ звали теперь Игель-Сюму—была скрыта.

Она жила недолго,—умерла тридцати лѣтъ съ небольшимъ. Оттѣнокъ грусти лежалъ на всемъ ея существованіи. Войны съ Турціей возобновлялись, и видъ плѣнныхъ турокъ, которыхъ прогоняли чрезъ Обоянь, всегда волновалъ ее сильно. Она пріѣзжала не разъ въ Москву съ мужемъ и дѣтьми, ѣздила въ Собраніе, но все же никогда не могла освоиться съ европейскою жизнью. Въ семействѣ долго сохранялась ея турецкая шаль, ея чалма и также русская азбука съ турецкимъ текстомъ, изданная при Екатеринѣ. У нея было четверо дѣтей, изъ которыхъ двое умерли еще въ дѣтствѣ. Она сопровождала Семена Григорьевича въ его походахъ—и тамъ на походѣ въ Польшу, въ 1792 году родилась у нея дочь Ольга, впослѣдствіи жена Сергѣя Тимоѳеевича и мать Константина и Ивана Сергѣевичей.

Овдовѣвъ и поселившись въ деревнѣ Обоянскаго уѣзда, Семенъ Григорьевичъ взялъ свою старшую дочь изъ пансіона, —и она стала его товарищемъ, секретаремъ и другомъ. Въ обществѣ стараго воина-отца она почерпнула тотъ духъ доблести, которымъ такъ рѣзко отличалась отъ другихъ женщинъ. Она постоянно читала отцу своему историческія сочиненія въ русскомъ переводѣ,—напримѣръ, исторію Ролленя въ переводѣ Тредьяковскаго, описанія военныхъ походовъ,

реляціи сраженій, газеты. Старикъ внимательно слѣдилъ за политикой.

Вотъ въ какой школѣ воспитывалась Ольга Семеновна. Неумолимость долга, цѣломудренность поразительная въ женщинѣ, имѣвшей столькихъ дѣтей, отвращеніе отъ всего грязнаго, сальнаго, нечистаго, суровое пренебереженіе ко всякому комфорту, правдивость, доходившая до того, что она не могла позволять сказать, что ея нѣтъ дома, когда она дома, презрѣніе къ удовольствіямъ и забавамъ, чистосердечіе, строгость къ себѣ и ко всякой человѣческой слабости, негодованіе, рѣзкость суда, при этомъ пылкость и живость души, любовь къ поэзіи, стремленіе ко всему возвышенному, отсутствіе всякой пошлости, всякой претензіи,—вотъ отличительныя свойства этой замѣчательной женщины. Но всѣ эти свойства составляли ея стихію, а не были чѣмъ-то надуманнымъ. Напротивъ, въ ней не было того, что называется житейскою мудростью; въ свѣтѣ она казалась наивною по своей неспособности къ лицемѣрію и двоедушію. Она не могла скрыть ни своихъ симпатій, ни антипатій. Благоговѣйно покорялась она мужней волѣ, но когда дѣло шло для нея о нравственномъ началѣ, мужъ долженъ былъ склоняться передъ нею: не то, чтобы она только *не хотѣла*, но она *не могла* дѣйствовать вопреки своему убѣжденію. У нея не было никакой эластичности, а сойти съ своей точки зрѣнія и стать на чужую, отрѣшиться отъ своей личности, чтобы понять чужую, ей было трудно, почти невозможно.

Мать Гракховъ, Муцій Сцевола были ея героями.

Хотя Сергѣй Тимоѳеевичъ вовсе не раздѣлялъ ригоризма своей жены, но онъ именно умѣлъ цѣнить людей внѣ своей личной природы. Онъ уважалъ высоко свою жену и всѣ ея нравственныя требованія, хотя въ личной своей жизни шелъ нерѣдко имъ наперекоръ.

Вотъ подъ какимъ двойнымъ вліяніемъ возросъ Константинъ Сергѣевичъ, внукъ турчанки Игель-Сюмы и Софьи Николаевны Багровой. Натура матери, страстно любимый отцомъ и еще страстнѣе любящій его, Константинъ Сергѣевичъ совмѣщалъ съ нравственными свойствами матери эстетическій вкусъ и любовь къ литературѣ своего отца. Стихи Державина и русская деревня вспеленали его, такъ сказать,

съ дѣтства. Четырехъ лѣтъ онъ выучился читать у матери, и первою его книгою для чтенія была Исторія Трои, изданія 1747 года, съ буквами З. Ѯ. и т. д., переложеніе „Иліады“ на русскій и, надобно признаваться, варварскій языкъ. Гекторъ, Діомедъ, Ахиллъ стали его любимыми героями. По свойству своей натуры немедленно воплощать въ наружныхъ явленіяхъ внутренее чувство (свойство, не покидавшее его въ теченіе всей его жизни), онъ вырѣзывалъ изъ коронъ фигуры съ копьями и щитами, присвоивалъ имъ названіе своихъ любимцевъ и велъ войну между греками и троянами“.

Константинъ Аксаковъ родился 29 марта 1817 г. въ селѣ Новомъ-Аксаковѣ, Бугурусланскаго уѣзда, Оренбурской губерніи. Эта заволжская вотчина хорошо извѣстна всѣмъ читателямъ „Семейной Хроники“ подъ названіемъ Новаго Багрова. Настоящее же имя ея—село Знаменское или Ново-Аксаково.

Сергѣй Тимоѳеевичъ, за годъ до того, въ 1816 году, женившійся на Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной, состоялъ еще тогда при родителяхъ и прожилъ безвыѣздно въ домѣ родителей до 1821 года. „Въ 1821 году Тимоѳей Степановичъ согласился, наконецъ, выдѣлить сына Сергѣя, у котораго уже было тогда четверо дѣтей, и назначилъ ему въ вотчину село Надежино въ Бѣлебейскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи“ (Парашино „Семейная Хроника“). Прежде чѣмъ переѣхать туда, Сергѣй Тимоѳеевичъ съ семьей весело и шумно прожилъ годъ въ Москвѣ, а лѣтомъ 1822 года вернулся „ради экономіи“ въ родныя мѣста и четыре года—до осени 1826 года—безвыѣздно прожилъ въ своей вотчинѣ. Такимъ образомъ, наиболѣе впечатлительные годы дѣтства Константинъ Аксаковъ провелъ въ Надежинѣ. Здѣсь онъ прожилъ до девяти лѣтъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ крестьянами, которые, благодаря благодатнымъ климатическимъ условіямъ богатаго оренбургскаго края, въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніи стояли выше забитаго крестьянства другихъ частей Россіи. И такъ какъ Константинъ Сергѣевичъ отличался необыкновенно раннимъ умственнымъ развитіемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что первыя идиллическія условія, среди которыхъ прошло дѣтство будущаго восторженнаго проповѣдника необходимости единенія интеллигенціи

съ народомъ, не остались безъ вліянія на оптимистическій взглядъ его на возможность этого единенія.

Наряду съ матерью, наставникомъ и духовнымъ руководителемъ Константина Аксакова былъ самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, содѣйствовавшій его раннему восторженному отношенію къ русской литературѣ. „Въ Надеждинѣ, освѣженный новыми знакомствами и посѣщеніями Москвы, Сергѣй Тимоѳеевичъ, будучи человѣкомъ экспансивнымъ, невольно пріобщилъ своего малютку-сына своимъ литературнымъ интересамъ. „Евгеній Онѣгинъ“ присылался тетрадями. Все это читалось вслухъ, громко, съ какимъ-то увлеченіемъ“.

„Константинъ Сергѣевичъ росъ, упражняясь въ чтеніи, а это чтеніе были всѣ произведенія тогдашней классической литературы, начиная съ Хераскова. Едва ли не одинъ изо всѣхъ своихъ сверстниковъ зналъ Константинъ Сергѣевичъ Хераскова, Княжнина, Ломоносова и т. д. Когда ему минуло восемь лѣтъ, отецъ подарилъ ему въ богатомъ переплетѣ томъ стихотвореній Ивана Ивановича Дмитріева. По этой книгѣ, которую Константинъ Сергѣевичъ скоро зналъ наизусть, Ольга Семеновна учила читать дѣтей своихъ:

„Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать“.

Или:

Мои сыны, питомцы славы,
Красивы, горды, величавы“.

Вотъ на какомъ героическомъ чтеніи воспитывала Ольга Семеновна своихъ дѣтей.

Константинъ Сергѣевичъ любилъ вспоминать (онъ вообще съ нѣжностью относился къ своимъ дѣтскимъ годамъ) свое пребываніе въ Надеждинѣ и чѣмъ съ раннихъ лѣтъ воспитывалось въ немъ русское чувство. Прежде всего онъ отказался звать отца иностраннымъ словомъ папаша, а называлъ его уменьшительнымъ отъ слова отецинька, *отссинька*, и такъ сохранилось до кончины. Вообще, Константинъ Сергѣевичъ утверждалъ всегда, что не ощущаетъ рѣзкаго различія во внутреннемъ своемъ существѣ съ ходомъ лѣтъ. Между дѣтскими годами и зрѣлымъ возрастомъ почти у всѣхъ лежитъ цѣлая пропасть. У него, напротивъ, не было никакого раз-

рыва съ младенчествомъ въ душѣ и сердцѣ. Умъ вызрѣлъ, обогатился познаніями,—но въ нравственномъ отношеніи не произошло перемѣны, не явилось никакой порчи: та же чистота души и тѣла, та же вѣра въ людей. Этому много способствовало и то, что онъ до послѣдняго года жизни жилъ при отцѣ и матери и никогда съ ними не разлучался. Онъ не стыдился ни младенческихъ движеній, ни отношеній дитяти къ родителямъ. Вообще онъ не зналъ fausse honte. Хотя бы гостинная была полна гостей, онъ точно такъ же цѣловалъ руки у отца и ласкался къ нему, какъ бывало въ дѣтствѣ. Вообще въ немъ не было никакого ложнаго страха. Онъ не могъ допустить въ себѣ никакого движенія, которое бы требовало скрытности: это было мѣриломъ для его поступковъ.

Еще въ Надежинѣ ребенкомъ онъ видѣлъ сонъ—Красную площадь и Минина въ цѣпяхъ, что впослѣдствіи онъ и разсказалъ въ стихахъ:

Нѣтъ, мечта не приснилась,
и проч.

Любовь къ Москвѣ, какъ непосредственное чувство, зажглось въ немъ еще въ тѣ годы.

Къ этому же времени принадлежитъ его первая литературная попытка: онъ написалъ сцены — *„Ловля бабочекъ“*.

За четыре года, которые любившій развлеченія Сергѣй Тимоѳеевичъ прожилъ въ Надежинѣ, деревенская жизнь жестоко надоѣла ему, тѣмъ болѣе, что занятія хозяйствомъ шли плохо. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Москву и искать службу. Благодаря знакомству съ министромъ народнаго просвѣщенія Шишковымъ, онъ получилъ мѣсто цензора въ Москвѣ, гдѣ и поселился въ сентябрѣ 1826 года. Въ Москвѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ, а съ нимъ, конечно, все ростущая семья, съ которою онъ никогда не разставался, прожилъ до самой смерти,—въ 1859 году. Въ 1840-хъ годахъ Сергѣй Тимоѳеевичъ пріобрѣлъ прекрасную подмосковную деревню Абрамцево и здѣсь Аксаковы проводили лѣто.

Цензорскую службу, по тому времени и по политическому міросозерцанію Сергѣя Аксакова, „безъ лести“, но все таки искренно преданнаго правительству, нельзя считать темною

страницею его біографіи. Тѣмъ болѣе, что цензоромъ онъ былъ, въ общемъ, снисходительнымъ и кончилось его цензорство тѣмъ, что въ 1832 году его отставили. Онъ провинился тѣмъ, что пропустилъ въ журналѣ „Европеецъ“ статью Ивана Кирѣевскаго„ Девятнадцатый вѣкъ“. Въ этой статьѣ говорилось о „просвѣщеніи“, и въ этомъ усмотрѣли псевдонимъ страшнаго слова „свобода“; говорилось о „дѣятельности разума“— и какъ было не усмотрѣть тутъ прославленія революціи. И, наконецъ, „искусно отысканная середина“ явно заключала въ себѣ апоѳеозъ конституціи.

Во всякомъ случаѣ въ духовной атмосферѣ Аксаковскаго дома не было ничего „цензорскаго“. Скорѣе наоборотъ. То, что Сергѣй Тимоѳеевичъ пострадалъ за доброе отношеніе къ печатному слову, настраивало рано созрѣвшее молодое поколѣніе Аксаковыхъ совсѣмъ по иному. И, можетъ быть, не случайно самая страстная въ русской литературѣ защита свободы слова, принадлежитъ двумъ сыновьямъ потерпѣвшаго за нее Сергѣя Тимоѳеевича.

Если была опасность опошленія для впечатлительнаго Константина Сергѣевича, то совсѣмъ съ другой стороны. Пошловата была литературная среда, въ которой вращался въ 20-хъ годахъ Сергѣй Тимоѳеевичъ.

Въ тотъ 1820 годъ, когда Сергѣй Тимоѳеевичъ пріѣзжалъ изъ Аксакова въ Москву, онъ напечаталъ переводъ сатиры Буало и этого по тому времени было совершенно достаточно, чтобы удостоиться избранія въ члены Общества Любителей Россійской Словесности. Завязалась у него тогда тѣснѣйшая дружба съ Загоскинымъ, съ гремѣвшимъ въ свое время водевилистомъ Писаревымъ и съ директоромъ театра и драматургомъ Кокошкинымъ. Дружба не ослабѣла и за четыре года вторичнаго отъѣзда Сергѣя Тимоѳеевича въ деревню и возобновилась съ еще большею интенсивностью, когда Аксаковъ въ 1826 году со всѣмъ семействомъ пріѣхалъ въ Москву на постоянное жительство.

Близость съ сейчасъ названными писателями, къ которымъ, со времени окончательнаго переѣзда въ Москву, надо еще присоединить доживавшаго свой вѣкъ драматурга кн. Шаховскаго, довела старинную театроманію Сергѣя Тимоѳеевича до апогея. Въ этюдѣ о Сергѣѣ Аксаковѣ я подробнѣе

остановлюсь на этой театроманіи и докажу, что она сыграла весьма отрицательную роль въ литературной карьерѣ его, задержала естественный ростъ его таланта, направивъ его въ такую сторону, гдѣ особенности оригинальнаго дарованія автора „Семейной Хроники“ не могли найти ни почвы, ни соковъ для своего развитія. Сейчасъ отмѣчу только, что въ концѣ 20-хъ г.г. Сергѣй Тимоѳеевичъ окончательно завертѣлся въ закулисномъ мірѣ, такъ что не только начиналъ терять послѣдній интересъ къ явленіямъ нетеатральнаго міра и не только дебюты того или другого актера, успѣхи той или другой пьесы начинали ему казаться событіями первостепенной важности, но у него и вкусъ литературный сталъ портиться. Онъ пошелъ по такому литературному пути, который, можетъ быть, совершенно загубилъ бы его крупное дарованіе, если-бы въ серединѣ тридцатыхъ годовъ встрѣча съ Гоголемъ и возмужаніе старшаго сына Константина не ввело его въ сферу болѣе высокихъ умственныхъ интересовъ. Какой-нибудь водевилистъ Писаревъ ему серьезно казался человѣкомъ задатковъ „Аристофановскихъ“.

И вмѣстѣ съ тѣмъ дружба съ московскими водевилистами ссорила его съ лучшимъ представителемъ русской журналистики того времени—Полевымъ.

Домашніе всѣмъ этимъ живо интересовались.

„По экспансивности Сергѣя Тимоѳеевича“, сообщаетъ Иванъ Аксаковъ, «вся семья принимала участіе въ его интересахъ. Дѣти знали, напримѣръ, что такъ-то была принята публикою такая-то пьеса, такой-то остроумный куплетъ сочиненъ былъ Писаревымъ, надъ тѣмъ-то работаетъ Верховцевъ и т. д.“

Подраставшій Константинъ былъ, однако, слишкомъ серьезно настроенъ съ самаго нѣжнаго дѣтства, чтобы увлечься этою мелкотою. Рано обозначился въ немъ будущій теоретикъ и партійный знаменоносецъ.

„Константинъ Сергѣевичъ съ одной стороны принималъ живое участіе во всѣхъ интересахъ отца (вообще у Сергѣя Тимоѳеевича дѣти не были отдаляемы отъ родителей; гости принимались всею семьею), съ другой стороны учился у Венелина латинскому языку, у Долгомостьева—греческому

языку, у Фролова—географіи. Онъ много читалъ и въ особенности любилъ чтеніе русской исторіи. Но какъ у Сергѣя Тимоѳеевича не было ни малѣйшаго поползновенія къ пропагандѣ, такъ, напротивъ, наклонность къ ней была замѣтна у Константина Сергѣевича съ самаго начала. Будучи старшимъ въ многочисленной семьѣ, Константинъ Сергѣевичъ, конечно, давалъ направленіе всѣмъ своимъ братьямъ и сестрамъ. Прочитавъ Карамзина, онъ тотчасъ же собиралъ въ своей комнаткѣ наверху своихъ сестеръ и братьевъ и заставлялъ ихъ слушать его исторію. Она воспламеняла въ немъ патріотическое чувство. Не знаю, почему именно въ особенности возбудилъ его восторгъ эпизодъ о нѣкоемъ князѣ Вячко, который, сражаясь съ Нѣмцами при осадѣ Кукенавена, не захотѣлъ имъ сдаться и, выбросившись изъ башни, погибъ. Оттого ли, что имя этого героя предано совершенному забвенію, тогда какъ имена прочихъ доблестныхъ подвижниковъ сохраняются въ людской памяти,—не знаю, только Константинъ Сергѣевичъ, будучи лѣтъ 12-ти, установилъ праздникъ Вячки 30-го Ноября. Въ этотъ день, вечеромъ, наряжался Константинъ Сергѣевичъ съ братьями въ желѣзные латы, шлемы и проч., маленькія сестры въ сарафаны,—всѣ вмѣстѣ водили хороводъ и пѣли пѣсню, сочиненную Константиномъ Сергѣевичемъ для этого случая. Пѣсня была длинная и разсказывала подробно подвигъ Вячки. Она, я помню, начиналась такъ:

Запоемте, братцы, пѣсню славную,
Пѣсню славную, старинную,
Какъ бывало храбрый Вячко напъ
и проч.

Затѣмъ слѣдовало угощеніе,—непремѣнно русское,—пился медъ, ѣлись пряники, орѣхи и смоквы.

Замѣчательно, что увлекаясь чтеніемъ рыцарскихъ романовъ, Константинъ Сергѣевичъ и здѣсь выразилъ свою самостоятельность. Онъ учредилъ дружину изъ воиновъ; главнымъ начальникомъ былъ, разумѣется, онъ, воинами—его братья и нѣкоторые знакомые мальчики. Исключеніе изъ воиновъ было самымъ жестокимъ наказаніемъ. Вооруженіе приготовлялось дома: покупались желѣзные листы и крон-

лись латы, просверливались гвоздями, шнуровались; кажется, дѣлались и наножники (на голень); шлемы дѣлались отчасти изъ картона, отчасти изъ желѣза; модели доставлялись, благодаря связямъ отца, изъ театральнаго гардероба. Помогалъ тутъ много домашній крѣпостной столяръ Андрей, который дѣлалъ и деревянные мечи, а дѣти сами ихъ окрашивали синькой. Были и копья. К. Ѳ. Калайдовичъ, помню, подарилъ даже Константину Сергѣевичу копье желѣзное металльное, съ желѣзными перьями на одномъ концѣ, вырытое гдѣ-то на поляхъ и почему-то называвшееся копьемъ Изяслава. Старинные палаши изъ солингенской стали, найденные въ амбарахъ Новаго Аксакова, составляли украшеніе комнаты Константина Сергѣевича. Въ довершеніе всего этого, Константинъ Сергѣевичъ писалъ повѣсть о приключеніяхъ дружины молодыхъ людей, „любившихъ древнее русское вооруженіе“. По мѣрѣ написанія, повѣсть прочитывалась вслухъ и поражала умы аудиторіи разнообразіемъ и загадочностью приключеній. Несмотря на то, что она постепенно достигла объема цѣлаго тома in 8°, она никогда не была кончена.

Слѣдуетъ упомянуть также о другихъ играхъ, измышленныхъ Константиномъ Сергѣевичемъ. Изъ сахарной бумаги, бѣлой и синей, складывались по извѣстному способу корабли разныхъ размѣровъ въ довольно большомъ количествѣ и раздѣлялись на два флота: одинъ русскій, другой англійскій, или французскій, или иной—*вражій*. Они разставлялись другъ противъ друга на обоихъ концахъ залы (все это происходило въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Аѳанасія и Кирилла, въ домѣ Слѣпцова). Съ каждой стороны кто-нибудь ложился на полъ и катилъ мячъ по полу, цѣля въ корабль. Сочинены были и правила для игры: если мячъ отодвинетъ корабль за черную полоску, которою обыкновенно обводились около стѣны крашеные полы, то это значило, что корабль сѣлъ на мель; если попадалъ внутрь, въ средину корабля,—корабль пошелъ ко дну и т. д. Даже велся списокъ сраженій; добыто было раскрашенное изображеніе морскихъ флаговъ всѣхъ націй, и часть бумажнаго корабля расписывалась сообразно національности корабля. Никакихъ же другихъ игръ, ни лошадокъ, ни куколъ, ни игрушекъ, не зналъ Константинъ Сергѣевичъ, да почти и никто въ домѣ Аксаковыхъ.

Разыгрывались иногда по выбору и по иниціативѣ самого Константина Сергѣевича сцены изъ „Чудаковъ“ Княжнина, изъ „Трисотина“ Дмитріева и нѣкоторыя другія.

Нельзя не разсказать и еще объ одной затѣѣ, характеризовавшей будущаго славянофила. Употребленіе французскаго языка въ разговорѣ рѣзко осуждалось Константиномъ Сергѣевичемъ,—да и вообще великосвѣтскость была предметомъ постоянной его насмѣшки. Конечно, кромѣ искренняго уваженія къ родному языку и негодованія, возбуждаемаго пренебреженіемъ къ нему, много значило и то, что въ домѣ Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова французскій языкъ не употреблялся вовсе, и самъ Константинъ Сергѣевичъ не имѣлъ привычки говорить на немъ. Большой свѣтъ какъ бы не существовалъ для этого семейства. Какъ бы то ни было, но нѣкоторыя дамы, знакомыя Ольги Семеновны, писали иногда ей на французскомъ языкѣ; записки эти уносились на-верхъ, и тамъ всѣ братья, имѣя во главѣ Константина Сергѣевича, прокалывали эти записки ножами, взятыми изъ буфета, потомъ торжественно сожигали и пѣли хоромъ пѣсню, нарочно сочиненную Константиномъ Сергѣевичемъ:

Заклубися, дымъ проклятья,
и проч.

Впрочемъ, оттого ли, что Сергѣй Тимоѳеевичъ, узнавъ объ этомъ, выразился, что это глупо, или оттого, что какая-то дама, случайно провѣдавъ о томъ, что ея имя предаютъ проклятію, чрезвычайно разобидѣлась, только этой затѣѣ былъ скоро положенъ конецъ.

Одаренный счастливыми способностями, энтузіастъ, исполненный самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ стремленій и въ то же время непосредственной любви къ Россіи, русскому народу и Москвѣ, въ мірѣ интересовъ литературы и искусства возрасталъ Константинъ Сергѣевичъ, удивляя пріятелей отца своими дарованіями...»

На этомъ обрывается очеркъ Ивана Аксакова, столь цѣнный для исторіи „семейнаго быта Аксаковыхъ“ вообще и Константина Сергѣевича въ частности. Не назвавшій себя издатель переписки, лицо, видимо, очень близкое семьѣ, прибавляетъ со словъ Ивана Аксакова еще слѣдующее:

„Иванъ Сергѣевичъ самъ относилъ свое раннее развитіе тому, что въ его семействѣ д ѣ т с к а я не существовала, т.-е. не существовалъ тотъ сомкнутый, разгороженный уголокъ, гдѣ подъ надзоромъ наемныхъ педагоговъ возрастаетъ молодое поколѣніе въ какой-то искусственной, прѣсной атмосферѣ, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительною жизнью. Въ семействѣ Аксаковыхъ дѣти были постоянно съ родителями, со старшими, жили ихъ жизнью, интересовались ихъ интересами“.

„Вотъ еще характеристическая черта семейныхъ отношеній Аксаковыхъ: въ письмахъ къ своимъ еще далеко несовершеннолѣтнимъ сыновьямъ Сергѣй Тимоѳеевичъ всегда называетъ каждаго изъ нихъ: „Мой сынъ и д р у г ъ“, и самъ подписывается: „Твой д р у г ъ и отецъ“, и подъ его перомъ это слово: д р у г ъ не есть только ласковое названіе; — онъ опредѣляетъ на самомъ дѣлѣ отношеніе отца къ сыновьямъ: онъ былъ для нихъ искреннимъ и истиннымъ другомъ; онъ дѣйствовалъ на нихъ не только пріемомъ внѣшняго, формальнаго авторитета, но гораздо болѣе вліяніемъ нѣжнаго, разумнаго, мудраго сочувствія».

I.

Въ университетѣ и кружкѣ Станкевича.

Блестящія способности Константина Аксакова быстро сказались. Уже въ 1832 году, т. е. 15-ти лѣтъ онъ поступаетъ на словесный факультетъ московскаго университета. Здѣсь онъ попадаетъ въ умственныя теченія, весьма мало похожія на тѣ, въ которыя его могъ ввести застрявшій въ путахъ условнаго классицизма и мелкихъ театральныхъ интересовъ Сергѣй Тимоѳеевичъ.

Съ мѣсяцъ или два передъ этимъ, лѣтомъ 1832 г., К. С. провелъ въ пансіонѣ Погодина, гдѣ съ нимъ занимался Веневитинъ. Недолгая была разлука, а все-таки „съ плачемъ разстались Аксаковы съ своимъ возлюбленнымъ сыномъ“ (*Барсуковъ*. Жизнь Погодина, IV, 51).

Въ знаменательное время попалъ онъ въ университетъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ московскій университетъ находился на рубежѣ совершенно новой эпохи, на рубежѣ рѣзкой перемѣны въ профессурѣ и студенчествѣ. Цѣлый рядъ молодыхъ профессоровъ: шеллингистъ Павловъ, даровитый Надеждинъ, Шевыревъ—тогда еще молодой энтузіастъ, только что вернувшійся изъ-за границы и еще не превратившійся въ того сухого педанта, съ которымъ ожесточенно ратоборствовалъ впослѣдствіи кружокъ Бѣлинскаго; Погодинъ, тоже еще молодой и свѣжій,—всѣ эти молодыя силы внесли новый духъ въ университетское преподаваніе, который и не замедлилъ произвести въ немъ радикальныя перемѣны. Вмѣсто прежняго монотоннаго считыванія съ старыхъ тетрадокъ, въ незапамятныя времена заготовленныхъ и изъ года въ годъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, повторяемыхъ,

съ профессорской кафедры послышалось живое слово, стремившееся отразить вѣянія времени, удовлетворить нарождающимся потребностямъ жизни.

Параллельно этимъ перемѣнамъ въ профессорской средѣ, происходитъ большая перемѣна и въ московскомъ студенчествѣ. Студентъ изъ бурша превращается въ молодого человѣка, поглощеннаго высшими стремленіями. Прежніе патріархальные нравы, когда московскіе студенты, главнымъ образомъ, занимались пьянствомъ, буйствомъ, задираніемъ прохожихъ, мало-по-мало начинаютъ отходить въ область преданій. Правда, и въ годы вступленія Аксакова въ университетъ, студенты забавлялись еще подчасъ разными чисто-школьническими шалостями и продѣлками. Пронесутъ, напримѣръ, подъ полою воробья въ аудиторію и затѣмъ, когда профессоръ войдетъ въ паѳосъ, выпустятъ его; воробей примется летать, а студенты, внѣ себя отъ негодованія, съ шумомъ и гамомъ повскачутъ со скамеекъ и начинаютъ ловить по всей аудиторіи нарушителя порядка. Но въ общемъ, все-таки, эти времена буйства, школьничества и незнанія куда дѣть запасъ юношескихъ силъ, рѣшительно проходятъ и замѣняются стремленіемъ къ „солнцу истины“, какъ выражается Константинъ Аксаковъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ. Начинается образованіе среди московскихъ студентовъ тѣсно сплоченныхъ кружковъ молодыхъ людей, восторженныхъ и чистыхъ, сходящихся затѣмъ, чтобы выяснить себѣ вопросы нравственные, философскіе, политическіе.

Студенчество новаго типа сгруппировалось по преимуществу въ двухъ кружкахъ—*Станкевича и Герцена*. И какъ это ни странно, но почти все, чѣмъ славно поколѣніе сороковыхъ годовъ, или прямо вышло изъ этихъ двухъ кружковъ, или тѣсно къ нему примыкало. Безусловно правъ Герценъ, когда, вспоминая въ „Быломъ и Думахъ“ о студенческихъ кружкахъ своего времени, говоритъ о лицахъ, входившихъ въ составъ ихъ: „Можно сказать, что въ то время Россія будущаго существовала между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства. Въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки. Это были зародыши исторіи, незамѣтные, какъ зародыши вообще. Слабые, ничтожные, ничѣмъ не поддерживаемые, они легко могли бы погиб-

нуть безъ слѣда подъ сапогомъ Николая, но они остаются, а если и умираютъ на полдорогѣ, то не все умираетъ съ ними".

Оба кружка, хотя и одушевленные однимъ и тѣмъ же жаромъ высокихъ стремленій, почти не имѣли между собою общенія и отчасти даже враждебно относились другъ къ другу. Они были представителями двухъ направленій. Кружокъ Станкевича интересовался по преимуществу вопросами отвлеченными: философіей, эстетикой, литературой и былъ довольно равнодушенъ къ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ. Напротивъ того, кружокъ Герцена, тоже очень интересовавшійся философіей, не особенно интересовался литературой, а все свое вниманіе сосредоточилъ на вопросахъ политики и соціальнаго устройства. Бурная жизнь іюльской монархіи и ученіе Сенъ-Симона составляли преобладающій интересъ Герцена и его друга Огарева. Кружку Герцена весьма скоро пришлось столкнуться съ тѣмъ, что на жаргонѣ того времени называлось „дѣйствительностью", и эта „дѣйствительность" поступила съ ними безъ всякой нѣжности, бросивъ ихъ сначала въ тюрьму, а затѣмъ размѣстивъ по разнымъ угламъ Россіи. Поэтому на литературномъ поприщѣ они появляются позже, чѣмъ члены кружка Станкевича.

Оставляя въ сторонѣ кружокъ Герцена, который не оказалъ никакого вліянія на Константина Аксакова, остановлюсь нѣсколько на кружкѣ Станкевича, въ тѣсномъ общеніи съ которымъ Константинъ Аксаковъ провелъ лучшіе годы своей молодости. Для цѣльности придется забѣгать впередъ и захватить не одинъ только студенческій періодъ его существованія, но и 3—4 года послѣ окончанія университета.

Въ составъ первоначально чисто-студенческаго кружка Станкевича, продолжавшаго жить въ тѣснѣйшемъ духовномъ общеніи и восторженнѣйшей дружбѣ и послѣ того, какъ члены его въ 1834—1835 гг. оставили университетъ, входили люди неодинаковой умственной и нравственной величины.

Второстепенное значеніе имѣютъ: рано умершій историкъ и археологъ Сергѣй Строевъ; довольно посредственный поэтъ, впослѣдствіи профессоръ кіевскаго университета Кра-

совъ: гораздо выше послѣдняго стоящій поэтъ-философъ Ключниковъ, писавшій подъ псевдонимомъ „-ѳ-“ и, наконецъ, Невѣровъ, получившій впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ попечителя кавказскаго учебнаго округа. Цвѣтъ и блескъ сообщили кружку прежде всего самъ Станкевичъ, затѣмъ Константинъ Аксаковъ и Бѣлинскій. А черезъ годъ, два послѣ того, какъ кружокъ покончилъ университетскія дѣла свои, къ нему тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ четыре крупнѣйшихъ дѣятеля: Бакунинъ, Катковъ, Василій Боткинъ и Грановскій.

Перечисленныя лица были люди различныхъ темпераментовъ и душевныхъ организацій. Но всѣхъ ихъ сплачивало въ одно обаяніе необыкновенно свѣтлой, истинно-идеальной личности Станкевича.

Станкевичъ представляетъ собой чрезвычайно рѣдкій примѣръ литературнаго дѣятеля, не имѣющаго никакого значенія, какъ писатель въ прямомъ смыслѣ этого слова и тѣмъ не менѣе наложившаго яркую печать своей индивидуальности на одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ русской литературы. Какъ писатель, Станкевичъ авторъ очень плохой исторической драмы, слабой повѣсти, двухъ-трехъ десятковъ стихотвореній, вполнѣ второстепеннаго значенія, и нѣсколько отрывковъ философскаго характера, правда, довольно интересныхъ, но найденныхъ только послѣ смерти въ бумагахъ его и напечатанныхъ цѣлыхъ 20 лѣтъ спустя. Весь этотъ незначительный литературный багажъ вмѣстѣ съ переводами занялъ впослѣдствіи небольшой томикъ, и не въ немъ, конечно, источникъ огромнаго вліянія Станкевича. Оно зиждется, помимо красоты его нравственнаго существа на томъ, что Станкевичъ, не обладая конкретно выраженнымъ литературнымъ и научнымъ талантомъ, былъ тѣмъ не менѣе очень талантливою личностью просто какъ человѣкъ. Одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, глубокою любовью къ искуству, большимъ и яснымъ умомъ, способнымъ разбираться въ самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ и глубоко вникать въ сущность всякаго вопроса, Станкевичъ давалъ окружающимъ могущественные духовные импульсы и будилъ лучшія силы ума и чувства. Его живая, умная и почти всегда остроумная бесѣда была необыкновенно плодотворна

для всякаго, кто вступалъ съ нимъ въ близкое общеніе. Онъ всякому спору умѣлъ сообщать высокое направленіе, все мелкое и недостойное какъ-то само собою отпадало въ его присутствіи, какъ и въ присутствіи Бѣлинскаго. Станкевичъ представлялъ собою удивительно гармоничное сочетаніе нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ. Въ идеализмѣ его не было ничего напускного или приподнятаго, идеализмъ органически проникалъ все его существо, онъ могъ легко и свободно дышать только на горныхъ высотахъ духа.

Въ 1837 году начинающаяся чахотка и жажда приложиться къ самому источнику философскаго знанія погнали Станкевича за-границу. Онъ подолгу живалъ въ Берлинѣ, гдѣ вступилъ въ тѣсное общеніе съ душевно полюбившимъ его профессоромъ философіи, гегельянцемъ Вердеромъ. Въ это время въ сферу его обаянія попали питомцы петербургскаго университета—Грановскій и Тургеневъ. Въ 1840 году двадцатисемилѣтній Станкевичъ умеръ въ итальянскомъ городкѣ Нови. Ранняя смерть его произвела потрясающее впечатлѣніе на друзей его, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то необыкновенно гармонично и художественно завершила красоту его образа.

Et rose, elle a vecu ce que vivent les roses—
L'espace d'un matin,

сказалъ французскій поэтъ про умершую въ цвѣтѣ лѣтъ дѣвушку и находитъ въ этой гармоніи примиреніе съ ужаснымъ фактомъ. Душевная красота Станкевича была тоже своего рода благоуханнымъ цвѣткомъ, который могъ бы и выдохнуться при болѣе прозаическихъ условіяхъ, какъ выдохся, напр., идеализмъ его друга и кумира Невѣрова. Теперь же, благодаря трагизму судьбы Станкевича и цѣльности оставленнаго имъ впечатлѣнія, имя его стало талисманомъ для всего поколѣнія 40-хъ годовъ и создало желаніе приблизится къ нему по нравственной красотѣ.

Въ тѣ года, когда Константинъ Аксаковъ, находясь подъ неотразимымъ обаяніемъ душевной красоты Станкевича и страстныхъ порывовъ Бѣлинскаго, шелъ рука объ руку съ людьми, съ которыми впослѣдствіи вступилъ въ ожесточенную борьбу, эти люди съ какимъ то по истинѣ фанатиче-

скимъ увлеченіемъ предались изученію нѣмецкой философіи вообще и Гегеля въ частности.

Изъ университета члены кружка, подъ вліяніемъ лекцій Павлова и Надеждина, вынесли интересъ къ Шеллингу, съ его широкимъ взглядомъ на міръ, какъ на развитіе одной всеобщей, объединяющей и творящей идеи. Во второй половинѣ 30-хъ годовъ поэтически-восторженный идеализмъ и пантеизмъ Шеллинга вытѣсняется суровой схемой Гегелевскаго міропониманія.

Увлеченіе кружка гегельянствомъ было безмѣрное и дошло до истинной страсти. По свидѣтельству Герцена, котораго не было въ Москвѣ, когда началось увлеченіе Гегелемъ и который засталъ его апогей по своемъ возвращеніи въ Москву, въ концѣ 1830-хъ годовъ, члены кружка отъ всякаго приходившаго съ ними въ столкновеніе, „требовали безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля и при томъ по ихъ толкованію. Толковали же они объ нихъ безпрестанно, нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ гегелевской логики, въ двухъ его эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа“, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности“ и о ея по себѣ бытіи. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней“.

Это увлеченіе гегеліанствомъ порою доходило у членовъ кружка до наивно-трогательныхъ проявленій. Молодые люди такъ преисполнились ученіемъ берлинскаго философа, что у нихъ „отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своеобразная наивность, потому

что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и, если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Сама слеза, навертывающаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ *гемюту* или къ *трагическому въ сердцѣ*“...

Провозвѣстникомъ гегельянства въ кружкѣ Станкевича явился по преимуществу Михаилъ Бакунинъ. Этому отставному ариллерійскому офицеру предстояло пріобрѣсть въ 60-хъ и 70-хъ годахъ всемірную извѣстность въ качествѣ самаго крайняго изъ самыхъ крайнихъ утопистовъ. Онъ создалъ теорію безпощаднѣйшаго анархизма и полнаго упраздненія государственности. Стоявшій въ то же время во главѣ соціалистическаго движенія Карлъ Марксъ долженъ былъ прибѣгнуть къ исключенію Бакунина изъ главнаго органа партіи — „Международнаго общества рабочихъ“ для того, чтобы устранить даже тѣнь солидарности съ этимъ апостоломъ всеобщаго разрушенія. Но по странной ироніи судьбы тотъ же Бакунинъ, который въ серединѣ 40-хъ годовъ, перебравшись въ Европу, выдвинулъ въ одной изъ своихъ статей страшный девизъ „Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust“ (страсть къ разрушенію есть зиждущая страсть), въ концѣ 30-хъ не только не имѣлъ ничего общаго съ разрушительными стремленіями, но прямо пришелъ къ апоѳеозу существующаго порядка. На основаніи Гегелевской философіи создалъ онъ теорію преклоненія предъ „дѣйствительностью“ и увлекъ за собою кружокъ Станкевича, всѣхъ же сильнѣе—Бѣлинскаго.

Вопросъ о „дѣйствительности“ и ея „разумности“ является центральнымъ пунктомъ всей духовной жизни кружка Станкевича въ эпоху ея увлеченія гегельянствомъ. И это показываетъ, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ, которые, изучая движеніе 40-хъ годовъ, разсматриваютъ философскіе взгляды эпохи Бѣлинскаго исключительно съ научной точки зрѣнія. Не знаменательна ли въ самомъ дѣлѣ та исключи-

тельность, съ которою всѣ силы ума и сердца Бѣлинскаго и его друзей обратились на толкованіе положенія Гегеля—*„все дѣйствительное—разумно“*. Положеніе, въ концѣ концовъ, второстепеннаго, мимоходомъ высказаннаго въ предисловіи къ „Философіи права“. Если вы возьмете какую-нибудь позднѣйшую исторію философіи и прочтете статью о Гегелѣ, вы тамъ часто не встрѣтите даже простого упоминанія о формулѣ „все дѣйствительное—разумно“ [1]). Вотъ до чего маловажной она кажется обыкновенному изслѣдователю рядомъ съ грандіозностью чисто-научныхъ притязаній гегелевской философіи дать абсолютную истину о сущности всего мірового процесса. Но для русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, который накинулся на гегелевскую философію не изъ жажды научнаго знанія, а потому, что ему надо было немедленно рѣшить вопросъ, *какъ ему жить*, все отступило предъ жгучестью ужасныхъ сомнѣній, вносимыхъ формулой.

Сомнѣнія эти имѣли истинно-трагическій характеръ, формула въ корнѣ подрывала всѣ стремленія кружка, дѣлала безсмысленными всѣ его благородные порывы. Люди съ негодованіемъ отбросили всякую мысль о какихъ бы то ни было компромиссахъ, сосредоточили всѣ свои помыслы на исканіи абсолютной, безпримѣсной истины и этимъ самымъ, конечно, должны были порвать всякую связь съ пошлостью и несовершенствами окружающей среды, и вдругъ „все дѣйствительное—разумно“! Значитъ и крѣпостное право разумно, и превосходенъ весь тотъ строй, который возмущалъ еще Чацкаго, и нѣтъ ничего дурного въ той „неправдѣ черной“, о которой говорили даже такіе апологеты общаго уклада русской жизни, какъ Хомяковъ. Словомъ, правы Булгаринъ и Гречъ, „громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый Россъ“!

Какъ бы отнеслись къ такому ужасному диссонансу люди, заинтересовавшіеся гегельянствомъ съ чисто-научной точки зрѣнія? Они бы, конечно, спокойно отбросили или формулу, или всю систему, разъ она приводитъ къ противорѣчію, которое ставитъ крестъ надъ всѣмъ, что составляетъ основу ихъ духовнаго существа. Но въ томъ то и дѣло, что члены

---

[1]) Укажу на цѣлую книгу о Гегелѣ Кэрда (М. 1898), на огромный этюдъ Владиміра Соловьева.

кружка Станкевича не столько умомъ, сколько сердцемъ примкнули къ гегельянству, они гегельянство не только усвоили, они въ него увѣровали. Ихъ въ гегельянствѣ прельстило его притязаніе дать *абсолютную* истину. А разъ абсолютная истина, какія же могутъ быть частныя противорѣчія?

И вотъ получилась дилемма, выходъ изъ которой былъ найденъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда наши гегельянцы поняли, что Гегель, при всемъ консерватизмѣ своихъ спеціально-государственныхъ воззрѣній, *не все существующее признавалъ дѣйствительнымъ*. Слѣдовательно, формула „все *дѣйствительное*—разумно“ не означаетъ, что „все *существующее* разумно“, и не узакониваетъ всякій порядокъ вещей только въ силу того, что онъ фактъ. Но, повторяю, до этой оговорки наши гегельянцы доискались позже. Цѣлыхъ же два года, между 1838 и 1840 годомъ, будущій создатель анархизма Бакунинъ, вѣрный фанатическому складу своего ума и чисто-русской способности jurare in verba magistri—во имя Гегеля воспѣвалъ „дѣйствительность“ конца 30-хъ годовъ во всей ея совокупности. Бѣлинскій, не оглядываясь, пошелъ за нимъ. Онъ написалъ въ 1840 г. извѣстную статью о „Бородинской годовщинѣ“, гдѣ преклоненіе передъ самодержавнымъ строемъ дошло до того, что многіе, и притомъ совсѣмъ не люди крайнихъ убѣжденій, съ нимъ раззнакомились. Статья была написана въ своего рода состояніи аффекта. Внутренно содрогаясь отъ сознанія, что обрекаетъ себя на нравственную смерть, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе безстрашно шелъ на все ad majorem Hegelii gloriam. Не доходить до конца для него было равносильно измѣнѣ. Именно по поводу статьи о „Бородинской годовщинѣ“ Герценъ говоритъ, что Бѣлинскій, разъ усвоивши себѣ то или другое воззрѣніе, „не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные. Въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ, его совѣсть была чиста“. Понявши извѣстнымъ образомъ формулу Гегеля, онъ проповѣдывалъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ „индійскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы“,

проповѣдывалъ съ тою же лихорадочною страстностью, съ какою черезъ полтора, два года нападалъ на представителей квіетизма и требовалъ активнаго противодѣйствія тяжелымъ общественнымъ условіямъ дореформенной эпохи.

Таковы общіе контуры русскаго гегельянства, взятаго въ цѣлости. По отношенію къ Константину Аксакову въ частности, приходится дѣлать нѣсколько существенныхъ оговорокъ.

Несомнѣнно, что въ ряду московскихъ энтузіастовъ гегеліанства одно изъ первыхъ мѣстъ по силѣ увлеченія ученіемъ берлинскаго философа занималъ Константинъ Аксаковъ, страстная натура котораго не умѣла ничего дѣлать на половину. Гегеліанство, впрочемъ, настолько прочно въ немъ засѣло, что еще долго послѣ того, какъ онъ совершенно разошелся съ друзьями по кружку Станкевича и съ такимъ же пыломъ боролся съ ними, съ какимъ нѣкогда шелъ заодно, онъ всетаки не могъ отдѣлаться отъ схемы творца діалектической философіи. Такъ, дальше мы увидимъ, что магистерская диссертація Константина Аксакова, относящаяся къ 1846 г., т. е. къ тому времени, когда онъ уже былъ однимъ изъ передовыхъ застрѣльщиковъ славянофильства, является по основной задачѣ своей не болѣе, какъ иллюстраціей къ ученію Гегеля о смѣнѣ историческихъ эпохъ и наслоеній.

Но собственно по отношенію къ трагическому вопросу о „разумной дѣйствительности“ положеніе Константина Аксакова было совершенно обособленное. Дѣло въ томъ, что между преданностью оффиціальнымъ основамъ самодержавной Руси, которою знаменуется міросозерцаніе Константина Аксакова на всемъ протяженіи его дѣятельности и бѣснованіями Бакунина и Бѣлинскаго во имя прославленія „разумной дѣйствительности“, по существу особенной разницы вѣдь не было.

И тѣмъ не менѣе Аксаковъ, составляя въ 1855 году свои „Университетскія воспоминанія“, гдѣ онъ, между прочимъ, довольно подробно останавливается на кружкѣ Станкевича, говоритъ о своемъ пребываніи въ немъ, какъ о фазисѣ, давно пережитомъ.

Эта постановка совершенно правильна, потому что, избѣгая „либеральничанія и фрондерства“, по выраженію К. Аксакова, кружокъ Станкевича (и въ особенности въ студенче-

скіе годы), однако же представлялъ собою во всѣхъ отношеніяхъ оппозиціонное явленіе: начиная съ внѣшней формы собранія кружка — этихъ скромныхъ сходбищъ, гдѣ почти никогда не пили вина и истребляли только огромное количество чая и булокъ, и кончая способомъ выраженій, которому давали тонъ „буйныя рѣчи“ Бѣлинскаго, тогда то и получившаго отъ пріятелей прозвище „неистоваго Виссаріона“. Такъ вотъ, начиная съ этой истинно-демократической, несмотря на присутствіе многихъ баричей, внѣшности собраній кружка и кончая юношески-страстными дебатами, все въ кружкѣ дышало тою свободою отношенія къ обсуждаемымъ предметамъ, о которой не было и помину въ аристократическомъ академизмѣ позднѣйшихъ друзей Константина Аксакова—славянофиловъ. И затѣмъ: „Университетскія воспоминанія“, сейчасъ названныя, прямо показываютъ, что, при всей своей преданности главнымъ основамъ русской жизни, члены кружка по множеству частныхъ вопросовъ держались направленія совсѣмъ иного. Давая общую характеристику друзей своей ранней юности, К. Аксаковъ считаетъ возможнымъ сказать о нихъ слѣдующее:

„Въ кружкѣ Станкевича (въ срединѣ 30-хъ годовъ) выработалось уже общее воззрѣніе на *Россію*, на жизнь, на литературу, на міръ — воззрѣніе, *большею частью отрицательное*“.

Это отрицательное направленіе часто даже шокировало Аксакова, „русское“ направленіе котораго ярко опредѣлилось еще тогда, когда ему было 9, 10 лѣтъ. Съ болью сердечною вспоминаетъ Конст. Сергѣевичъ о нападкахъ членовъ кружка на многія частности тогдашнихъ порядковъ:

„Одностороннѣе всего“, говоритъ онъ, „были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще довѣрчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многаго не передумавшій, еще ко многимъ не уравнявшійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ оно часто было больно; въ особенности больны мнѣ были нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопро-

сахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ".

Всего ярче отрицательное направленіе кружка выразилось въ вопросахъ чисто литературныхъ. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, что къ эпохѣ процвѣтанія кружка относятся „Литературныя мечтанія" Бѣлинскаго, гдѣ съ такою безпощадною „дерзостью", по выраженію пришедшихъ въ ужасъ литературныхъ старовѣровъ, было провозглашено, что собственно никакой-то у насъ настоящей литературы и нѣтъ. Вспомнимъ затѣмъ то, что первые люди, которые прозрѣли, что въ лицѣ Гоголя народился геніальный писатель, были члены кружка Станкевича и Бѣлинскаго. Поклоненіе Гоголю находится въ непосредственной связи съ общимъ направленіемъ литературныхъ убѣжденій кружка, о которыхъ Аксаковъ сообщаетъ:

„Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило (въ членахъ кружка) справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ".

И если въ заключеніе мы обратимъ вниманіе на то, что, по словамъ К. Аксакова, подтверждаемымъ и всѣми другими многочисленными данными о Станкевичѣ и его друзьяхъ, кружокъ „отличался самостоятельностью мнѣнія, свободою отъ всякаго авторитета", то въ общемъ и выяснится рѣшительно оппозиціонный характеръ его.

И вотъ почему отношенія между К. Аксаковымъ и его университетскими товарищами, въ концѣ концовъ, должны были порваться. Пока этотъ оппозиціонный характеръ былъ присущъ кружку лишь implicite, пока одностороннее пониманіе формулы Гегеля приводило къ такимъ проявленіямъ, какъ статейка Бѣлинскаго о „Бородинской годовщинѣ", К. Аксаковъ могъ идти рука объ руку съ будущими ожесточенными противниками своими. Но около 1840—1842 гг. цѣлый рядъ обстоятельствъ приводитъ къ тому, что скрытый оппозиціонный духъ кружка переходитъ въ открытый. Умираетъ, во-первыхъ, Станкевичъ, мягкая натура котораго уравновѣшивала и сдерживала рѣзкія выходки многихъ членовъ кружка. А затѣмъ—самое главное—наиболѣе близкій къ Кон-

стантину Аксакову по кружку Станкевича человѣкъ—Бѣлинскій, добравшись въ статейкѣ о „Бородинской годовщинѣ“ до кульминаціоннаго пункта своего увлеченія правымъ гегеліанствомъ, круто поворачиваетъ въ противоположную сторону и съ такою же стремительностью начинаетъ произносить, говоря выраженіемъ К. Аксакова, „буйныя рѣчи“ по адресу понятій, которыми еще не такъ давно восхищался. Не вытерпѣлъ этого Аксаковъ, все болѣе и болѣе начинавшій сближаться, послѣ смерти Станкевича и отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ (1839), съ Хомяковымъ и Кирѣевскими, прежніе друзья обмѣнялись нѣсколькими письмами и навѣки разстались: К. Аксаковъ окончательно пошелъ направо, Бѣлинскій безповоротно—налѣво. У каждаго изъ нихъ при этомъ сердце кровью обливалось. Нужно перечитать напечатанныя первоначально въ „Руси“ 1881 года письма Бѣлинскаго къ К. Аксакову (отъ 1837 г.), чтобы понять, какая горячая, истино-братская привязанность соединяла обоихъ идеалистовъ. Но именно потому, что оба они были идеалисты, именно потому, что исканіе правды не было для нихъ высокопарной фразой, а насущною потребностью ихъ высокаго духовнаго существа, именно потому-то разрывъ между ними и сталъ неизбѣженъ, какъ только они стали разно понимать истину. „Я по натурѣ жидъ“, писалъ Бѣлинскій по поводу своей ссоры съ Аксаковымъ, подразумѣвая подъ этимъ словомъ человѣка съ исключительными симпатіями, которому ненавистно все не свое, который не выноситъ ни малѣйшаго компромисса съ „филистимлянами“. Но такимъ же „жидомъ“ по натурѣ былъ и Константинъ Аксаковъ. Для него тоже не существовало истины вообще, онъ тоже понималъ только *свою* истину, только ту истину, которая окрашена въ любезный ему цвѣтъ, онъ тоже не понималъ какихъ бы то ни было компромиссовъ, уступокъ, соглашеній. И вотъ почему оба прежніе друзья играютъ однѣ и тѣ же роли въ тѣхъ лагеряхъ, къ которымъ они окончательно примкнули послѣ разрыва. Съ тою же необузданностью, съ какою „непстовый Виссаріонъ“ выступаетъ передовымъ бойцомъ западничества, Константинъ Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболѣе крайнихъ проявленіяхъ. Онъ первый одѣваетъ мурмолку и первый же провозглашаетъ, что надо вернуться „домой“, т. е. въ допетровскую Русь

III.

Начало литературной дѣятельности. Поѣздка за-границу.

Послѣ разрыва съ Бѣлинскимъ и вообще со старыми друзьями, жизнь Константина Аксакова, и до того бѣдная внѣшними событіями, окончательно укладывается въ тѣ рамки, въ которыхъ онъ ее проводитъ вплоть до самой своей смерти въ 1861 г. Оно и не удивительно, если вспомнить, до какой степени К. Аксаковъ былъ человѣкомъ не отъ міра сего и до какой степени онъ душой и тѣломъ ушелъ цѣликомъ въ книжныя занятія, въ чистую и исключительную сферу идей и теоретическихъ построеній, внѣ которыхъ для него почти ничего не существовало на свѣтѣ.

„Константинъ Аксаковъ", пишетъ Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, „въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока слишкомъ лѣтъ, т. е. до самой смерти своей, совершеннымъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ родной раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной жизни, безъ подпоры семейства. Внѣ своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій, онъ не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Смерть отца и происшедшая отъ этого перемѣна въ домашнемъ быту вдругъ сломила его несокрушимое здоровье. Онъ не могъ пережить этой потери и перемѣны, и умеръ не только холостякомъ, даже дѣвственникомъ".

При такомъ складѣ жизни и отсутствіи личныхъ интересовъ, біографія К. Аксакова, главнымъ образомъ, есть исторія хода его литературнаго развитія, исторія его литературныхъ и ученыхъ работъ.

Начинается эта научно-литературная дѣятельность Аксакова еще на студенческой скамьѣ и—какъ оно вполнѣ приличествуетъ для такого энтузіаста и пламеннаго идеалиста—стихами. Уже на торжественномъ актѣ 1835 г. только-что окончившій курсъ 18-лѣтній кандидатъ читаетъ соотвѣтствующіе случаю стихи, впослѣдствіи приведенные имъ въ „Университетскихъ воспоминаніяхъ“. Вслѣдъ затѣмъ К. Аксаковъ принимаетъ довольно живое участіе (иной разъ подъ псевдонимомъ *К. Эврипидинъ*) въ тѣхъ журналахъ, въ которыхъ сотрудничалъ Бѣлинскій — „Телескопѣ“, „Молвѣ“, „Московскомъ Наблюдателѣ“. Послѣдній журналъ одно время (1838—1839 гг.) редактировался Бѣлинскимъ, и всѣ члены кружка Станкевича дѣятельно въ немъ сотрудничали. Аксаковъ давалъ маленькія рецензіи и стихи,—по преимуществу переводы изъ Шиллера и Гете—двухъ поэтовъ, которыми онъ тогда бредилъ, именно потому, что они проповѣдывали *общечеловѣческіе* идеалы.

Въ 1838 г. Аксаковъ поѣхалъ за-границу. Но недолго пробылъ онъ тамъ. Полное неумѣніе жить самостоятельно, черезъ пять мѣсяцевъ пребыванія въ Германіи и Швейцаріи, погнало его обратно въ родимое гнѣздо, гдѣ на немъ не лежали прозаическія хлопоты жизни и гдѣ онъ могъ погрузиться въ любимыя занятія, не отягощая своихъ думъ такими трудными заботами, какъ пріискиваніе обѣда, уходъ за своимъ туалетомъ и т. д.

Съ поѣздкой Аксакова за-границу связанъ очень характерый разсказъ о томъ, какъ во время пребыванія въ Берлинѣ онъ пытался сблизиться съ одной нѣмкой.

Когда настоящій этюдъ появился въ печати первый разъ (1887), этотъ эпизодъ (главнымъ образомъ на основаніи воспоминаній Панаева) былъ изложенъ такъ:

На перекресткѣ одной изъ берлинскихъ улицъ обратила на себя вниманіе Аксакова молоденькая продавщица цвѣтовъ. Миловидное личико нѣмочки показалось ему отраженіемъ столь же привлекательной души. И началъ К. С. каждый день приходить на перекрестокъ и покупать по букету, отваживаясь при этомъ сказать продавщицѣ нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ. Продавщица ласково ему отвѣчала и между ними установилась нѣкоторая интимность. Ободрен-

ный молодой человѣкъ началъ все дольше и дольше простаивать у прилавка продавщицы, началъ приносить Шиллера и читать изъ него наиболѣе возвышенныя и трогающія душу мѣста. Нѣмочка внимательно слушала и все болѣе и болѣе задумывалась во время чтенія. Восхищенный Аксаковъ съ восторгомъ наблюдалъ это впечатлѣніе высокой поэзіи великаго поэта. Но вотъ въ одно изъ посѣщеній цвѣточной лавочки продавщица ему прямо заявляетъ, что Шиллеръ Шиллеромъ, а что онъ ей отбиваетъ покупателей, что объ его продолжительныхъ посѣщеніяхъ много говорятъ сосѣди и что если онъ хочетъ продолжать знакомство, то ей было бы желательно получать отъ него что-нибудь посущественнѣе стиховъ, за что, въ свою очередь, она, не требуя отъ него наложенія на себя брачныхъ узъ, готова всецѣло отдаться въ его распоряженіе. Въ ужасѣ слушалъ эти рѣчи упавшій съ неба прямо въ лужу идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки, а когда впослѣдствіи пріятели, узнавши отъ него въ минуту откровенности всю исторію, пробовали дразнить его ею, лицо Аксакова перекашивалось отъ внутренняго страданія.

Этотъ разсказъ въ настоящее время приходится признать легендою, и вотъ почему.

Въ „Космополисѣ“ 1898 г. г. Князевъ напечаталъ письма, которыя Аксаковъ писалъ изъ-за границы родителямъ и родственникамъ своимъ Карташевскимъ. Письма очень интересны для характеристики Аксакова. Онъ тутъ весь, со своею безграничною любовью къ родителямъ, со своею безконечною безпомощностью въ практической жизни, всегда восторгающійся, всегда полный самыхъ высокихъ помысловъ. Характерны также письма для объясненія глубокоорганическаго предрасположенія К. Аксакова къ славянофильству. Любовь его ко всему русскому была прямо фанатическая, и заграничная жизнь нимало его не захватывала.

Онъ, конечно, восторгается многимъ: готическими церквами, картинными галлереями, горными ландшафтами Саксонской Швейцаріи, Фирвальдштедскимъ озеромъ и др. Но собственно заграничный бытъ, заграничные порядки, такъ глубоко повліявшіе на другихъ русскихъ путешественниковъ, на Тургенева, напр., не только совершенно не дѣйствовали

на міросозерцаніе Аксакова, а, напротивъ того, еще укрѣпляли его любовь къ русскимъ формамъ жизни. Описывая отдѣльныя проявленія нѣмецкой образованности и культурности, онъ ни разу не вздохнетъ, не проведетъ параллелей съ русской дикостью, не подумаетъ съ тоскою: да почему же у насъ этого нѣтъ? Совсѣмъ наоборотъ, онъ во всемъ находитъ матеріалъ для того, чтобы восторгаться всѣмъ русскимъ, начиная съ русской ѣзды и кончая вотъ какими областями національныхъ свойствъ: „Прусскаго народъ образованный, бодрый, *но нѣтъ въ немъ этого ума* (!), этой силы, какая видна въ русскомъ народѣ". „Все напоминаетъ", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „что вы въ странѣ образованной, въ странѣ наукъ; особенно въ Берлинѣ вы это чувствуете живѣе; честь и слава нѣмцамъ! Все, что дано имъ отъ природы, все развили они до высшей степени и продолжаютъ развивать, но *субстанція* народа (говоря ихъ же выраженіемъ) *ниже, гораздо ниже субстанціи русскаго народа*. Другими словами: больше талантовъ дано русскому, нежели нѣмцу; но въ томъ и состоитъ заслуга и преимущество послѣдняго, что онъ развилъ, обработалъ все, что дано ему. И однако, несмотря на то, сей чувствуетъ разность въ субстанціяхъ этихъ двухъ народовъ, видна птица по полету: маленькій орленокъ—уже все не то, что выросшій коршунъ".

Уже съ первыхъ писемъ Аксаковъ рвется домой и еле-еле выдерживаетъ пять мѣсяцевъ, ограничившись Германіей и Швейцаріей и не стремясь даже въ Парижъ.

Въ частности по отношенію къ эпизоду, только что разсказанному, письма дѣлаютъ его совершенно невѣроятнымъ. Начать съ того, что (какъ видно изъ матеріаловъ г. Князева), Аксаковъ предпринялъ поѣздку, чтобы разсѣять сердечную тоску—онъ влюбился въ одну дальнюю родственницу, но не встрѣтилъ взаимности. Изъ писемъ ясно, что рана не зажила, и что образъ любимой дѣвушки все время носился предъ нимъ. Возможно ли, поэтому, психологически, чтобы чуждавшійся женщинъ идеальный юноша такъ быстро и при томъ одновременно затѣялъ бы сколько-нибудь интимное новое сближеніе? А главное—весь этотъ эпизодъ съ цвѣточницей фактически не могъ имѣть мѣста. Аксаковъ всего-то на всего въ Берлинѣ былъ *четыре дня*, все время бѣгалъ

по музеямъ, а вечеромъ посѣщалъ театры. Въ другихъ городахъ онъ оставался еще меньше.

Но если мнимый эпизодъ съ берлинской цвѣточницей слѣдуетъ признать легендой, то все-таки и какъ выдумка онъ не теряетъ своего значенія въ біографіи К. Аксакова. Вотъ уже гдѣ можно сказать: se non e vero, e ben trovato. Разсказъ, во всякомъ случаѣ, ярко характеризуетъ, какое представленіе имѣли объ Аксаковѣ въ литературныхъ кружкахъ.

Когда я въ первый разъ привелъ легендарный разсказъ о берлинской цвѣточницѣ по тѣмъ матеріаламъ для біографіи Константина Аксакова, которые тогда имѣлись, мнѣ этотъ эпизодъ казался „первой и послѣдней въ жизни его попыткой сблизиться съ женщиной“.

Теперь, на основаніи данныхъ семейной переписки, приходится внести нѣкоторую поправку. Настоящаго сближенія съ женщиной у Константина Аксакова не было, но женщинъ онъ вообще не чуждался, и у него было нѣсколько увлеченій. Неудача одного, какъ мы уже знаемъ, погнала его въ Германію. Въ 1846 г. Иванъ дразнитъ брата одновременнымъ ухаживаніемъ за Свербѣевой и Ховриной (Пер. т. I, 379), а въ 1849 г. онъ пишетъ родителямъ: „все это закаляетъ мою душу крѣпкой бронею и противъ вліянія женской красоты. Константинъ въ этомъ отношеніи мягче, къ тому же онъ подкупенъ“ (Пер. II, 102). Были и попытки близкихъ женить Константина (Пер. II, 324), но онѣ ничѣмъ не окончились.

И этотъ Геркулесъ умеръ дѣвственникомъ. Непреклонный ригористъ, онъ и представить себѣ не могъ нарушенія заповѣдей, которыя считались священными.

IV.

Бездѣятельность. Борьба за русскую одежду.

Человѣкъ фанатической преданности тѣмъ идеямъ, которыя онъ признавалъ правильными и праведными, Константинъ Аксаковъ былъ, однако, совершенно лишенъ активности, обыкновенно присущей фанатикамъ. Отличительною чертою его духовной жизни, совсѣмъ наоборотъ, является рѣдкое отсутствіе дѣятельнаго начала. А если говорить менѣе высокимъ стилемъ,—онъ просто былъ чрезвычайно лѣнивъ проводилъ время въ большой праздности. Если Константинъ Аксаковъ занялъ видное мѣсто въ исторіи русской мысли, то только благодаря большимъ природнымъ способностямъ и любви къ обобщеніямъ, не всегда вѣрнымъ, но всегда широкимъ.

Лѣнь была неотъемлемымъ качествомъ Константина Сергѣевича съ дѣтства. Съ восторгомъ отзываясь въ письмахъ къ Погодину о „прекрасной головѣ“ 14-ти-лѣтняго ученика своего, Юрій Венелинъ тутъ-же жалуется и на его лѣность. (Барсуковъ, Жизнь Погодина, III, 107). Корить Константина Сергѣевича его лѣнью даже не считалось неделикатностью. Гоголь, конечно, былъ очень близокъ съ Аксаковыми, но, все-таки, какъ-то странно читать тѣ предостереженія и наставленія, которыя онъ посылалъ изъ-за границы (въ началѣ 40-хъ годовъ) Константину Сергѣевичу, въ то время уже замѣтному человѣку въ литературѣ и обществѣ. Въ одномъ письмѣ онъ ему говоритъ о „непримиримомъ опасномъ врагѣ русскаго человѣка“—„врагъ этотъ лѣнь“ (Шенрокъ, Письма Го-

голя, II, 103), а черезъ нѣсколько времени уже безъ малѣйшаго стѣсненія ставитъ точки надъ і: „стряхните пустоту и праздность вашей жизни, передъ вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой“ (II, 246).

Переписка младшаго брата Ивана, натуры чрезвычайно живой и подвижной, вся пересыпана укорами по адресу старшаго брата: „Ахъ, Константинъ, Константинъ, 27 лѣтъ и не готова диссертація, и не вышло на свѣтъ зрѣлыхъ очищенныхъ плодовъ, которыхъ всякій ожидать былъ въ правѣ“ (Переписка, т. I, 98; такіе же укоры I, 169). Ивана даже сердила эта безпечная праздность на родительскій счетъ: „я не говорю про Константина, который смотритъ съ серьезной стороны, но какъ-то мало думаетъ о средствахъ, да и лѣнивъ невыносимо. Ему хочется вдругъ дать карамболя“ (I, 250). Укорялъ Иванъ такимъ образомъ брата, когда тому было 27 лѣтъ: укорялъ онъ его точно такимъ же образомъ, когда ему перевалило за тридцать: „какъ мнѣ досадно и грустно“, писалъ онъ въ 1848 году, „что Константинъ хандритъ и ничего не дѣлаетъ, онъ, которому столько дѣла“. (II, 5). На ту-же тему переписывался съ Константиномъ Сергѣевичемъ и его закадычный другъ Юрій Самаринъ: „Самаринъ говорилъ мнѣ, что написалъ большое письмо къ Константину съ возваніемъ къ дѣятельности“ (II, 104). Забавно читать о тѣхъ чисто-педагогическихъ мѣрахъ, къ которымъ хотѣлъ прибѣгнуть младшій братъ, чтобы бороться съ лѣнью старшаго брата: онъ серьезнѣйшимъ образомъ требовалъ, чтобы Константинъ ежедневно посылалъ ему рапортички о своихъ занятіяхъ! (II, 290).

Константинъ Сергѣевичъ, видимо, даже не много читалъ. Объ этомъ можно судить и по сочиненіямъ его, совсѣмъ не блещущимъ эрудиціею: мы увидимъ дальше, что магистерская диссертація сработана по какому-нибудь десятку сочиненій. Другіе вожди славянофильства тоже праздно проводили жизнь, мало работали, мало писали. Но Хомяковъ, напримѣръ, поглощалъ огромное количество книгъ и благодаря этому поражалъ разнообразіемъ и богатствомъ своей эрудиціи. А Константина Аксакова братъ Иванъ дразнилъ привычкою „дремать съ семи часовъ вечера“ (II, 390).

При такой праздности, бездѣятельности и при такомъ отсутствіи даже чисто личной жизни, едва ли не крупнѣйшимъ изъ внѣшнихъ фактовъ біографіи Константина Аксакова является его борьба за русскую одежду и за право отпустить „русскую“ бороду.

Если взглянуть на эту борьбу, длившуюся около 5 лѣтъ, поверхностно, она кажется и мелочной, и смѣшной. Но стоитъ только присмотрѣться къ ней внимательнѣе, и мы тутъ найдемъ не одно только комическое. Много надо было душевнаго мужества, чтобы выносить эту борьбу, а подъ конецъ былъ и моментъ прямо трагическій.

Рѣшеніе Константина Аксакова носить русскую бороду, замѣнить нѣмецкую шляпу якобы русской (а на самомъ дѣлѣ персидской) мурмолкой, нѣмецкій сюртукъ и фракъ чѣмъ-то среднимъ между армякомъ и зипуномъ—было результатомъ весьма серьезнаго размышленія. Оно знаменовало собою окончательное раздѣленіе русской общественно-политической мысли на два великихъ русла.

Послѣ знаменитыхъ московскихъ „всенощныхъ бдѣній“ зимы 1842—43 г. „западные“ и „славяне“ объявили другъ другу рѣшительную войну. Передовыми застрѣльщиками явились два закадычныхъ друга: съ одной стороны Бѣлинскій, съ другой—„Бѣлинскій славянофильства“—Константинъ Аксаковъ. Оба дошли до послѣдней крайности въ рѣзкости выпадовъ и въ желаніи афишировать свое міросозерцаніе. Но въ то время какъ Бѣлинскій, конечно, по сколько это было возможно въ желѣзныхъ тискахъ николаевской цензуры, свирѣпствовалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, мало писавшій Аксаковъ долженъ былъ какъ-нибудь иначе проявить свой задоръ.

И вотъ онъ надумалъ дать яркое внѣшнее проявленіе своихъ русскихъ чувствъ, сдѣлать шагъ къ сближенію съ народомъ не только въ общности вѣрованій и политической настроенности, но и въ чисто бытовомъ отношеніи. Онъ рѣшилъ и наружно не отличаться.

Путь былъ выбранъ удачно. Эффектъ появленія Константина Сергѣевича въ „русскомъ“ костюмѣ былъ огромный, объ этомъ заговорили всѣ.

Заговорили, однако, всего менѣе сочувственно. И благо бы отнеслись враждебно враги, это бы не смущало и усиливало бы только желаніе сердить недруговъ. Но въ томъ-то и дѣло, что вышучивали самые близкіе люди. Одинъ только отецъ пошелъ по стопамъ „самодержавствовавшаго“ въ домѣ, какъ выражался Погодинъ (Барсуковъ, т. VII, 409), сына и тоже нарядился „по-русски“. А братъ Иванъ прямо потѣшался:

„Итакъ, Константинъ снялъ съ себя дагеротипъ въ русскомъ костюмѣ: истый москвичъ, съ татарскою фамиліею и нормандскаго происхожденія, въ костюмѣ XVII столѣтія, сшитомъ французскимъ портнымъ, изобрѣтеніемъ западнымъ XIX вѣка, передалъ черты лица и Святославской шеи, мѣдной доскѣ для пріятеля, свѣтскаго молодого человѣка. Холось бы очень посмотрѣть. Только продѣлка съ ветчиной (?) мнѣ даже не смѣшна. Неужели прежніе примѣры не приносятъ ему никакой пользы? Я, право, серьезно этимъ огорчаюсь. Зачѣмъ прослывать чудакомъ, оригиналомъ?“ (I, 160).

Какъ впослѣдствіи Герценъ, Иванъ Сергѣевичъ подвергаетъ сомнѣнію національность наряда Константина и въ одномъ изъ своихъ писемъ задаетъ вопросъ: „какое впечатлѣніе на крестьянъ произвелъ костюмъ Кости? Я думалъ, что онъ тщетно старался увѣрить ихъ, что это костюмъ, когда-то русскій. Впрочемъ, борода убѣдительна“ (I, 173). Въ общемъ, Иванъ не терялъ надежды „обнять Костю русскимъ, въ европейскомъ костюмѣ и безъ бороды“ (I, 218).

Чрезвычайно критически отнесся другъ семьи Гоголь. Получивъ въ Италіи отъ Шевырева извѣстіе, что Константинъ Сергѣевичъ нарядился въ „зипунъ“ (объ этомъ переписывались!), Гоголь въ отвѣтномъ письмѣ далъ замѣчательную въ своей откровенности характеристику энтузіаста-дѣвственника:

„Меня смутило также твое извѣстіе о Константинѣ Аксаковѣ. Борода, зипунъ и проч. Онъ просто дурачится, а между тѣмъ, дурачество это неминуемо должно было случиться. Этотъ человѣкъ боленъ избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ; тѣ и другія въ немъ накоплялись, не имѣя проходовъ извергаться. И въ физическомъ и нравствен-

номъ отношеніи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человѣкъ, достигнувъ тридцати лѣтъ не женился, дѣлается боленъ, такъ и въ нравственномъ. Для него даже лучше было бы, еслибы онъ въ молодости..... Но воздержаніе во всѣхъ разсѣяніяхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ былъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ,—такъ я думалъ съ самаго начала" (Письма Гоголя въ изд. Шенрока III, 117).

Другой другъ семьи—знаменитая А. О. Смирнова тоже безусловно отрицательно отнеслась къ новому костюму Константина Сергѣевича и совершенно не стѣснялась вставлять въ письма къ Сергѣю Тимофеевичу энергическіе совѣты: „платье замѣнить фракомъ" (Переп. I, 281; объ этомъ же I, 284).

Патріотическій маскарадъ Константина Аксакова вскорѣ сталъ предметомъ литературнаго вышучиванія, и при томъ вовсе не со стороны враждебныхъ ему людей. Вышутилъ его, напримѣръ молодой Аполлонъ Григорьевъ въ водевилѣ, напечатанномъ въ „Пантеонѣ" (1845 г, X; см. объ этомъ въ Перепискѣ Ив. Аксакова I, 312); вышутилъ нѣсколько позднѣе гр. Сологубъ въ одномъ изъ своихъ водевилей. Тургеневъ, хотя и примыкалъ литературно къ Бѣлинскому и западнической журналистикѣ, былъ лично очень друженъ съ семьей Аксаковыхъ. И все-таки онъ не постѣснялся въ „Однодворцѣ Овсяниковѣ" пародировать внѣшнее народничаніе Константина Аксакова въ лицѣ безуспѣшно подлаживающагося къ мужикамъ помѣщика Любозвонова.

Итакъ, всѣ только вышучивали. Никто не негодовалъ, никто не ругался, всѣ улыбались. А это-ли не самое тяжкое изъ всѣхъ испытаній партійной борьбы? C'est le ridicule qui tue, справедливо говорятъ французы.

И, повидимому, всеобщее осужденіе не осталось совсѣмъ безъ вліянія. Черезъ годъ послѣ облаченія въ русское платье, былъ моментъ, когда Константинъ Сергѣевичъ собирался принять обычный обликъ московскаго дворянина. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ писемъ Ивана Аксакова изъ Калуги, 1845 года мы находимъ такое мѣсто:

„Прихожу къ А. О. (Смирновой), она меня спрашиваетъ:

знаю ли я la grande nouvelle—„Я хотѣлъ объявить ее вамъ“, отвѣчалъ я, подозрѣвая въ чемъ дѣло. Ей пишетъ Скалонъ изъ Москвы, что Аксаковъ обрилъ бороду и надѣлъ фракъ. Забавно, что онъ сообщаетъ это, прежде, чѣмъ это случилось, потому что мы въ одно время получили письма, и мнѣ Вы пишете, что это имѣетъ случиться, а ей пишутъ, что уже случилось». (Пер. I, 305).

Дѣйствительно ли, однако, случилось? Едва ли. Несомнѣнно, конечно, что по временамъ Константинъ Сергѣевичъ появлялся въ европейскомъ платьѣ и безъ бороды. На магистерскомъ диспутѣ своемъ (1847 г.) онъ, само собою разумѣется, былъ не въ зипунѣ. Но столь-же несомнѣнно, что въ общемъ Константинъ Сергѣевичъ свое „русское“ обличье сохранилъ до 1849 года, когда разыгралась по этому поводу характернѣйшая исторія.

Этотъ эпизодъ принадлежитъ къ числу яркихъ проявленій той болѣзненной подозрительности, которою знаменуется семилѣтіе 1848—1855 г. Въ другомъ томѣ настоящаго собранія будетъ данъ обстоятельный разсказъ о мрачныхъ годахъ, которые даже консервативный историкъ Де-Пуле назвалъ періодомъ „бѣшеной реакціи“. Черезъ семь лѣтъ, въ 1862 году, *оффиціальная записка* назвала мѣропріятія 1848—1855 гг. въ области печати *„цензурнымъ терроромъ“*. Мы дальше увидимъ, что цензурный терроръ коснулся и Константина Аксакова. Сейчасъ-же намъ приходится знакомиться съ энергическими мѣропріятіями могущественнѣйшаго изъ правительствъ противъ излишней растительности на подбородкахъ вѣрнѣйшихъ изъ его подданныхъ.

Борьба съ чрезмѣрной растительностью на головѣ еще имѣла нѣкоторый смыслъ. Несомнѣнно, что и нѣсколько лѣтъ до 1848 г., и въ 1848—49 гг. длинные волосы были въ Европѣ своего рода вывѣской свободнаго образа мыслей. Но собственно борода ничего революціоннаго собою не знаменовала. Тѣмъ не менѣе въ 1849 году старикъ Аксаковъ и его старшій сынъ черезъ полицію были извѣщены о томъ, что они должны сбрить бороды и кстати уже снять и русское платье. Подробности этого пассажа изложены въ нѣсколь-

кихъ письмахъ Сергѣя Тимофеевича и Константина Сергѣевича къ Ивану Сергѣевичу. Приведемъ ихъ цѣликомъ, чтобы читатель изъ тона письма увидѣлъ, что передъ нами не водевиль, а настоящая драма.

24 Апрѣля 1849 г. Сергѣй Тим. пишетъ: „Завтра ѣдетъ Поповъ, милый другъ Иванъ, и какъ онъ пріѣдетъ скорѣе почты, то завтра съ почтой писать не буду. Обо всемъ, что можетъ разсказать тебѣ Поповъ, я писать не стану, но разскажу о томъ, что собственно до насъ касается. Вслѣдствіе словъ Графа Орлова, сказанныхъ сначала для передачи прямо Хомякову, а потомъ—Самарину, для передачи всѣмъ намъ носящимъ бороды, я написалъ письмо къ Перфильеву, [важный чиновникъ полиціи], которое и посылаю тебѣ. Я отослалъ его къ Перфильеву съ Сашей Воейк. при другомъ письмѣ, въ которомъ просилъ и училъ, какъ получить отвѣтъ удовлетворительный: впрочемъ, ученіе было безполезно. Перфильевъ, предварительно высказавъ свое доброе мнѣніе о всемъ нашемъ семействѣ и о своемъ давнишнемъ со мною знакомствѣ, подалъ мое письмо Графу. Орловъ, прочтя его вслухъ очень внимательно, нѣсколько времени подумалъ, сложилъ письмо, положилъ къ себѣ на столъ и сказалъ: „Скажите, пожайлуста, Сергѣю Тимоѳеевичу, чтобъ онъ извинилъ меня, что я къ нему не писалъ. Въ Петербургѣ я не успѣлъ написать, а здѣсь не отвѣчалъ на его письмо потому, что сынъ его давно долженъ быть въ Москвѣ (Перфильевъ не зналъ, здѣсь ли ты и потому не могъ ему возразить), и онъ знаетъ отъ него всѣ подробности дѣла“. Потомъ принялся хвалить тебя и Константина, про котораго прибавилъ, что онъ мечтатель, доходящій до излишества и крайности, но человѣкъ строгой нравственной чистоты, и вдругъ сказалъ: „Скажите пожайлуста, съ чего они взяли, что есть какое-то гоненіе противъ русскаго платья? Увѣрьте С. Т., что онъ можетъ быть совершенно спокоенъ. Мы очень хорошо знаемъ всю благонамѣренность Московскаго Русскаго направленія. Вамъ не нужно увѣрять меня въ томъ, что дѣти такого отца, какъ С. Т., не могутъ имѣть дурного направленія. Онъ 35 лѣтъ другъ съ Кавелинымъ, а это вѣрное ручательство. Ему нечего опасаться. Будетъ только цирку-

ляръ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ, что Государю не угодно, чтобъ русскіе дворяне носили бороды: ибо съ нѣкотораго времени изъ всѣхъ губерній получаются извѣстія, что число бородъ очень умножилось. На Западѣ бороды—знакъ, вывѣска извѣстнаго образа мыслей; у насъ этого нѣтъ, но Государь считаетъ, что борода будетъ мѣшать дворянину служить по выборамъ".

„*25 Апрѣля.* Понедѣльникъ. Очень жалѣю, что вчера занимался диктованіемъ къ тебѣ пустыхъ рѣчей Графа Орлова. Все это совершеннѣйшій вздоръ, обманъ и ложь, и вы съ Самаринымъ ничего хорошаго ждать не можете и не должны. Вчера получили мы копію съ циркуляра относительно нашихъ бородъ. Сегодня я ѣздилъ къ Перфильеву и нашелъ въ немъ совершенно другого человѣка. Онъ отперся отъ всего того, что онъ говорилъ мнѣ отъ имени Орлова, говоря, что я не такъ понялъ, что онъ никогда не подразумѣвалъ бороды, а только русское платье, что онъ самъ считаетъ бороду при русскомъ платьѣ опаснѣе всѣхъ другихъ бородъ, что онъ совѣтуетъ намъ обриться при первомъ извѣщеніи отъ полиціи: ибо въ противномъ случаѣ можемъ имѣть большія непріятности. Когда я сказалъ, что напишу къ Орлову, чтобъ онъ доложилъ Государю, то Перфильевъ возразилъ, что никогда Орловъ не будетъ докладывать Государю, а сдѣлаетъ мнѣ отвѣтъ непріятный. Однимъ словомъ сказать: мы простились съ Перфильевымъ не какъ пріятели, а какъ враждебныхъ мнѣній люди, сохраняющіе только наружно другъ къ другу уваженіе. Я сказалъ ему, что въ первый разъ вижу его такимъ, а онъ отвѣчалъ мнѣ, что всегда таковъ, какимъ долженъ быть.—Не могу рѣшить, что причиною такой перемѣны: полученныя имъ наставленія отъ Графа Орлова въ другомъ духѣ, или то, что, по моей нескромности, все сказанное мнѣ Перфильевымъ отъ себя и отъ имени Графа Орлова сдѣлалось извѣстнымъ многимъ и вѣроятно дошло до Закревскаго. Сейчасъ получили письмо отъ тебя, милый другъ Иванъ, отъ 21 Апрѣля. Слава Богу, что ты здоровъ. Но я не слишкомъ надѣюсь на скорый твой пріѣздъ, иначе не стоило обо всемъ иномъ писать къ тебѣ. Попову я подробности о Перфильевѣ также не разсказывалъ, а сказалъ

просто, что онъ считаетъ это дѣло невозвратно рѣшеннымъ. Итакъ, конецъ кратковременному возстановленію русскаго платья, хотя не на многихъ плечахъ! Конецъ надеждѣ на обращеніе къ русскому направленію. Все это было предательство. Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ; но увѣрившись въ противномъ, и въ душѣ все-таки не любя насъ, хотя безъ всякой причины, сейчасъ рѣшились задавить наше направленіе. Мнѣ это ничего, я уже прожилъ мой вѣкъ, а тяжело мнѣ смотрѣть на Константина, *у котораго отнята всякая общественная дѣятельность, даже хотъ своимъ наружнымъ видомъ. Мы рѣшаемся закупориться въ деревнь навсегда.* Я сію минуту бы ускакалъ въ деревню, еслибъ мнѣ не было крайности оставаться въ Москвѣ, чтобъ уладить свои денежныя дѣла, чего скоро сдѣлать я никакъ не могу. Прощай, мой другъ!"

Константинъ Сергѣевичъ пишетъ по тому же поводу: „26 Апрѣля. Милый Иванъ! Итакъ, Русскому Дворянину нельзя носить Русскаго платья!—Говорятъ, какъ несомнѣнное, что здѣсь полученъ циркуляръ отъ Министра В. Д., въ которомъ сказано, что Дворянинъ, какъ имѣющій право носить мундиръ, не можетъ носить бороды. Борода при Русской одеждѣ необходима; или лучше: борода есть часть Русской одежды; съ воспрещеніемъ бороды воспрещается и Русское платье. Признаюсь тебѣ, на меня находитъ мысль: не сказано-ли это о бородахъ западныхъ, которыхъ я самъ сильно не люблю, о бородахъ при платьѣ иностранномъ—тогда другое дѣло; тогда это было бы скорѣе оправданіемъ Русской одежды; ибо въ циркулярѣ сказано, что Государь считаетъ недостойнымъ Русскаго Дворянина подражать западной модѣ. Совершенная истина. Но въ такомъ случаѣ, эти слова совершенно уже не относятся къ тѣмъ, которые, какъ Отесинька [1]), какъ я, не только не подражаютъ западной модѣ, но совершенно отъ нея отказались. Я бы такъ и понялъ циркуляръ, но въ окончаніи говорится о дворянахъ вообще, и

[1]) Не желая звать отца иностранными словами „папаша", „папочка", Константинъ Серг. передѣлалъ слово „отецъ" въ ласкательное „отесинька". *С. В.*

эти послѣднія слова заставляютъ думать, что и носящіе Русскую одежду не изъяты отсюда.

Какъ скоро объявятъ намъ циркуляръ, мы, я и Отесинька, исполнимъ немедля объявленное въ немъ приказаніе. Борода не составляетъ для насъ нравственнаго, религіознаго убѣжденія. Но тяжело будетъ это для меня и конечно еще тяжелѣе для Отесиньки; ибо въ его лѣта вдругъ измѣнить свою наружность, согласную съ его возрастомъ, образомъ жизни и мыслями, оскорбительнѣе какъ-то, чѣмъ въ мои средніе годы.

Наружность, одежда считается многими за бездѣлицу. Ты знаешь, милый Иванъ, что я думаю иначе. Наружность составляетъ, такъ сказать, тонъ жизни, a c'est le ton, qui fait la musique; тонъ, строй жизни — главное. Вотъ почему Петръ, вводя иноземное, кинулся на русскую одежду. Вотъ почему мода сдѣлалась проводникомъ всѣхъ западныхъ бредней, всѣхъ разнородныхъ грѣховъ, и *сервилизма* и *либерализма* [1]). Вотъ почему и теперь освобожденіе отъ западной моды было бы, если не полнымъ, то весьма значительнымъ освобожденіемъ отъ вліянія западнаго зла. И наконецъ, вотъ почему не могу я повѣрить: чтобы Государь нашъ, въ которомъ такъ часто высказывается Русское чувство, который въ самомъ циркулярѣ выразилъ свое негодованіе противъ подражанія Западу, чтобы Государь нашъ былъ противъ Русской одежды. Нѣтъ! этого быть не можетъ!

Во всякомъ случаѣ, мы, я и Отесинька намѣрены поступить такъ, какъ я уже написалъ тебѣ, то-есть: снять бороды и платье; ибо оффиціально сомнѣніе наше не рѣшено; но мы надѣемся, что оно разрѣшится въ самую радостную для Русской души сторону, и Русская мысль Государя, въ самомъ циркулярѣ выразившаяся, разсѣетъ всякое недоумѣніе.

Какъ хорошо, еслибъ представить въ историческомъ очеркѣ роли, которыя разыгрывали въ теченіи полутораста лѣтъ съ Петра въ Россіи,—платье нѣмецкое, иностранное,— и платье Русское. Здѣсь былъ бы видѣнъ тонъ и строй той и другой жизни. Много гнусныхъ попытокъ и измѣнъ пятналотъ платье иностранное! О, сколько зла, сколько зла принесъ намъ западъ! и сколько еще зла можетъ принести онъ,

[1]) Курсивы К. С. Аксакова.

если не прекратится его вліяніе, котораго одинъ изъ главныхъ проводниковъ—мода.

Прощай, милый братъ и другъ Иванъ: я высказалъ тебѣ свои мысли. Крѣпко обнимаю тебя: пріѣзжай скорѣе. Другъ и братъ Константинъ Аксаковъ".

Сергѣй Тим. приписываетъ къ этому письму: „Нечего и говорить, что я вполнѣ раздѣляю все то, что пишетъ къ тебѣ братъ, милый другъ Иванъ. Писать сегодня не успѣваю, а напишу завтра; и къ сему же надѣюсь сегодня достать циркуляръ, который ходитъ уже по всей Москвѣ. Черезъ Предводителя мы получимъ его не скоро. Развѣ въ Москвѣ объявятъ его дворянамъ черезъ полицію".

Серг. Тим. пишетъ 27 Апрѣля. „Милый другъ Иванъ! Письмо твое отъ 21 Апрѣля мы получили третьяго дня. Благодаримъ Бога, что ты здоровъ. У насъ также все идетъ по прежнему. По-настоящему это письмо не должно бы застать тебя въ Петербургѣ; но одинъ Богъ знаетъ, что у васъ тамъ дѣлается и когда мы тебя увидимъ. Все покрыто какою то неизвѣстностью, неясностью и сомнѣніемъ, которое теперь, относительно нашего русскаго платья и бороды, достигло высшей степени. Ты уже знаешь, что, когда разнесся слухъ по Москвѣ о намѣреніи правительства уничтожить моду ношенія бородъ, то я, имѣя полное право не причислять себя и Константина къ числу людей, щеголяющихъ только бородами, писалъ письмо къ Перфильеву и просилъ довести мои объясненія по сему предмету до графа Орлова: отвѣтъ былъ неточный, но успокоительный. Теперь полученъ въ Москвѣ циркуляръ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ Предводителямъ дворянства, который, вѣроятно, ты знаешь и въ которомъ, по моему крайнему, добросовѣстному разумѣнію, нѣтъ ничего относящагося до меня и Константина: ибо насъ, людей, ведущихъ борьбу противъ введенія западныхъ мыслей и обычаевъ и вслѣдствіе того надѣвшихъ русское платье съ бородою, нельзя обвинить въ „страсти подражанія западнымъ привычкамъ" или „въ увлеченіи подражанію западнымъ затѣямъ, такъ называемой, моды". Скорѣе можно предположить въ насъ подражаніе старинѣ, тѣмъ временамъ, когда на Святой Руси и дворяне носили

русское платье. Но въ насъ, ты очень хорошо знаешь, нѣтъ страсти подражанія; въ насъ это простое желаніе, потребность русскаго сердца, носить свою родную, народную одежду, въ тѣхъ обстоятельствахъ жизни, когда она не противорѣчитъ обязанностямъ неслужащаго дворянина. Что же касается до тѣхъ случаевъ, когда мы были бы принуждены воспользоваться правомъ ношенія мундира, то борода также можетъ быть снята, какъ и домашнее платье. Безъ всякаго сомнѣнія, г. Предводитель дворянства или полицейскія власти, приводя въ исполненіе циркуляръ, не будутъ смотрѣть съ моей точки зрѣнія и понимать такимъ образомъ слова циркуляра. Они предъявятъ намъ его къ исполненію, чего я ожидаю каждую минуту. Благоговѣя предъ волею Государя, мы готовы ее исполнить безъ ропота. Но мы не знаемъ, исполнимъ ли ее, если вмѣсто нечестивой западной бороды сбрѣемъ русскую, православную бороду? Согласись, что это будетъ даже комическое явленіе. По истинѣ не знаю, что дѣлать и къ кому обратиться для объясненія этого дѣла Самый прямой путь, когда намъ будетъ объявленъ циркуляръ оффиціально, обратиться съ симъ вопросомъ къ исполнительной власти, т. е.: къ Графу Закревскому, если получимъ предписаніе черезъ полицію или къ губернскому Предводителю, если получимъ предписаніе отъ него. Но и та и другая власть не захочетъ войти въ разсмотрѣніе нашихъ объясненій; первая же изъ нихъ можетъ поступить такъ грубо и круто, что я на старости лѣтъ не снесу незаслуженнаго оскорбленія и могу подвергнуть себя и свое семейство дурнымъ послѣдствіямъ. Я рѣшаюсь, исполнивъ то, чего отъ меня требовать будутъ, написать къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ или къ Графу Орлову и просить ихъ повергнуть мои всеподданнѣйшія объясненія къ стопамъ Государя Императора. Многіе изъ порядочныхъ людей и вся умствующая посредственность думаютъ и говорятъ, что наружный видъ ничего не значитъ; они или не понимаютъ дѣла или лгутъ. Я по крайней мѣрѣ долженъ сознаться въ слабости, что сбрѣю мою почтенную сѣдую бороду съ сердечнымъ огорченіемъ. Мнѣ даже будетъ совѣстно и стыдно какъ-то смотрѣть на всѣхъ меня окружающихъ. Константинъ, котораго мнѣнія

на этотъ счетъ гораздо глубже и фанатичнѣе моихъ, готовится перенесть это оскорбительное событіе съ великодушною кротостью, которая изумляетъ и трогаетъ мое отцовское сердце".

Письмо С. Т. Аксакова начальнику тайной полиціи Перфильеву отъ 13 апрѣля 1849 г.: „Вашему Превосходительству безъ сомнѣнія извѣстно происшествіе, случившееся съ моимъ сыномъ, служащимъ въ Петербургѣ [1]). Хотя я совершенно убѣжденъ въ его невинности, доказанной благополучнымъ окончаніемъ этого дѣла; но тѣмъ не менѣе я и все мое семейство, не зная причины и опасаясь послѣдствій, остаемся въ безпокойствѣ и сомнѣніи. Къ этому присоединились слухи, достойные вѣроятія, что всѣмъ носящимъ бороды даны будутъ сначала совѣты сбрить ихъ, а въ случаѣ непринятія этого совѣта, и самое приказаніе. Не желая дождаться ни того, ни другаго, желая привесть дѣло въ ясность, до отъѣзда Государя изъ Москвы, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство довесть до свѣдѣнія Графа Орлова слѣдующія мои объясненія: я и старшій сынъ мой, нигдѣ неслужащіе, носимъ бороды вмѣстѣ съ русскимъ платьемъ. Борода составляетъ необходимую принадлежность русской одежды: сбрить бороды—значитъ скинуть русскую одежду. Мы оба, я уже по старости и болѣзненности, а сынъ мой по расположенію духа и ради ученыхъ занятій, надѣвъ русское платье велѣдствіе задушевнаго убѣжденія, тѣмъ самымъ отказались отъ свѣтскаго общества и проводимъ жизнь уединенно, въ тишинѣ семейнаго круга. Считаю ненужнымъ распространяться о томъ, что въ поступкѣ нашемъ нѣтъ ничего неблагонамѣреннаго, никакой посторонней мысли. Я льщу себя надеждою, что Ваше Превосходительство сами убѣждены въ искренности и правдѣ моихъ словъ и не откажетесь удосто-

---

[1]) Въ мартѣ 1849 г. Иванъ Аксаковъ былъ арестованъ. Произошло это частью благодаря тому, что онъ былъ очень друженъ съ Юріемъ Самаринымъ, тоже тогда подвергшемуся нелѣпѣйшему аресту. А частью потому, что, по милому обычаю того времени, даже переписка Ивана Сергѣевича съ родителями перехватывалась и тамъ были усмотрѣны разныя дерзости, для чиновника недозволительныя. Черезъ 4 дня его отпустили. *С. В.*

вѣрить въ томъ Графа Орлова. Но если, по какимъ бы то ни было причинамъ, пребываніе въ Москвѣ русскаго дворянина, въ русскомъ платьѣ, даже исключительно въ собственномъ домѣ, появленіе его на улицѣ и въ храмѣ Божіемъ, можетъ показаться предосудительнымъ, то мы съ сыномъ немедленно переѣдемъ въ деревню и не будемъ въѣзжать въ Москву до тѣхъ поръ, пока мѣстное начальство того не позволитъ. Оставить навсегда Москву съ ея святынею, историческими памятниками, роднымъ и народнымъ значеніемъ, тяжело для русскаго сердца; но, если на то будетъ воля Государя Императора, какъ настоящіе русскіе люди, исполнимъ ее безъ ропота. Есть нравственнаго рода оскорбленіе въ перемѣнѣ своего наружнаго вида! Путемъ цѣлой жизни дойдя до убѣжденія, что неслужащему русскому человѣку нужно ходить въ русскомъ платьѣ и съ бородой—вдругъ торжественно отъ него отказаться, обриться и переодѣться—тяжелѣе, чѣмъ доживать свой вѣкъ въ деревенскомъ уединеніи".

Я увѣренъ, что Ваше Превосходительство, а равно и Его Сіятельство Графъ Орловъ, не оставите моихъ объясненій безъ вниманія, а меня безъ увѣдомленія о точной волѣ Государя Императора.

Письмо С. Т. Аксакова Графу Алекс. Ѳед. Орлову. Я имѣю честь доводить до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, черезъ Генерала Перфильева, мои покорнѣйшія объясненія относительно носимаго мною и сыномъ моимъ русскаго платья съ необходимою при немъ бородою. Ваше Сіятельство приняли ихъ благосклонно и успокоительно для насъ. Нынѣ получено въ Москвѣ циркуляръ отъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ Предводителямъ дворянства о томъ, что дворянамъ не прилично носить бороды, въ которомъ по моему крайнему разумѣнію нѣтъ ничего относящагося до меня и моего сына; ибо насъ—людей, питающихъ убѣжденія, противоположныя западнымъ обычаямъ и вслѣдствіе того надѣвшихъ русское платье, нельзя обвинить въ „страсти подражанія западнымъ привычкамъ" или въ „увлеченіи къ подражанію западнымъ затѣямъ такъ называемой моды". Скорѣе можно предположить въ насъ подражаніе старинѣ, тѣмъ временамъ, когда на Святой Руси и дворяне носили русское платье. Но

во мнѣ и сынѣ моемъ нѣтъ никакого стремленія къ подражанію; въ насъ это простое желаніе, потребность русскаго сердца, носить свою родную, народную одежду въ тѣхъ обстоятельствахъ жизни, когда она не противорѣчить обязанностямъ дворянина, находящагося въ отставкѣ.—Ненужнымъ считаю объяснять, что, въ случаѣ приведенія въ дѣйствіе права ношенія мундира, борода также можетъ быть снята, какъ и домашнее платье. Но, вѣроятно, не всѣ Гг. Предводители дворянства будутъ смотрѣть съ такой точки зрѣнія и понимать такимъ образомъ слова циркуляра. Очевидно представляется вопросъ: могу ли я считать себя и сына моего, носящихъ одежду и бороду русскую, непринадлежащими къ числу людей, носящихъ при нѣмецкомъ платье бороду западную? Можетъ ли такое возраженіе быть принято въ уваженіе Предводителемъ дворянства или полицейской властью?

Обстоятельство, для другихъ ничтожное, можетъ быть очень важно для того, у кого нарушается задушевная мысль, угнетается сердечное убѣжденіе, а потому, если Вашему Сіятельству не угодно будетъ принять на себя разрѣшеніе моихъ сомнѣній, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ: повергнуть ихъ къ Августѣйшимъ стопамъ Государя Императора".

Издатели переписки прибавляютъ:

„Объясненія Сергѣя Тимоѳеевича ни къ чему не привели: онъ и Константинъ Сергѣевичъ получили приказъ явиться въ полицію дать росписку о сбритіи бороды, что и было сдѣлано Константиномъ, который послѣ того уже никогда не носилъ ни русскаго платья, ни бороды [1]). А къ Сергѣю Тим., по болѣзни его, пришли взять подписку на домъ. Платье же свое, вродѣ зипуна, Сергѣй Тимоѳеевичъ по болѣ ненности своей продолжалъ носить до конца своей жизни".

Глубокое волненіе, которымъ проникнута приведенная сейчасъ переписка, показываетъ, что мы впадемъ въ грубую ошибку, если отнесемся къ вознѣ съ русскимъ платьемъ, какъ къ мелочному вздору. Это крикъ раненаго сердца. Сергѣй Тимофеевичъ былъ глубоко-искренній человѣкъ и когда

---

1) Такъ-ли? На общеизвѣстномъ портретѣ Галлереи Мюнстера, видимо относящемся ко второй половинѣ 1850-хъ гг., когда К. С. было подъ сорокъ, борода есть. *С. В.*

онъ пишетъ: „мы рѣшаемся закупориться въ деревнѣ навсегда“, то тутъ слышится настоящая трагическая нота. И развѣ онъ не правъ, когда говоритъ: „тяжело мнѣ смотрѣть на Константина, у котораго отнята всякая общественная дѣятельность, даже хотя своимъ наружнымъ видомъ“? По тому времени, когда опалѣвшая отъ безграничнаго могущества власть старалась подвести все подъ одинъ казарменный ранжиръ, нарушить Высочайше установленный шаблонъ было, несомнѣнно, проявленіемъ чего-то похожаго на общественность. А что для Константина Аксакова въ ношеніи русскаго платья, дѣйствительно, былъ какой-то суррогатъ общественности, видно изъ того, что позднѣе, во второй половинѣ 1850-хъ годовъ, когда открылась возможность настоящей общественной дѣятельности, онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки снова нарядиться въ зипунъ и мурмолку. Онъ произноситъ замѣчательныя рѣчи, пишетъ весьма замѣчательныя публицистическія статьи, но уже отъ маскараднаго эффекта русскаго платья отказывается навсегда.

Конечно, очень характерна для славянофильства та „великодушная кротость“, съ которою, по выраженію Сергѣя Тимофеевича, Константинъ Аксаковъ „готовился перенести“ это „оскорбительное событіе“. И готовился, и перенесъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Еще старикъ-отецъ волновался и, какъ мы читали выше, собирался что-то такое сдѣлать, что могло-бы повести для него и для „семейства“ къ „дурнымъ послѣдствіямъ“. А сынъ ничѣмъ не реагировалъ.

Но тутъ мы уже имѣемъ дѣло съ тою главною особенностью славянофильства, благодаря которому это во многихъ отношеніяхъ оппозиціонное движеніе было политически-ничтожно и прошло безслѣдно для исторіи освобожденія Россіи отъ гнета абсолютизма. Теорія Константина Аксакова предоставляла „всю полноту власти“ правительству, хотя бы это было правительство Николая I-го, а себѣ отмежевало „свободу духа“. Въ данномъ случаѣ это было свободой безмолвнаго страданія. Иванъ Аксаковъ, когда эпопея сбритія, по Высочайшему повелѣнію, бороды закончилась, пишетъ:

„Радъ, что вы уѣзжаете въ деревню, очень радъ этому и за Константина, потому что тамъ отдохнетъ его *больная и грустная душа*. (Пер., II, стр. 145).

V.

Диссертація. Театральныя пьесы. „Московскій Сборникъ".

Въ 1847 г. Константинъ Аксаковъ, послѣ длиннаго ряда лѣтъ лѣнивой работы, сталъ, наконецъ, магистромъ. Дальше будетъ сказано о диссертаціи по существу. Пока отмѣтимъ внѣшнюю исторію ея, тѣ цензурныя мытарства, хотя, казалось-бы, что могъ такого сказать Аксаковъ о Ломоносовѣ! Нашелся, однако, въ ней „кануперъ", какъ выражается цензоръ въ Некрасовской „Газетной". Гордившійся своею просвѣщенностью и покровительствомъ наукѣ попечитель гр. Строгоновъ, писалъ 3 января 1847 г. министру нар. просв. Уварову:

„Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1845 года одобрено было къ напечатанію совѣтомъ Московскаго университета, писанное на степень магистра, разсужденіе кандидата Аксакова подъ заглавіемъ: *Ломоносовъ въ Исторіи Русской Литературы и Русскаго языка.* Книга эта нынѣ вышла изъ печати, и одинъ экземпляръ оной доставленъ ко мнѣ самимъ авторомъ. По разсмотрѣніи этого сочиненія я нашелъ въ немъ многія мысли и выраженія, отъ страницы 44 до 60, весьма рѣзкія и непристличныя, относящіяся до Петра Великаго и политическихъ его преобразованій. Можетъ быть, ученое содержаніе книги и допускаетъ такого рода сужденія о дѣйствіяхъ Великаго Преобразователя,—сужденія, выраженныя въ формѣ не для всякаго доступной, но тѣмъ не менѣе я призналъ ихъ съ своей стороны вовсе неумѣстными и непозволительными въ диссертаціи, назначенной для публичнаго диспута;

почему и предписалъ ректору Московскаго университета, пріостановивъ продажу оной, подвергнуть ее новой цензурѣ декана I-го отдѣленія филологическаго факультета и выпустить при этомъ весь отдѣлъ, заключающійся отъ 44 до 60 страницы, а также предложилъ и здѣшнему цензурному комитету, чтобы ни въ одномъ изъ выходящихъ въ Москвѣ повременныхъ изданій не дозволять никакихъ разборовъ помянутаго сочиненія. Для предупрежденія же могущихъ дойти до свѣдѣнія вашего сіятельства какихъ-либо извѣстій объ этой книгѣ отъ посторонняго вѣдомства, я считаю долгомъ представить при семъ на ваше благоусмотрѣніе одинъ экземпляръ оной, съ тѣмъ, что если вы найдете нужнымъ сдѣлать относительно ея какія-либо новыя распоряженія, то я буду ожидать объ этомъ вашего, милостивый государь, увѣдомленія. Вмѣстѣ съ симъ, имѣя въ виду направленіе нѣкоторыхъ С.-Петербургскихъ журналовъ, готовыхъ воспользоваться выходомъ подобнаго рода сочиненій, чтобы толковать и объяснять его къ соблазну другихъ, я полагалъ бы съ своей стороны необходимымъ, если-бы противъ этого приняты были такія же мѣры, какія предложены мною Московскому цензурному комитету". (Барсуковъ, Жизнь Погодина, т. VIII, 343).

Неожиданныя придирки къ книгѣ, пропущенной факультетомъ, членами котораго были такіе столпы рабской благонамѣренности, какъ Погодинъ, Шевыревъ, Давыдовъ, настолько были неожиданны, что Иванъ Аксаковъ даже сдѣлалъ предположеніе, что графа Строгонова „вѣрно кто-нибудь подъучиваетъ" (Пер., I, 406). На самомъ дѣлѣ, конечно, все это дѣлалось отъ собственнаго усердія.

6 марта 1847 г. Константинъ Сергѣевичъ защищалъ очищенную отъ скверны диссертацію свою.

„По свидѣтельству очевидцевъ, большая аудиторія въ новомъ зданіи университета, гдѣ происходилъ диспутъ, была полна. Здѣсь собрался „весь московскій умъ обоихъ половъ". Диспутъ былъ живъ и разнообразенъ. Первыя возраженія были сдѣланы Шевыревымъ, деканомъ философскаго факультета; они касались языка церковно-славянскаго. Споръ продолжаемъ былъ Бодянскимъ, отъ котораго, какъ замѣчено, на диспутахъ всегда услышишь дѣльныя, фактическія и

оригинальныя замѣчанія". Возражали также Катковъ, Буслаевъ и Соловьевъ. Въ заключеніе Шевыревъ выразилъ мнѣніе факультета и свое собственное о диссертаціи, и Аксаковъ возведенъ былъ на степень магистра". (Барсуковъ, Жизнь Погодина, VIII, стр. 344).

Въ цѣнныхъ воспоминаніяхъ о Константинѣ Аксаковѣ, Вицына (Н. М. Павлова), разсказывается, со словъ проф. Ѳ. М. Дмитріева (впослѣдствіи попечителя Спб. округа), слѣдующій характерный эпизодъ диспута:

„На всѣ возраженія Константинъ Сергѣевичъ отвѣчалъ живо и ничего не уступалъ изъ собственныхъ тезисовъ. Но послѣ одного сдѣланнаго ему замѣчанія, магистрантъ вдругъ воскликнулъ: „ахъ, какое дѣльное возраженіе!", и это съ такой дѣтской искренностью и съ такимъ невольнымъ движеніемъ руки, поднесенной къ волосамъ, что вся аудиторія разразилась смѣхомъ. Ясно было, что не личное самолюбіе, а самый предметъ спора занималъ диспутанта" („Русск. Архивъ" 1885 г., № 3).

Степень магистра могла-бы доставить Аксакову каѳедру. Объ этомъ еще до защиты диссертаціи старался Погодинъ, но надо было ѣхать въ Кіевъ, и это не улыбалось Константину Сергѣевичу, безумно привязанному къ дому, гдѣ ему такъ мило и беззаботно жилось и гдѣ „всѣ ему поклоняются", какъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Погодинъ. Погодинъ, всегда не любившій Константина Аксакова, не выносившій его авторитетнаго тона и упрекавшій его, совсѣмъ незаслуженно, въ суетности, объяснялъ отказъ ѣхать въ Кіевъ честолюбіемъ: „не хочетъ, желаетъ сказать первое молодое слово въ Москвѣ и несетъ объ ней дичь" (Барсуковъ, VIII, стр. 109). Это объясненіе безусловно невѣрно. Сказать „молодое слово въ Москвѣ" Константину Сергѣевичу, конечно, хотѣлось, но главная причина нежеланія ѣхать въ Кіевъ просто въ отсутствіи всякой активности. Вѣдь вотъ въ 1849 г. Аксакову, видимо, представлялась возможность стать профессоромъ въ Москвѣ, но и то ничего не вышло и, кажется, по винѣ Константина Сергѣевича. По крайней мѣрѣ Иванъ пишетъ: „завтрашній день въ Петербургѣ, вѣроятно, послѣдуетъ назначеніе новаго министра. Кто-то будетъ? Если Строгоновъ, и если онъ дѣйствительно таковъ, какъ вы пи-

шете, то съ Богомъ! *Пусть Константинъ беретъ каѳедру*. Я отъ всей души благословляю его на этотъ подвигъ; это единственный родъ службы, ему приличный" (Пер. II, 261). Если „пусть беретъ", значитъ предлагали.

Послѣ защиты диссертаціи важнѣйшимъ литературнымъ интересомъ Константина Сергѣевича явилась его драма „Освобожденіе Москвы въ 1612 году". Мы тоже еще вернемся къ ея содержанію, а пока отмѣтимъ ея цензурныя мытарства.

Театръ, и притомъ въ формѣ наименѣе вяжущейся съ представленіемъ о главарѣ и знаменоносцѣ литературно-политической партіи, давно привлекалъ Аксакова. Онъ сочинилъ въ 40-хъ годахъ нѣсколько водевилей. Сочинилъ и поставилъ на сценѣ. Успѣхъ былъ средній. Въ первомъ изъ этихъ водевилей—„Водоемѣ", поставленномъ, кажется, въ 1844 г. было кое-что, въ чемъ сказалось и credo автора, но это не особенно интересовало публику. По крайней мѣрѣ, даже Языковъ въ то время ожесточенно и непристойно воевавшій съ „западными" писалъ брату своему Александру:

„*Водоемъ* К. Аксакова былъ представленъ, но, кажется, не произвелъ ожиданнаго дѣйствія. Публики было много, потому что дескать цѣны были самыя незначительныя. Куплеты о Питерѣ (Петербургъ тамъ названъ „городомъ съ именемъ чужимъ") были сказаны хорошо, а о Москвѣ очень плохо: вяло и невыразительно. *Хлопали и вызывали только свои, наши*". („Русск. Старина" 1903 г., т. 113, стр. 538).

„Водоемъ" и напечатанъ не былъ, и никакихъ слѣдовъ о постановкѣ его нѣтъ въ столь обстоятельной семейной перепискѣ Аксаковыхъ—происшествіе, значитъ, не очень большое. За то довольно много говорится въ перепискѣ о водевилѣ „Почтовая карета", представленномъ 24 апрѣля 1845 г. По словамъ Ивана, дававшаго отчетъ родителямъ (они были тогда въ своей подмосковной—Абрамцевѣ) Константинъ „можетъ быть вполнѣ доволенъ, да ужъ и доволенъ" (Перепис., I, 316). Водевиль, однакожъ, всего на всего шелъ 2 раза.

Водевилямъ Константинъ Аксаковъ, не заблуждавшійся насчетъ художественныхъ силъ своихъ, не придавалъ значенія. На „Освобожденіе-же Москвы" онъ смотрѣлъ серьезно, придавая ему значеніе политическаго profession de foi.

Но разъ политика, неизбѣжны были цензурныя гоненія.

Помятая уже предварительно (ср. Переписку, т. I, стр. 439), она была снята послѣ перваго-же представленія, 14 декабря 1850 г. Какъ произведеніе литературное, драма провалилась совершенно. Когда она появилась въ печати (1848 г.), Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Такая дрянь, что изъ рукъ вонъ“ (Барсуковъ, IX, 458). Погодинъ счелъ даже нужнымъ напечатать крайне-отрицательную рецензію въ своемъ журналѣ („Москвитянинъ“, май 1848 г.), настолько отрицательную, что порвалась 20-лѣтняя тѣснѣйшая дружба съ Аксаковскимъ домомъ. Ослѣпленный любовью къ сыну Сергѣй Тимофеевичъ увидѣлъ въ отзывѣ Погодина исключительно результаты „давно затаенной злобы на Константина“ (Барсуковъ, IX, 461). Но слабая драма столь-же мало понравилась и другимъ критикамъ.

Однако, въ драмѣ, несомнѣнно, было что-то такое, что задѣвало. Она нравилась не только влюбленному въ сына отцу, но и Ивану, который чрезмѣрною снисходительностью совсѣмъ не отличался. Очень нравилась она простымъ людямъ, нѣкоторымъ интеллигентнымъ русскимъ купцамъ напр., которымъ Иванъ давалъ читать драму брата. И даже человѣкъ другого лагеря—Соллогубъ многое въ ней хвалилъ. Иванъ писалъ родителямъ въ іюнѣ 1848 г.: „Соллогубъ въ восторгѣ отъ пятаго акта драмы Константина, но утверждаетъ, что это не драма. Драма или не драма, это споръ въ словахъ. ибо надо знать, что разумѣютъ подъ словомъ драма; я считаю, что это драма, но Соллогубу однакожъ многое въ ней осталось недоступно; онъ говоритъ также, что Константинъ взялъ только одну хорошую сторону русскаго народа, а не всѣ, и потому драма немного блѣдна и пр. и пр.“ (Пер. I, 455).

Несомнѣнно заинтересовала она и зрителей тѣмъ, что, какъ никакъ, направляла мысль въ сторону вопросовъ государственно-политическихъ. И вотъ этого-то интереса и было достаточно, чтобы власти предержащія заволновались. О вопросахъ государственныхъ въ то время простому обывателю не полагалось размышлять совсѣмъ, хотя бы въ направленіи самомъ благонамѣренномъ. На то было установлено начальство. И тотчасъ-же послѣдовало соотвѣтственное донесеніе въ Петербургъ, въ результатѣ чего драма Аксакова, послѣ одного представленія, была снята со сцены:

„Новый попечитель Московскій, В. П. Назимовъ, счелъ долгомъ обратить на нее вниманіе кн. П. А. Ширинскаго Шихматова. „Не могу умолчать", писалъ онъ, „предъ вашимъ сіятельствомъ, что драма Аксакова, хотя и написана въ духѣ православія, однако, содержитъ въ себѣ такія мысли, которыя легко могутъ возбудить въ простомъ народѣ враждебное расположеніе противъ высшихъ сословій и вообще подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ. Сочиненіе сіе, по моему мнѣнію, не должно быть допускаемо къ печатанію и тѣмъ менѣе являться на сценѣ". Вслѣдствіе этого кн. Ширинскій-Шихматовъ пожелалъ познакомиться съ сочиненіемъ и просилъ Назимова прислать ему самую книгу. Исполняя это желаніе, Назимовъ писалъ министру: „Во время представленія этой драмы на Московской сценѣ 14 Дек. 1850 года, былъ въ театрѣ большой шумъ. На всѣ возгласы актера при порицаніи бояръ раекъ кричалъ: правда, правда. Особенно слова *гласъ народа — гласъ Божій* вызывали сильныя рукоплесканія и громогласное одобреніе райка". (Барсуковъ, т. IX. стр. 463).

Но еще гораздо болѣе тяжкія цензурныя препятствія, и на этотъ разъ даже непреодолимыя, встрѣтилъ К. Аксаковъ въ началѣ 50-хъ годовъ при печатаніи нѣкоторыхъ изъ своихъ статей въ „Московскомъ Сборникѣ".

Изданіе „Моск. Сборника" было предпринято славянофильскимъ кружкомъ еще въ 1846 г. Въ вышедшемъ тогда томѣ К. Аксаковъ, подъ псевдонимомъ *Имрекъ*, помѣстилъ обширную критическую статью, съ которой мы познакомимся дальше. Когда въ 1852 г. Сборникъ возобновился, Аксаковъ далъ для него статью „О родовомъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ частности". Но приготовленная имъ для слѣдующаго тома „Моск. Сборника" (1853 г.) статья о „Богатыряхъ князя Владиміра" своевременно свѣта не увидѣла и была напечатана только въ новое царствованіе. Вызванная ею буря не должна насъ удивить, если вспомнить эпоху, къ которой она относится. И 1853 годъ принадлежитъ къ знаменательному семилѣтію 1848—1855 гг., такъ характерно завершающему собою дореформенную эпоху. Мы знаемъ уже, что революціонный ураганъ, пронесшійся надъ Европою 1848 года, но оставившій совершенно въ сторонѣ Россію, вызвалъ, тѣмъ не менѣе, у насъ рядъ мѣръ, которыя уже чрезъ нѣсколь-

ко лѣтъ, когда новое царствованіе замѣнило недовѣріе къ общественнымъ силамъ вѣяніями иного характера, казались невѣроятными до анекдотичности. Не станемъ здѣсь сколько-нибудь подробно останавливаться на подробностяхъ этого страшнаго семилѣтія въ виду того, что о немъ еще будетъ обстоятельная рѣчь въ настоящемъ собраніи. Отмѣтимъ только двѣ, три детали эпохи „Цензурнаго террора“, непосредственно касающіяся Контсантина Аксакова. Черезъ полицію заставили его сбрить „русскую“ бороду и снять „русскую“ одежду. Чрезъ цензуру рѣшительнѣйшимъ образомъ запретили ему проявлять свое „русское“ міросозерцаніе.

Когда въ 1852 году московскіе славянофилы издали I-й томъ возобновленнаго „Московск. Сборника“, онъ болѣе или менѣе благополучно миновалъ цензурные рифы. Но все-таки тогдашній министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ обратилъ вниманіе на „предосудительность направленія Сборника“, находя, что „хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ“. Въ виду этого приказано было ко II-му тому Сборника отнестись по возможности „внимательно“. Результатомъ такого вниманія было то, что представленный на слѣдующій годъ II-й томъ былъ цѣликомъ запрещенъ. По отношенію къ Константину Аксакову, московскій цензурный комитетъ находилъ, что онъ,

„подобно Хомякову, старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же *небывалаго въ Россіи* общиннаго порядка дѣлъ. Но кромѣ того К. Аксаковъ указываетъ на мѣста, гдѣ Соловей Разбойникъ называетъ великаго князя воромъ, богатырь Тугаринъ Змѣевичъ цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя, а Алеша Поповичъ чуть не назвалъ ее сукою. Еще въ одной пѣснѣ говорится, что Владиміръ, желая отбить жену у богатыря Данилы, отправилъ его на явную смерть и потомъ повелѣлъ убить его; но Данило предупредилъ его и самъ лишилъ себя жизни. К. Аксаковъ прибавляетъ къ этому: „Когда сила побѣждена силою, когда нѣтъ болѣе ея оскорбительнаго притязанія, Данило говоритъ: видно я сталъ неугоденъ князю, и убиваетъ себя; въ этихъ словахъ вовсе не видать ни подобострастія, ни рабскаго чувства; отношенія богатырей къ великому князю были основаны на свободной привязанности“. Сверхъ того К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой

описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калина. Хотя это и непріятельскій царь, но все-таки неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ, царь
Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.

Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, большею частью, напечатаны: всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ; одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ *небывалыя въ Россіи*—общину, вольницу и дерзаетъ богатырей ставить противъ великаго князя" (См. „Русск. Стар." 1875 года № 10).

Кромѣ статьи о богатыряхъ, К. Аксаковъ помѣстилъ въ Сборникѣ два стихотворенія. По мнѣнію цензора, выступившаго въ роли эстетическаго критика, стихотворенія „ничтожны по содержанію, но и въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго *духъ свободенъ* и открытъ". Такая „темнота" дѣлала для цензора „смыслъ стихотвореній подозрительнымъ".

Наложеніемъ цензорскаго veto дѣло не ограничилось. По разсказу редактора Сборника — Ивана Сергѣевича Аксакова („Рус. Арх. 1878 г. № 11), не только Сборникъ въ полномъ составѣ былъ запрещенъ (по личному объясненію, данному издателю—*„не столько за то, что въ немъ сказано, сколько за то, что умолчано"*), но „вмѣстѣ съ нимъ состоялось повелѣніе: всѣмъ главнымъ участникамъ: братьямъ Аксаковымъ, Кн. Черкасскому, Хомякову, Кирѣевскимъ не иначе печатать свои статьи, какъ проведя ихъ чрезъ Главное Управленіе цензуры въ Петербургѣ". Послѣднее, по свидѣтельству Ивана Аксакова, „равнялось запрещенію".

А въ довершеніе всѣ сотрудники Сборника, въ томъ числѣ и К. Аксаковъ, были отданы подъ полицейскій надзоръ. Вѣдомства, наблюдавшія за образомъ мыслей, никакъ не могли отличить благонамѣреннѣйшаго народничанія отъ оппозиціоннаго демократизма. Такъ великъ былъ страхъ предъ всякою духовною самостоятельностью. *„Мысль и ея движеніе подозрительны"*—превосходно формулировалъ Хомяковъ правительственную политику 1848—1855 г. Надо было только повиноваться.

VI.

К. Аксаковъ и новое царствованіе. „Молва".

Новое царствованіе благодѣтельнѣйшимъ образомъ подѣйствовало на Константина Аксакова, которому всегда нуженъ былъ какой-нибудь внѣшній толчокъ. Годы отъ 1855 до 1859, когда смерть отца повела за собою и смерть сына, являются кульминаціоннымъ пунктомъ духовной жизни Константина Сергѣевича. Онъ выдвигается какъ общественный дѣятель, какъ публицистъ и много работаетъ надъ своими филологическими изслѣдованіями. Къ тому же, въ связи съ внезапнымъ расцвѣтомъ литературной дѣятельности Сергѣя Тимофеевича, и вся семья въ эти годы жила очень напряженно. Какъ разъ матеріальныя-то обстоятельства были весьма печальныя, и нѣкогда большое состояніе непрактичнѣйшаго Сергѣя Тимофеевича почти растаяло. Но такъ велика была радость, которую доставляла жившей единой жизнью семьѣ неожиданно-громадный успѣхъ „Семейной хроники", что всѣ какъ-то не обращали вниманія ни на предстоящую нищету, ни на надвигавшуюся слѣпоту „отесиньки". Точно свѣтильникъ, который часто особенно ярко вспыхиваетъ именно передъ тѣмъ, какъ погаснуть совсѣмъ, и благословенный домъ Аксаковыхъ за 2 — 3 года передъ тѣмъ, какъ совершенно разрушиться жилъ особенно-повышенной жизнью.

На аренѣ общественной дѣятельности Константинъ Сергѣевичъ выдвинулся своею запиской, поданной въ 1855 г. молодому государю и какъ застольный ораторъ. Съ содержаніемъ замѣчательной записки читатель познакомится дальше.

здѣсь-же отмѣтимъ, что это была первая изъ политическихъ записокъ, которыми, вообще, богаты первые годы царствованія Александра II, когда печальный урокъ Севастопольскаго разгрома заставилъ власть прислушаться къ „голосу земли“. Число частныхъ записокъ 1855—58 гг. очень значительно, но всегда драгоцѣненъ починъ, и вотъ честь этого почина всецѣло принадлежитъ Константину Аксакову. Онъ весь горѣлъ пламенными надеждами и черезъ графиню Блудову нашелъ путь передать записку по назначенію.

Какъ общественно-политическій застольный ораторъ періода ожиданія реформъ Константинъ Аксаковъ тоже выдвинулся одинъ изъ первыхъ, а пожалуй что и самый первый. Въ то время обѣды и спичи были единственнымъ проявленіемъ общественной жизни. По мѣрѣ того, какъ росло общественное возбужденіе медоваго мѣсяца эпохи великихъ реформъ, число обѣдовъ общественнаго характера все увеличивалось, и ихъ устраивали со спеціальною цѣлью произвести своего рода демонстрацію. Но собственно, тотъ обѣдъ, на которомъ Константинъ Аксаковъ произнесъ свой первый общественно-политическій тостъ, не имѣлъ никакихъ демонстративныхъ задачъ. Это былъ обѣдъ чисто-артистическій, праздновался пятидесятилѣтній юбилей Щепкина. Вотъ какъ описываетъ его Сергѣй Тимофеевичъ:

„26 ноября (1855) данъ былъ Щепкину обѣдъ въ залѣ живописи и ваянія. Посѣтителей было до 200, и въ томъ числѣ нѣсколько лицъ почетныхъ, то-есть: Перфильевъ, Назимовъ, Трубецкіе, Казначеевъ и проч. Константинъ прочелъ мою статью, сидя за особымъ столомъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ, который плакалъ и смѣялся. Слушатели, разумѣется, разсыпались рукоплесканіями. Потомъ присланный изъ Петербурга депутатъ, актеръ Бурдинъ, прочелъ прекрасное поздравленіе Щепкину отъ Петербургскихъ артистовъ. За обѣдомъ было много спичей. Барсовъ, изъявленіемъ своей благодарности, заставилъ всѣхъ плакать. Погодинъ провозгласилъ тостъ за мое здоровье, который былъ принятъ съ такимъ единодушнымъ восторгомъ, что Константинъ съ бокаломъ вошелъ въ средину стола“ и произнесъ нѣсколько благодарственныхъ словъ.

Какъ мы видимъ, въ этой обстановкѣ нѣтъ нималѣйшихъ эле-

ментовъ общественности. Чествуютъ знаменитаго актера въ присутствіи такихъ высокоофиціальныхъ лицъ, какъ генералъ отъ полиціи Перфильевъ и попечитель Назимовъ, читаютъ чисто-артистическую характеристику Сергѣя Тимофеевича и затѣмъ дѣлаютъ овацію автору характеристики. Сынъ благодаритъ. Гдѣ тутъ почва для общественности? Но когда что-нибудь переполняетъ человѣка, это часто выражается совершенно непроизвольно, и несомнѣнно неожиданно даже для самого оратора, отвѣтъ его принялъ такую форму:

„Тостъ для меня дорогъ. Благодарю васъ отъ имени моего отца, благодарю всею душою за ваше сочувствіе. Выраженіе общественнаго мнѣнія драгоцѣнно, и отецъ мой ставитъ его выше всего. Я не могу лучше отвѣчать на вашъ тостъ, столь для меня драгоцѣнный, какъ предложивъ тостъ: *въ честь общественнаго мнѣнія!*" (Переписка III, 215).

Нужно перенестись въ психологію времени, когда всякое выраженіе общественнаго мнѣнія, даже самое благонамѣренное, даже рабское, оскорбляло власть, чтобы понять впечатлѣніе тоста. Вѣдь въ 1850 году было отклонено желаніе дворянства торжественно отпраздновать 25-лѣтній юбилей царствованія Николая, въ 1854 году газетамъ было воспрещено *восхвалять* дѣйствія Генералъ-Адмирала!

И впечатлѣніе тоста Константина Аксакова было потрясающее. Сначала всѣ оцѣпенѣли—нѣсколько секундъ„ продолжалось молчаніе", а потомъ все „разразилось крикомъ и громомъ рукоплесканій. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, чокались, обнимались, незнакомые знакомились. Ни музыкой, ни тостомъ въ честь искусства и театра, не могли унять хлопанія и крики". (Переписка, III, 215) Но, конечно, самымъ яркимъ показателемъ эффекта было то, что„ тостъ Константина былъ запрещенъ для печати, по настоянію гр. Закревскаго".

Обѣдъ въ честь Щепкина, такимъ образомъ, сталъ предтечею банкетовъ уже прямо-общественнаго характера, которые начались съ 1856 г., когда унизительный миръ настолько ослабилъ обаяніе власти, что она вынуждена была прислушиваться къ тому самому ненавистному ей „общественному мнѣнію", въ честь котораго Константинъ Аксаковъ поднялъ свой бокалъ. На всѣхъ банкетахъ такого рода Аксаковъ всегда игралъ видную роль.

Славную страницу біографіи Константина Аксакова представляетъ собою его участіе въ „Молвѣ“ 1857 года.

Съ наступленіемъ новаго царствованія опальные славянофилы, на которыхъ, какъ мы знаемъ, было воздвигнуто такое гоненіе изъ-за „Москов. Сборника“, получили возможность основать свой собственный органъ—„Русскую Бесѣду“. Однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ сталъ, конечно, Константинъ Аксаковъ. Но это было изданіе довольно тяжеловѣсное. „Рус. Бесѣда“ выходила всего 4 книгами въ годъ, и назначеніе ея было развивать основные принципы и вообще обосновывать теоретическую часть славянофильства.

А Константину Сергѣевичу, въ которомъ новое царствованіе вызвало такой приливъ писательской и общественной энергіи, хотѣлось вести энергичную партизанскую войну на два фронта: и со старымъ строемъ, и съ западниками. И вотъ была основана еженедѣльная „Молва“. Издателемъ и редакторомъ газеты былъ молодой юристъ С. М. Шпилевскій, впослѣдствіи профессоръ и директоръ Ярославскаго Лицея. Но душею дѣла былъ Константинъ Аксаковъ. Ему принадлежатъ почти всѣ передовыя статьи, а сверхъ того онъ напечаталъ въ „Молвѣ“ рядъ стихотвореній, библіографическихъ замѣтокъ и пр. Злополучная статья „Публика и Народъ“, которая вызвала такую бурю въ извѣстныхъ кругахъ, также принадлежитъ ему. Въ библіографическомъ приложеніи я привожу полный списокъ статей Аксакова изъ „Молвы“, либо подписанныхъ его именемъ, либо обозначенныхъ иниціалами, либо подписаныхъ псевдонимомъ *Имрекъ*. Но едва-ли списокъ полонъ. Видимо, Аксакову принадлежитъ не мало и мелкихъ анонимныхъ замѣтокъ.

Статьи Аксакова въ „Молвѣ“ по живости изложенія, по ясности и яркости мысли принадлежатъ къ лучшей части литературнаго наслѣдства его. Тѣмъ не менѣе ихъ мало замѣтили и въ 1857 году, и позже. Я, конечно, говорю не о нашумѣвшей статьѣ „Публика и народъ“, а объ остальныхъ статьяхъ. До такой степени мало о нихъ говорили, что когда въ 1900 году редакціи „Русскаго Архива“ пришла благая мысль перепечатать передовыя статьи ставшей великою библіографическою рѣдкостью „Молвы“, то она назвала эти статьи: „*Ученье Славянофиловъ по статьямъ газеты*

„*Молва*“ *1857 года*“ и снабдила ихъ такимъ примѣчаніемъ: „Статьи эти безъ подписи. *Можно думать*, что писалъ ихъ К. С. Аксаковъ; но въ собраніи его сочиненій нѣтъ“.

Конечно, это „*можно* думать“ есть редакціонный промахъ, потому что въ № 19 „Молвы“ есть весьма опредѣленное заявленіе, подписанное К. Аксаковымъ:

„Нѣкоторые, на основаніи литературныхъ слуховъ причисляютъ меня къ редакціи Молвы. Считаю своею обязанностью объявить, что я не принадлежу къ редакціи.—*Постоянное сотрудничество* (курсивъ А-ва) мое въ газетѣ ограничивается отдѣломъ передовыхъ статей. Передовыя статьи, не имѣющія никакой подписи принадлежатъ мнѣ“.

Итакъ *должно*, а не *можно* приписать передовицы „Молвы“ Конст. Аксакову, и предъ нами простой недосмотръ почтеннаго редактора. Но недосмотръ чрезвычайно характерный. П. П. Бартеневъ былъ очень близокъ съ славянофилами и постоянно вращался въ ихъ средѣ. Ясно, значитъ, что о дававшихъ окраску всей газетѣ передовицахъ такъ мало говорили, что въ очень хорошей памяти П. П. Бартенева не осталось даже опредѣленнаго впечатлѣнія объ авторѣ ихъ.

Но если мало обратили вниманія на „Молву“ журналы и публика, то ее весьма замѣтили въ сферахъ наблюдающихъ, и несмотря на то, что уже начались новыя вѣянія, придирки пошли послѣ первыхъ-же №№.

Срочность благодѣтельно подѣйствовала на работавшаго всегда съ прохладцей Константина Сергѣевича. Если мы присмотримся къ собранію его сочиненій, то увидимъ, что въ большинствѣ это все начала и наброски. А тутъ надо было каждую недѣлю давать нѣчто законченное, и это дисциплинировало. Благодѣтельно подѣйствовала срочность и на стиль. Въ общемъ—я еще возвращусь къ этому—Константинъ Сергѣевичъ писалъ „темно и вяло“. Но въ „Молвѣ“ обычная расплывчивость его исчезла. Онъ писалъ сжато, энергично, а роковая для газеты статья „Публика-Народъ“ написана прямо блестяще.

Предъ нами, дѣйствительно, „ученье славянофиловъ“, основные, долго обдуманные пункты и тезисы общественно-политическаго катехизиса. Первая статья (12 апрѣля) трактуетъ о краеугольномъ камнѣ славянофильской программы—

свободѣ слова. Тутъ всѣ излюбленныя мысли Константина Аксакова и мѣстами прямой конспектъ знаменитаго стихотворенія его „Свободное Слово“ и даже рядъ отдѣльныхъ выраженій этого въ гораздо бо́льшей степени публицистическаго, чѣмъ поэтическаго произведенія.

„Свободная воля, данная Богомъ—вотъ отличіе человѣка отъ бездушной природы, вотъ что образуетъ изъ него существо нравственное. Для природы нѣтъ нравственнаго вопроса, но для человѣка онъ существуетъ вслѣдствіе свободной воли, которая можетъ сдѣлать его и добрымъ и злымъ, и уронить, и возвысить. Отсюда безконечная дѣятельность духа человѣческаго, вѣчное стремленіе впередъ, вѣчное созиданіе себя. Отсюда эта смѣсь свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ человѣчествѣ и человѣкѣ. Для человѣка, какъ бы низко ни палъ онъ, всегда есть возможность подняться, лишь бы воля въ немъ не переставала дѣйствовать. Всего хуже апатія, усыпленіе, унынie, отсутствіе воли, тогда теряетъ человѣкъ свое значеніе и достоинство.

Нравственный подвигъ жизни предлежитъ не только человѣку, но и народамъ, и каждый человѣкъ, и каждый народъ совершаютъ его непремѣнно *самостоятельно*; въ противномъ случаѣ не совершаютъ вовсе. Самостоятельность каждаго не исключаетъ возможности взаимнаго согласія, но, разумѣется, согласія свободнаго, независимаго. Гдѣ же нѣтъ самостоятельности духа, тамъ рабство духа и подражательность; тамъ нѣтъ дѣятельности, а одна суетливость.

Нравственное дѣло должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней принудительной силы. Ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ вторженіе грубой силы въ нравственные вопросы. Тамъ, гдѣ грубая сила думаетъ подкрѣпить истину, она подрываетъ ее, ибо вноситъ сомнѣніе въ ея собственной, внутренней силѣ; такъ что лучше для истины имѣть грубую силу себѣ врагомъ, чѣмъ сподвижницей. Одно есть оружіе нравственной истины—это свободное убѣжденіе, это *слово*, Вотъ единственный мечъ духа Вспомнимъ прекрасные стихи поэта, обращенные къ человѣку:

И ты, когда на битвѣ съ ложью
Идешь за правду думъ твоихъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тяжесть латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула—ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ;
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ.

Слово—это знамя человѣка на землѣ. Созданное изъ звука самимъ человѣкомъ, все проникнутое сознаніемъ, оно одухотворяетъ міръ видимый, воплощаетъ міръ невидимый. Здѣсь-то, въ этой области слова,

достойно совершается, или совокупное стремленіе человѣчества, или борьба мыслй въ тѣхъ случаяхъ, когда искатели истины спорятъ и разнорѣчатъ между собою".

Самъ человѣкъ глубоко убѣжденный, Аксаковъ не только признаетъ свободу чужихъ мнѣній, но считаетъ всякій идейный „споръ и борьбу—неотъемлемой принадлежностью самостроящагося человѣчества". „Люди ищутъ истины, и ищутъ ее разно". Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ рѣшительнѣйшій врагъ всякаго сладенькаго компромисса, для него, какъ и для Бѣлинскаго, была только одна истина, и статья заканчивается боевымъ кличемъ:

„Странно было бы желать какого-то сближенія между противоположными сторонами. Когда сойдутся въ мысляхъ, совершенно свободно, тогда сблизятся; не сойдутся—не сблизятся. Но никакихъ уступокъ въ своихъ убѣжденіяхъ, ради сближенія, быть не должно. Это было бы смѣшеніе и взаимное ослабленіе, въ пользу какого-то нравственнаго комфорта и умственной лѣни. Нѣтъ, пусть каждая сторона, безъ всякой насильственной уступки и безъ всякаго насильственнаго упорства, исчерпаетъ всѣ силы свои, всю глубину своей мысли: тогда можетъ явиться полная и окончательная побѣда, тогда борьба можетъ дойти до яснаго и плодотворнаго результата.

Благословимъ же борьбу! Пусть будетъ она крѣпка, безпощадна честна и добросовѣстна".

Къ числу основоначалъ славянофильства вообще и міросозерцанія Константина Аксакова въ частности принадлежитъ отношеніе къ народу. Если лучшая часть западничества вмѣнила себѣ въ священную обязанность заботиться о благѣ народа, то при этомъ она, однако, смотрѣла на народъ сверху внизъ. Народъ представлялся западническому народолюбію tabula rasa, на которой предстоитъ начертать письмена европейскаго просвѣщенія. Но для Константина Аксакова, какъ для позднѣйшаго демократическаго народничества и Толстого, народная душа всего менѣе „бѣлая бумага, которая не знаетъ и не судитъ о томъ, что на ней пишутъ". („Молва" № 2). Уже по одному тому „народъ есть та великая сила, та живая связь людей, безъ которой и внѣ которой отдѣльный человѣкъ былъ-бы безполезнымъ эгоистомъ, а все человѣчество—безплодною отвлеченностью", что въ немъ получило чрезвычайное развитіе „великодушіе общиннаго элемента". „Начало общины есть, по преимуществу, начало славянскаго племени и въ особен-

ности русскаго народа, давшаго ему кромѣ слова „община“ (вполнѣ русскаго, но нѣсколько книжнаго) иное, жизненное наименованіе: *міръ*“

Восторженно относясь къ понятію „народъ“, Аксаковъ подъ этимъ словомъ по преимуществу подразумѣваетъ „простой народъ“, мужика, и ему онъ поетъ дифирамбы:

„Простой народъ есть основаніе всего общественнаго зданія страны. И источникъ вещественнаго благосостоянія, и источникъ внѣшняго могущества, источникъ внутренней силы и жизни, и наконецъ мысль всей страны—пребываютъ въ простомъ народѣ. Отдѣльныя личности, возникая надъ нимъ, могутъ, на поприщѣ личной дѣятельности, личнаго сознанія, служить съ разныхъ сторонъ дѣлу просвѣщенія и человѣческаго преуспѣянія; но тогда только могутъ онѣ что-нибудь сдѣлать, когда коренятся въ простомъ народѣ, когда между личностями и простымъ народомъ есть непрерывная живая связь и взаимное пониманіе.

Находясь на низшей ступени лѣстницы житейской, внѣ всякихъ почестей и наружныхъ отличій, простой народъ имѣетъ за то велікія блага человѣческія: братство, цѣльность жизни и (такъ какъ мы, говоря о простомъ народѣ, разумѣемъ русскій)—бытъ общинный.

Напрасно думаютъ, что простой народъ есть безсознательная масса людей. Если бы это было такъ, то онъ былъ бы тоже, что неразумная стихія, которую можно направить и въ ту и въ другую сторону. Нѣтъ, простой народъ имѣетъ глубокія, основныя убѣжденія—условія существованія для всей страны. Защищая эти убѣжденія, онъ, точно, въ силѣ своей равняется стихіи; но это стихія разумная, имѣющая нравственную волю; это стихія только по дружному, цѣльному своему составу и дѣйствію. Есть прекрасное выраженіе на Руси для такого проявленія народной силы: *стали всѣ, какъ одинъ человѣкъ*. Русская исторія показываетъ намъ, какъ глубока и тверда основа вѣры въ русскомъ народѣ, какъ отстаивалъ онъ святость своихъ православныхъ убѣжденій.

Напрасно также думаютъ, что простой народъ есть какой-то слѣпой поклонникъ обычая, что онъ, передъ чѣмъ бы то ни было, рабствуетъ духомъ. Правда, онъ не представляетъ легкаго подвижнаго явленія, то въ ту, то въ другую сторону направляемаго вѣтромъ; какъ все истинное и дѣйствительное, онъ крѣпокъ на ногахъ и не шатается изъ стороны въ сторону; онъ понимаетъ, что преданіе, что преемство жизни есть необходимое условіе жизни; онъ связуетъ, поддерживаетъ, а не рветъ нить жизни, идущую изъ прошедшаго въ будущее. Простой народъ есть стражъ преданія и блюститель старины; но въ то же время онъ не есть слѣпой рабъ ея. Да и было же время, когда старина была новизною. Простой народъ принимаетъ новое, но не скоро, не легкомысленно, не изъ презрѣнія къ старинѣ, не изъ благоговѣнія къ новизнѣ. То, что онъ приметъ, приметъ онъ самобытно, усвоитъ прочно и перенесетъ въ свою жизнь. Легкомысленныя личности, для которыхъ

жизнь есть непрерывный маскарадъ, или убѣжденія которыхъ, если и постоянныя, не имѣютъ корня въ странѣ самой и плаваютъ въ какой-то отвлеченной атмосферѣ,—какъ ошибаются онѣ, принимая обдуманность народа, его мѣрный и вѣрный шагъ, среди прыгающихъ и бѣгущихъ около него, отдѣльныхъ личностей, за какую-то неподвижность или, по крайней мѣрѣ, за косность. Это показываетъ только, что народа не понимаютъ. У насъ же, въ Россіи, неохота, недовѣрчивость, съ какою народъ принимаетъ новое, имѣетъ свою историческую законную причину, свое законное оправданіе.

Но, начавши говорить: „простой народъ“, мы потомъ стали говорить: „народъ“. Это не случайно и не безъ причины, ибо простой народъ, точно, есть *просто народъ*, или народъ собственно.

Слово: народъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ; или оно означаетъ всѣхъ, въ союзѣ народномъ живущихъ, безъ различія сословій, и въ такомъ случаѣ соотвѣтствуетъ болѣе слову: нація; или же оно означаетъ простой народъ, низшее сословіе, которое есть народъ собственно. Понятно и законно употребленіе этого слова и во второмъ случаѣ. Простой народъ не имѣетъ никакихъ отличій, никакого другого званія, кромѣ званія человѣка и христіанина, а потому и зовется или *человѣкомъ*, во множествѣ *людьми* (въ лѣтописи *людіе*; впослѣдствіи слово „люди“ получило свое особое значеніе), или *крестьяниномъ*, то-есть христіаниномъ, или же, наконецъ: *народомъ*, что также есть имя кровнаго, но еще болѣе духовнаго союза человѣческаго. Вотъ причина, по которой названіе народа остается преимущественно за низшимъ сословіемъ.

Итакъ, у простого народа нѣтъ никакихъ отличій или титуловъ, кромѣ званія человѣческаго или христіанскаго. О, какъ богата эта бѣдность! И, стоя на низшей ступени, какъ высоко стоитъ онъ!

Нося званіе только человѣка, только христіанина, онъ, съ этой стороны, есть идеалъ для всего человѣческаго и христіанскаго общества.

Какъ скоро верхніе классы смотрятъ на свои отличія и преимущества (хотя и не во зло употребляемыя) не какъ на причину гордости и превосходства надъ другими, но какъ на требуемыя временемъ, порожденныя несовершенствомъ міра сего, явленія, какъ скоро, забывая о нихъ, чувствуютъ въ себѣ только человѣка и христіанина,—тогда становятся и они народомъ.

У насъ значеніе простого народа имѣетъ свою особую сторону, ибо онъ только и сохраняетъ въ себѣ народныя истинныя основы Россіи; онъ только и не разорвалъ связи съ прошедшимъ, съ древнею Русью. Часто гордо смотрятъ на него люди такъ называемаго образованнаго или свѣтскаго, русскаго общества, пренебрегаютъ имъ, называютъ его *мужиками*, обративъ это слово въ брань. Красуясь надъ нимъ и высоко на него посматривая, они забываютъ, что только простой народъ составляетъ условіе и ихъ существованія. Извѣстно прекрасное (сдѣланное русскимъ писателемъ) сравненіе простого народа съ корнями дерева,

на которомъ шумятъ и величаются листья. мѣняющіеся каждый годъ, тогда какъ корни—все одни тѣ же.

Красуйтесь въ добрый часъ,

говорятъ корни листьямъ:

Но помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весною листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.

* * *

Вопросъ о народѣ для Константина Аксакова всего менѣе былъ предметомъ академическаго спора, въ особенности въ 1857 году, когда нетерпѣніе было такъ жгуче, когда такъ отчетливо казалось, что вотъ-вотъ уже наступаетъ долгожданный моментъ освобожденія. Однако, чего-нибудь дѣйствительно вполнѣ опредѣленнаго еще не было, еще не былъ даже изданъ знаменитый рескриптъ на имя Назимова, которымъ грядущее освобожденіе,—впрочемъ не освобожденіе, а „улучшеніе быта крестьянъ“ было признано неотложною задачею государственной заботы. И потому приходилось еще говорить Эзоповскимъ языкомъ и даже получать за туманнѣйшіе намеки совсѣмъ не туманные реприманды. Вотъ передовица Аксакова въ 20 № „Молвы“, которая и написана-то больше въ стилѣ притчи и поученія и гдѣ крѣпостное право даже по имени не названо. И все-же, она вызвала крайнее неудовольствіе.

„Трудъ есть долгъ человѣка, есть его нормальное состояніе на землѣ. Только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнію. Каковъ бы ни былъ трудъ: вещественное ли это обрабатываніе земли, работа ли это напряженной мысли—все равно. *Въ потѣ лица снѣсти хлѣбъ свой*—вотъ удѣлъ и долгъ человѣка.

Жизнь не есть удовольствіе, какъ думаютъ нѣкоторые: жизнь есть подвигъ, заданный каждому человѣку, жизнь есть трудъ. Худо, если человѣкъ изъ талантовъ, ему Богомъ дарованныхъ, дѣлаетъ себѣ легкое самоуслажденіе, а не смотритъ на нихъ, какъ на тяжелые долги, которые онъ обязанъ выплатить съ лихвою.

Все человѣчество трудится. Всюду кипитъ трудъ, разнообразно совершаемый народами, отдѣльными лицами. Худо тѣмъ, которые нарушаютъ законъ труда, данный человѣчеству, и праздно наслаждаются плодами чужихъ трудовъ.

Благословенъ трудъ, и да всякій совершаетъ его всею свободною совокупностью силъ своихъ! Не всѣмъ, однако, людямъ данъ удѣлъ вольнаго труда. Мы видимъ, напримѣръ, въ Америкѣ негровъ, работаю-

щихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ. Мы видимъ это, и сердце наше скорбитъ... Трудъ святъ и воленъ по существу своему. Вольный трудъ споръ и плодоносенъ; съ нимъ миръ и спокойствіе. Твердо уповаемъ, что Господь благословитъ и всѣхъ людей своихъ благословеніемъ вольнаго труда".

По неудовольствію, вызванному въ правящихъ сферахъ, къ статьѣ о вольномъ трудѣ примыкаетъ напечатанная въ слѣдующемъ 21 № статейка о русской одеждѣ. Что въ ней предосудительнаго и нецензурнаго прямо и понять нельзя.

„Одежда есть одно изъ выраженій духа человѣческаго. Самый образъ свой человѣкъ сдѣлалъ измѣнчивымъ и подчинилъ владычеству идеи. Духъ вѣка, духъ народности выражается въ одеждѣ, самомъ естественномъ, простомъ и свободномъ проявленіи смысла человѣческаго.

Одежда есть въ то же время дѣло народнаго и личнаго вкуса, дѣло эстетическаго чувства. Принужденіе не должно имѣть мѣста въ дѣлѣ одежды; странно было бы насиловать вкусъ народа или человѣка. Очень естественно, что въ одеждѣ своей человѣкъ можетъ быть воленъ, какъ въ своей прическѣ, въ походкѣ, въ манерахъ и т. п. Одежда должна только подлежать общественному мнѣнію, не имѣющему въ себѣ ничего насильственнаго.

Верхніе классы Россіи давно уже носятъ одежду иностранную. Полтораста лѣтъ тому назадъ введена она была въ Россіи; какимъ образомъ—объ этомъ говоритъ исторія.

Славянофиловъ упрекаютъ въ томъ, что они хотѣли бы воротиться къ русской одеждѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мнѣніе ихъ неясно понято. Славянофилы вовсе не желаютъ, чтобъ русская одежда была *введена*: въ такомъ случаѣ они предпочли бы лучше иностранное платье, чѣмъ русское, *насильно вводимое*. Славянофилы желаютъ лишь одного: *чтобъ всякій могъ одѣваться, какъ кто хочетъ*, и чтобъ русское платье было дозволено въ Россіи, какъ дозволено въ Россіи платье иностранное. Такимъ образомъ, была бы снята съ русской одежды полутораста-лѣтняя опала. Тогда для всякаго, кто *пожелаетъ* носить русскую одежду, *можно* будетъ надѣть ее.

Вотъ все, что желаютъ славянофилы въ вопросѣ объ одеждѣ".

Московскій цензоръ,—кстати это былъ писатель и другъ семьи Аксаковыхъ Гиляровъ-Платоновъ—ни въ этихъ двухъ статьяхъ, ни во всѣхъ остальныхъ статьяхъ „Молвы" тоже не находилъ ничего запретнаго. Но сверхъ-цензура Петербурга, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма Вяземскаго, уже съ первыхъ №№ „обращала вниманіе" на Аксаковскую газету.

Кн. П. А. Вяземскій, другъ Пушкина, нѣкогда упрекав-

шій его за офиціальный шовинизмъ эпилога „Кавказскаго Плѣнника“, былъ теперь товарищемъ министра народ. просвѣщенія. А цензура тогда была въ вѣдѣніи не мин. внутр. дѣлъ, а народ. просвѣщенія. И вотъ въ качествѣ главноначальствующаго литературнымъ вѣдомствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ добраго знакомаго, онъ пишетъ Константину Сергѣевичу „дружеское“ письмо. Письмо удивительно-характерное:

„Народная молва вамъ приписываетъ *Молву*, или по крайней мѣрѣ передовую батарейную статью ея, которая подъ заглавіемъ *Москва*, палитъ и жаритъ изо всѣхъ орудій... Нынѣ обращаютъ снова мое вниманіе на №№ 20 и 21, а именно на мѣста, въ которыхъ говорится о вольномъ трудѣ и о трудѣ невольномъ и о вольномъ и невольномъ туалетѣ.

Историческій, наслѣдственный вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи есть, безъ сомнѣнія, вопросъ, надъ которымъ призадуматься можно и который каждаго благомыслящаго человѣка долженъ озабочивать. Но вы сами согласитесь, что это вопросъ щекотливый и жгучій, и потому самимъ Правительствомъ изъятый изъ среды вопросовъ, предоставленныхъ гласному печатному сужденію и журнальной полемикѣ. Вопросъ сей взяло Правительство на свое рѣшеніе и, такъ сказать, подъ свою отвѣтственность. Слѣдовательно, не для чего, вопреки извѣстнымъ и положительнымъ распоряженіямъ его, вскользь и побочно, поднимать его отвлеченными и риторическими фразами, въ которыхъ нѣтъ никакихъ новыхъ поясненій и доводовъ и не пріискивается ключа къ открытію ларчика, который вовсе *не просто открывается* [1]). Упованіе на водвореніе *вольнаго труда* — утопія, которая можетъ сбить съ толку трудящихся. Большая часть труда, особенно того, который совершается въ потѣ лица, есть трудъ по нуждѣ, а вовсе не изъ доброй воли. Трудъ есть наказаніе свыше человѣческому роду и слѣдствіе первороднаго грѣха. Спросите у вольныхъ работниковъ Англіи и Франціи, что думаютъ они о своемъ вольномъ трудѣ, который запираетъ ихъ часовъ на двѣнадцать и болѣе въ сутки въ душныя фабрики, чтобы выработать себѣ и дѣтямъ сво-

[1]) Этотъ и дальнѣйшіе курсивы—Вяземскаго.

имъ кусокъ насущнаго хлѣба. Спросите этихъ вольныхъ работниковъ, во что обходится имъ и чѣмъ для нихъ кончаются ихъ grèves, когда вздумаютъ они возвысить заработную плату свою. Нечего смотрѣть вамъ въ Америкѣ на негровъ. И въ вольной Англіи бѣдные люди совершаютъ невольничій трудъ, потому что ручной, физическій трудъ есть почти всегда и вездѣ неволя. Вводить въ искушеніе несбыточными мечтаніями и эффектными фразами меньшую братію грѣшно и ужъ вовсе неправославно".

Далѣе, князь Вяземскій обращается къ *вольному и невольному туалету* и продолжаетъ: „Частными предписаніями высшаго начальства, такъ называемая Русская одежда не допускается равно всѣмъ сословіямъ. Сей вопросъ оффиціально или полицейски рѣшенъ. Здѣсь уже не мѣсто выводить печатно, *чего желаютъ Славянофилы въ вопросѣ объ одеждѣ*. Во-первыхъ смѣшно признавать за собою прозвище, которое на смѣхъ было пущено Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ въ *Буяновѣ*. Но это въ сторону. Дѣло въ томъ, что, во избѣжаніе соблазна и безпорядка, остается покориться распоряженію полиціи. Это — обязанность каждаго благоразумнаго человѣка. Иначе дѣлаешь оппозицію, и какую? Совершенно ребяческую, неприличную взрослымъ людямъ. Все это говоритъ вамъ не товарищъ министра, а человѣкъ, которому минуло шестьдесятъ пять дѣтъ, который почти весь свой вѣкъ, хорошо или худо провелъ съ перомъ въ рукѣ, который уважаетъ всякое ча [е?] стное убѣжденіе, хотя не всегда съ нимъ соглашается. А потому я позволяю себѣ говорить съ вами откровенно. Если вы, въ пылу убѣжденій своихъ, не хотите сберегать себя и ту частичку благоразумной свободы,—все въ мірѣ относительно,—которою нынѣ пользуется печать и журналистика: то мы, хладнокровные и присяжные зрители и цѣнители того, что печатается, должны изъ любви къ литературѣ, изъ сочувствія и уваженія къ званію писателей, оберегать васъ отъ васъ самихъ и отъ недоброжелателей вашихъ въ особенности и литературы вообще. Сдѣлайте одолженіе во имя Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, заколотите нѣсколько нескромныхъ пушекъ на вашей батареѣ. Берите примѣръ съ главныхъ нашихъ учителей. Поле для подвиговъ вашихъ остается еще

обширное и многоплодное. Воздержитесь, ради Бога, отъ пальбы въ заповѣдныя мѣста. Спросите батюшку вашего: онъ страстный охотникъ, но и онъ вамъ скажетъ, что охота имѣетъ свои законы, свои ограниченія. Въ чужихъ дачахъ охотиться не дозволяется, а тѣмъ паче въ казенныхъ. Аминь. Надѣюсь, что все сказанное мною примете, какъ оно было сказано, то-есть, съ любовью и добродушіемъ" (*Барсуковъ*, Жизнь Погодина, т. XV, стр. 280—82).

Тутъ прежде всего великолѣпна логика: такъ какъ вопросъ „жгучій", значитъ очень важный—то его надо изъять изъ „среды вопросовъ, предоставленныхъ гласному печатному обсужденію". Но еще лучше, что за 4 года до освобожденія крестьянъ мысль о вольномъ трудѣ признается утопіей. И наконецъ ни съ чѣмъ несравнимо, видимо, вполнѣ искреннее убѣжденіе кн. Петра Андреевича, что говорить людямъ о вольномъ трудѣ—„неправославно". Вотъ уже поистинѣ никакой врагъ не скажетъ того, что въ простотѣ сердечной скажетъ подчасъ другъ.

Константинъ Аксаковъ понималъ, однако, православіе нѣсколько иначе и на дружеское ворчаніе представителя петербургскаго православія не обратилъ достодолжнаго вниманія. Возмездіе не замедлило послѣдовать. Чаша петербургскаго долготерпѣнія—московскій цензоръ по прежнему все пропускалъ—переполнилась, когда въ N 36 появилась блистательная статейка:

Опытъ синонимовъ.

Публика—народъ.

Было время, когда у насъ не было публики... Возможно ли это? скажутъ мнѣ. Очень возможно и совершенно вѣрно: у насъ не было *публики*, а былъ *народъ*. Это было еще до построенія Петербурга. Публика—явленіе чисто западное, и была заведена у насъ вмѣстѣ съ разными нововведеніями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась отъ русской жизни, языка и одежды и составила публику, которая и всплыла надъ поверхностью. Она-то, публика, и составляетъ нашу постоянную связь съ Западомъ; выписываетъ оттуда всякіе, и матеріальные и духовные, наряды, преклоняется предъ нимъ, какъ передъ учителемъ, занимаетъ у него мысли и чувства, платя за это огромною цѣною: временемъ, связью съ народомъ и самою истиною мысли. Пуб-

лика является надъ народомъ, какъ будто его привилегированное выраженіе, въ самомъ же дѣлѣ публика есть искаженіе идеи народа.

Разница между публикою и народомъ у насъ очевидна (мы говоримъ вообще, исключенія сюда нейдутъ).

Публика подражаетъ и не имѣетъ самостоятельности: все, что она принимаетъ чужое, принимаетъ она наружно, становясь всякій разъ сама чужою. Народъ не подражаетъ и совершенно самостоятеленъ; а если что приметъ чужое, то сдѣлаетъ это своимъ, *усвоитъ*. У публики свое обращается въ чужое. У народа чужое обращается въ свое. Часто, когда публика ѣдетъ на балъ, народъ идетъ ко всенощной; когда публика танцуетъ, народъ молится. Средоточіе публики въ Москвѣ—Кузнецкій Мостъ. Средоточіе народа—Кремль.

Публика выписываетъ изъ-за моря мысли и чувства, мазурки и польки: народъ черпаетъ жизнь изъ родного источника. Публика говоритъ по-французски, народъ—по-русски. Публика ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, народъ—въ русскомъ. У публики—парижскія моды. У народа—свои русскіе обычаи. Публика (большею частью, по крайней мѣрѣ) ѣстъ скоромное: народъ ѣстъ постное. Публика спитъ, народъ давно уже всталъ и работаетъ. Публика работаетъ (большею частью ногами по паркету): народъ спитъ или уже встаетъ опять работать. Публика презираетъ народъ: народъ прощаетъ публикѣ. Публикѣ всего полтораста лѣтъ, а народу годовъ не сочтешь. Публика преходяща: народъ вѣченъ. И въ публикѣ есть золото и грязь, и въ народѣ есть золото и грязь: но въ публикѣ грязь въ золотѣ; въ народѣ—золото въ грязи. У публики—свѣтъ (monde, балы и пр.): у народа—міръ (сходка). Публика и народъ имѣютъ эпитеты: публика у насъ—почтеннѣйшая, народъ—православный.

„Публика, впередъ! Народъ, назадъ"! такъ воскликнулъ многозначительно одинъ хожалый.

Я уже нѣсколько разъ называлъ эту статейку блистательной. Я готовъ теперь пойти еще дальше и съ точки зрѣнія литературной формы назвать „Опытъ синонимовъ" однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій русской публицистики. Можно соглашаться съ высказанными въ нихъ мыслями или не соглашаться, но нельзя не восхищаться художественной энергіей, съ которою эти мысли выражены. Какая сила слова, какая яркость афоризмовъ, которыя такъ и просятся въ пословицы. Какъ хороши антитезы, какая искрящаяся игра сопоставленій. „*Въ публикѣ грязь въ золотѣ, въ народѣ—золото въ грязи*"—эффектнѣе не могъ-бы выразиться и самый первоклассный мастеръ слога. Въ общемъ, предъ нами настоящій фейерверкъ крылатыхъ выраженій, какой-то густой, густой

литературный настой, гдѣ каждая строка многозначительна и даетъ не просто мысль, а формулу.

И вотъ именно въ томъ, что передъ нами какъ-бы собраніе формулъ и заключается объясненіе этого столь необычнаго для Константина Аксакова блеска стиля. Совершенно очевидно, что въ своей статьѣ онъ только перенесъ на бумагу слова, фразы, выраженія, формулы, давнымъ давно продуманныя и выработанныя. Совершенно очевидно, что все это неоднократно говорилось и совмѣстно выковывалось въ афоризмы и на дружескихъ собраніяхъ славянофильскаго кружка, и въ преніяхъ съ западниками. На яркое доказательство правильности моего утвержденія я наткнулся въ письмѣ Константина Аксакова, написанномъ имъ Гоголю еще въ 1848 г. по поводу „Переписки съ друзьями". Тутъ уже цѣликомъ не только выражена центральная идея статьи „Опыта Синонимовъ", но даже въ той-же самой оболочкѣ. „Вотъ великая вина, *поклоненіе передъ публикою и презрѣніе къ народу* (курсивы Аксакова). Знаете вы знаменитое восклицаніе полицеймейстера: *публика впередъ, народъ назадъ?* Это можетъ стать эпиграфомъ къ исторіи Петра" (Рус. Арх". 1890, № 1, стр. 154).

Для безопасности полицеймейстеръ превращенъ въ „Молвѣ" въ „хожалаго".

„Какъ и слѣдовало (!) ожидать", говоритъ Барсуковъ, разсказывающій исторію „Молвы" по матеріаламъ Погодинскаго архива, статья произвела въ Петербургѣ очень непріятное впечатлѣніе. „23 декабря 1857 года, министръ Народнаго Просвѣщенія писалъ помощнику попечителя Московскаго Учебнаго Округа графу А. С. Уварову, между прочимъ, слѣдующее: „Въ Молвѣ напечатана весьма неумѣстная, и по духу и по выраженіямъ, статья подъ заглавіемъ: „Опытъ Синонимовъ. Публика—Народъ". Подобныя опредѣленія могутъ только служить къ возбужденію враждебныхъ отношеній между различными сословіями общества. Выставлять низшихъ членовъ общества образцами всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, а высшихъ примѣрами всѣхъ возможныхъ недостатковъ и нравственныхъ слабостей—вредно и пагубно по послѣдствіямъ,

которыя подобные лжеумственные парадоксы могутъ повлечь за собою. Особенно же въ нынѣшнее время"...

Цензоромъ Молвы былъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, А. С. Норовъ на этомъ оффиціальномъ письмѣ собственноручно приписалъ: „Прибавляю къ сему, что единственно по уваженію къ лицу, чрезъ ходатайство коего г. Гиляровъ назначенъ цензоромъ, я ограничиваюсь нынѣ (выговоромъ).

Вмѣстѣ съ симъ прошу, ваше сіятельство, поручить цензурированіе Молвы цензору Безсомыкину и увѣдомить меня съ первой почтою, кто авторъ упомянутой статьи".

„Не довольствуясь этимъ, А. С. Норовъ сдѣлалъ объ этой статьѣ К. С. Аксакова, 24 декабря 1857 года, особый всеподдальнѣйшій докладъ, въ которомъ, кромѣ того писалъ, что многія статьи, помѣщаемыя въ *Молвѣ*, отличаются направленіемъ, которое не согласуется вполнѣ, ни съ правилами цензуры, ни съ тѣми благонамѣренными началами, которыя должны служить основаніемъ каждому литературному произведенію".

„Государь на этомъ докладѣ собственноручно начерталъ карандашемъ слѣдующее: Статья эта мнѣ извѣстна. Нахожу, что она написана въ весьма дурномъ смыслѣ. Объявить Редакціи Молвы, что если и впредь будутъ замѣчены подобныя статьи, то газета сія будетъ запрещена, а редакторъ и цензоръ подвергнутся строгому взысканію".

Очевидно, благодаря именно этой помѣткѣ, и у современниковъ и позднѣе создалось убѣжденіе, что изданіе „Молвы" было прекращено правительствомъ. Такъ Аполлонъ Григорьевъ писалъ Погодину: „Константинъ Аксаковъ погубилъ *Молву*". А въ разныхъ историческихъ справкахъ (ср. напр. „Энциклопед. Словарь" Брокгаузъ-Ефрона, т. XIX, стр. 617) сообщается какъ твердо-установленный фактъ, что „Молва" закрыта по Высочайшему повелѣнію.

На самомъ дѣлѣ „Молва", выпустивши послѣ появленія статьи Аксакова еще два №№—37 и 38, умерла естественною смертью, въ такъ называемой борьбѣ съ равнодушіемъ публики. Подписка на 1858 годъ была объявлена, но, очевидно, мало кто прельстился. Кого могла заинтересовать „Молва"? Время уже начинало нестись на всѣхъ парахъ и удивить его разговорами о вольномъ трудѣ и нападками на большой

свѣтъ было трудно. Одному изъ усмирителей венгерскаго „возстанія“, графу П. Х. Граббе, статья Константина Аксакова могла конечно показаться „зажженнымъ пальникомъ, брошеннымъ въ пороховой погребъ“. Другой читатель, того-же приблизительно разряда, В. А. Мухановъ записалъ въ свой дневникъ: „Въ Москвѣ въ журналѣ Молва, явилась статья Публика и Народъ. Статья произвела раздраженіе. Всѣ напали на министра Просвѣщенія. Рѣшительно есть люди, которымъ все мало, пока нѣтъ безпорядковъ“.

Но такіе эпигоны Николаевщины становились уже единицами.

Въ дневникѣ того-же Муханова находимъ нелишенный злораднаго остроумія анекдотъ:

„У Аксакова, автора статьи Публика и Народъ, украли въ церкви часы, и вмѣсто нихъ положили въ карманъ записку, въ которой написано: „пока Публика молилась, Народъ укралъ у васъ часы“ (Барсуковъ, т. XV, стр. 285).

Конечно, это явно выдумано какимъ-нибудь московскимъ bonmot'истомъ изъ раздраженной „публики“.

VII.

Послѣдніе годы жизни Константина Сергѣевича. Красота его духовной личности.

По сравненію съ тѣмъ лѣнивымъ прозябаніемъ, за которое его всегда такъ пробиралъ братъ Иванъ, годы 1855—1858, могутъ быть прямо названы періодомъ кипучей дѣятельности Константина Аксакова. Онъ и общественнымъ дѣятелемъ былъ, и боевымъ журналистомъ, и дѣятельно работалъ въ излюбленной области филологіи, и даже собирался, хотя и неудачно, быть профессоромъ (см. объ этомъ дальше, въ главѣ о филологическ. трудахъ К. С.).

Но вся эта вспышка энергіи быстро закончилась по мѣрѣ того, какъ явственно обозначилась близкая кончина давно хворавшаго Сергѣя Тимофеевича. Послѣдовавшая 30 апрѣля 1859 г. смерть отца въ буквальномъ смыслѣ слова нанесла смертельный ударъ и богатырю-сыну.

Безконечно любившій отца сынъ не вынесъ потери главной личной привязанности своей и чрезъ $1^1/_2$ года—7 Декабря 1860 г. умеръ отъ легочной чахотки на островѣ Занте. Подробности этого глубоко-трогательнаго и рѣдкаго проявленія сыновней любви будутъ приведены дальше.

А раньше чѣмъ перейти къ этому финалу, приведу рядъ свидѣтельствъ современниковъ о личности Константина Сергѣевича. При отсутствіи обстоятельной біографіи К. Аксакова, эти свидѣтельства намѣчаютъ основныя черты духовной физіономіи благороднѣйшаго изъ представителей московскаго славянофильства.

Начнемъ съ характеристики, драгоцѣнной тѣмъ, что ее давалъ *врагъ*, человѣкъ всю жизнь свою боровшійся съ идеями, наиболѣе дорогими К. Аксакову. Вотъ что писалъ Герценъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Константина Сергѣевича:

„Константинъ Аксаковъ не смѣялся, какъ Хомяковъ, и не сосредоточивался въ безвыходномъ сѣтованіи, какъ Кирѣевскіе. Мужающій юноша, онъ рвался къ дѣлу. Въ его убѣжденіяхъ не неувѣренное нытанье почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынѣ, не темное придыханіе, не дальнія надежды,—а фанатическая вѣра, нетерпимая, втѣсняющая, односторонняя, та, которая предваряетъ торжество. Аксаковъ былъ одностороненъ, какъ всякій воинъ,—съ спокойно взвѣшивающимъ эклектизмомъ нельзя сражаться. Онъ былъ окруженъ враждебной средой, средой сильной и имѣвшей надъ нимъ большія выгоды, ему надобно было пробиваться рядомъ всевозможныхъ непріятелей и водрузить свое знамя. Какая тутъ терпимость!

Вся жизнь его была безусловнымъ протестомъ противъ петровской Руси, противъ петербургскаго періода во имя непризнанной, подавленной жизни русскаго народа. Его діалектика уступала діалектикѣ Хомякова, онъ не былъ поэтъ-мыслитель какъ И. Кирѣевскій, но онъ за свою вѣру пошелъ бы на площадь, пошелъ бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, онѣ становятся страшно убѣдительны. Онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ, и послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ русскую рубашку съ кривымъ воротомъ. „Москва, столица русскаго народа, говорилъ онъ, а Петербургъ только резиденція“.—„И замѣтьте, отвѣчалъ я ему, какъ далеко идетъ это различіе, въ Москвѣ васъ непремѣнно посадятъ на *съѣзжую*, а въ Петербургѣ сведутъ на *гауптвахту*“,

Аксаковъ остался до конца жизни вѣчно восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей, онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни „славяне“, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. „Мнѣ было слишкомъ больно“, сказалъ онъ „проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься“. Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. Уменя были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры“.

Приблизительно также относились къ Константину Аксакову и другіе западники. Уже не буду говорить о Бѣлинскомъ. И въ періодъ нѣжной дружбы, о которой была выше

рѣчь, и позднѣе Бѣлинскій одинаково восторженно цѣнилъ въ Аксаковѣ основное благородное зерно всѣхъ движеній его души. Замѣтимъ, что Бѣлинскій никогда собственно не относился слѣпо къ своему другу. Недостатки его онъ сознавалъ весьма опредѣленно, и съ большою психологическою проницательностью выдѣлилъ въ немъ элементъ какой-то нравственной неподвижности и отсутствія той тревоги, которая придаетъ такое неотразимое обаяніе лихорадочному метанію Бѣлинскаго. Но все это, конечно, не могло ослабить общаго впечатлѣнія.

Вотъ нѣкоторые изъ отзывовъ Бѣлинскаго:

„К. Аксакова я чѣмъ болѣе узнаю, тѣмъ болѣе люблю,—пишетъ Бѣлинскій въ ноябрѣ 1837:—это одинъ изъ малолюдной семьи сыновъ божіихъ. Онъ еще дитя... а главное дѣло, еще не искушенъ внѣшнею жизнію, внѣшнею борьбою, которыя потому необходимы человѣку, что, какъ толчки, пробуждаютъ въ немъ жизнь и борьбу внутреннюю“.

Въ письмѣ къ Станкевичу, въ сентябрѣ 1839 г., Бѣлинскій говорилъ объ Аксаковѣ: „Ты его знаешь; онъ, коли хочешь, много перемѣнился, но впрочемъ все тотъ же. Въ немъ есть и сила, и глубокость, и энергія; онъ человѣкъ даровитый, теплый, въ высшей степени благородный, но, благодаря своему китайскому элементу, лишающему его движенія впередъ путемъ отрицаній, онъ все еще обрѣтается въ мірѣ призраковъ и фантазій, и даже не понюхалъ до сихъ поръ дѣйствительности“. (*Пыпинъ*, Бѣлинскій, 2-ое изд. стр. 138).

„К. Аксаковъ со мной какъ нельзя лучше. Его участіе ко мнѣ иногда трогаетъ меня до слезъ. Невозможно быть расположеннѣе и деликатнѣе, какъ онъ со мною. Славный, чудный человѣкъ. Но молодъ такъ, что даже Катковъ годится ему въ дѣдушки. Въ немъ есть все—и сила, и энергія, и глубокость духа, но въ немъ есть одинъ недостатокъ, который меня глубоко огорчаетъ. Это—не прекраснодушіе, которое пройдетъ съ лѣтами, но какой-то китайскій элементъ, который примѣшался къ прекраснымъ элементамъ его духа. Коли онъ во что засядетъ, такъ во-первыхъ, засядетъ по уши, а во-вторыхъ—во сто лѣтъ не вытащите вы его и за уши изъ того ощущеньица или того понятьица, которое отъ

праздности забредетъ въ его, впрочемъ, необыкновенно умную голову". (Ibid стр. 238—239).

„Да, славное дитя Константинъ, жаль только, что движенія въ немъ маловато" (стр. 238).

И еще семь лѣтъ спустя, въ 1846 году, когда между старыми друзьями легъ долгій періодъ самой ожесточенной полемики, Бѣлинскій писалъ:

„Я хорошо знаю лично К. Аксакова: это человѣкъ, въ которомъ благородство—инстинктъ натуры" (*Барсуковъ*, т. IX, стр. 36).

А вотъ своеобразная похвала Василія Боткина:

„Словенизмъ не произвелъ еще ни одного дѣльнаго человѣка: это или цыганъ, какъ Хомяковъ, или *благородный сонамбулъ Аксаковъ* или монахъ Кирѣевскій—это лучшіе".

Чрезвычайно симпатичными красками обрисовывалъ въ 1861 году личность только что умершаго К. Аксакова одинъ изъ собственниковъ „Современника"—Панаевъ. И если вспомнить, что „Современникъ" тогда находился въ ожесточенной перепалкѣ съ славянофилами, то мы тутъ опять имѣемъ доказательство необыкновеннаго нравственнаго обаянія К. Аксакова, про котораго недаромъ Герценъ, въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній, говорилъ, что онъ „одинъ изъ тѣхъ противниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ".

И такъ какъ это отношеніе къ К. Аксакову можно назвать всеобщимъ, то я и считаю возможнымъ въ заключеніе біографической части настоящей статьи съ полнымъ довѣріемъ привести отрывки изъ воспоминаній горячаго поклонника аксаковскихъ идей — Н. Бицына (псевдонимъ Н. М. Павлова) въ „Рус. Архивѣ" 1885 г., № 3. Воспоминанія Бицына представляютъ собою въ литературѣ о К. Аксаковѣ наиболѣе цѣльное собраніе отдѣльныхъ свѣдѣній о его характерѣ и нравственной личности.

„Какое множество, быть можетъ, умныхъ людей", начинаетъ Бицынъ свои воспоминанія, „съ высоты своего практическаго разумѣнія считали Константина Сергѣевича ребенкомъ и даже дитей. Какъ они должны были забавляться его простодушною вѣрою въ людей и совершеннымъ невѣдѣніемъ тѣхъ, такъ называемыхъ практическихъ истинъ, что извѣстны даже весьма дюжиннымъ умникамъ наизустъ. Но какъ вся эта масса свѣтскихъ мудрецовъ пасовала предъ нимъ, передъ этимъ „младенцемъ на злое", именно ради его неумолимаго и неподкупнаго нрав

ственнаго чувства. Никакой сдѣлки съ совѣстью, никакого компромисса или способа уживчивости, никакого modus vivendi кривды съ правдой онъ не допускалъ. „Я ему руки не подаю“, сказалъ мнѣ одинъ разъ Константинъ Сергѣевичъ про человѣка, весьма извѣстнаго тогда въ московскомъ свѣтѣ. Признаться, меня это удивило, именно потому, что личность, о которой шла рѣчь, пользовалась всеобщимъ внѣшнимъ почетомъ; трудно было бы и избѣжать встрѣчъ въ обществѣ именно съ этимъ, бывшимъ тогда въ славѣ, общественнымъ дѣятелемъ. — „Я не знаю ничего безнравственнѣе свѣтской нравственности“, продолжалъ какъ бы въ поясненіе своей мысли Константинъ Сергѣевичъ. „Случалось ли вамъ слышать такое общепринятое про человѣка выраженіе (именно только въ свѣтѣ оно могло родиться!): это — разбойникъ, это — безнравственный человѣкъ, mais c'est un homme tout à fait comme il faut, руку ему можно подать?“.

„Я у нея не бываю и съ ней не говорю“, точно также сказалъ мнѣ разъ Константинъ Сергѣевичъ про одну извѣстную даму, и это меня удивило тѣмъ болѣе, что съ ея мужемъ Константинъ Сергѣевичъ былъ въ постоянныхъ живыхъ отношеніяхъ.

К. Аксаковъ не позволялъ себѣ самыхъ пустыхъ отступленій отъ истины въ угоду условнымъ свѣтскимъ приличіямъ:

„Одинъ разъ“, разсказываетъ Бицынъ, „пришлось мнѣ просить Константина Сергѣевича удѣлить нѣсколько часовъ времени для выслушанія одной рукописи, а къ ней онъ относился и самъ съ живымъ участіемъ. Онъ назначилъ мнѣ быть на другой-же день. Чтеніе началось съ ранняго утра и продолжалось часу до четвертаго. Предъ самымъ началомъ, Константинъ Сергѣевичъ оговорилъ въ домѣ, что онъ будетъ занятъ и желающихъ видѣть собственно его не приметъ никого. Скоро раздался звонокъ, человѣкъ вошелъ въ комнату и назвалъ фамилію пріѣхавшаго. „Сказать, что я занятъ и принять не могу“, отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдовалъ другой звонокъ, потомъ третій. Человѣкъ по прежнему входилъ съ докладомъ. „Занятъ и принять не могу“, попрежнему отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Не помню послѣ котораго звонка и доклада, я, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ: „почему бы не сказать въ такихъ случаяхъ общепринятаго *дома нѣтъ*?“ „Очень жаль, что это общепринято“, съ живостью возразилъ Константинъ Сергѣевичъ, „но ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ лгать не вижу надобности. Неужели не проще сказать: *не могу принять*, чѣмъ *нѣтъ дома*? Тѣмъ болѣе, что, если бы кому-нибудь встрѣтилась теперь дѣйствительная надобность меня видѣть, мнѣ было-бы даже совѣстно лишить его этой возможности, да еще и солгавъ предъ нимъ. Но вотъ, вы сами видите, насъ никто и не безпокоитъ. Мнѣ кажется даже, что, привыкнувъ къ моему обычаю, то-есть къ тому, что я не отказываю фразой *дома нѣтъ*, сами посѣтители тяготятся теперь настаивать на непремѣнномъ свиданіи, а это бы-

ваетъ при лжавомъ отвѣтѣ *нѣтъ дома*". Было и еще нѣсколько звонковъ. Послѣ одного изъ нихъ человѣкъ доложилъ фамилію одного изъ профессоровъ московскаго университета, оговоривъ, что просятъ непремѣнно принять хоть минуты на двѣ. Константинъ Сергѣевичъ, извиняясь за перерывъ чтенія, вышелъ къ тому посѣтителю, и даже менѣе чѣмъ чрезъ двѣ минуты возвратился назадъ. „Вотъ видите-ли", сказалъ онъ сіяющій, „мы и опять свободны продолжать чтеніе; такой маленькій перерывъ почти и не помѣшалъ намъ. А я радъ, что не отказалъ въ пріемѣ: профессоръ хлопочетъ объ одномъ бѣдномъ студентѣ, дѣло идетъ объ его опредѣленіи, а оно и вовсе не состоялось-бы, если-бы я не далъ себя видѣть, теперь-же дѣло кончено, и молодой человѣкъ устроенъ. И повѣрьте мнѣ, люди чутки къ правдѣ болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Откажи я ему подъ предлогомъ, что меня дома нѣтъ и потомъ выйди къ нему по усиленной просьбѣ, онъ продержалъ-бы меня гораздо долѣе, чѣмъ теперь, когда ему сразу сказали, что я дома, но занятъ".

Столь же велико было прямодушіе К. Аксакова и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно шло прямо въ разрѣзъ съ его личными выгодами. Какъ иллюстрацію Бицынъ приводитъ уже извѣстный намъ эпизодъ на магистерскомъ диспутѣ (см. выше стр. 53).

Въ тѣсномъ соотношеніи съ этою душевною чистотою находилось и тѣлесное цѣломудріе К. Аксакова, о которомъ Бицынъ, въ связи съ приведенною уже выше цитатою изъ переписки Гоголя, сообщаетъ любопытныя подробности:

„Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ, теперь уже напечатанномъ въ полномъ изданіи его сочиненій, допустилъ такое выраженіе о Константинѣ Сергѣевичѣ: „Этотъ человѣкъ боленъ избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ, тѣ и другія въ немъ накоплялись, не имѣя проходовъ извергаться. И въ физическомъ и нравственномъ отношеніи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человѣкъ, достигнувъ тридцати лѣтъ, не женился, то дѣлается боленъ, такъ и въ нравственномъ для него даже было-бы лучше, если-бъ онъ въ молодости своей. . . .[1]). Но воздержаніе во всѣхъ разсѣяніяхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ былъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ". Гоголь умеръ за долго до возмужанія и кончины Константина Сергѣевича. Нѣтъ ли здѣсь, въ приведенныхъ словахъ, немножко того, что зовутъ съ больной головы на здоровую? При усердіи не по разуму и при веригахъ не по силамъ, дѣйствительно, происходятъ болѣзнен-

[1]) Приблизительно также относился къ дѣвственности К. С. близкій къ славянофильскимъ кружкамъ Николай Бергъ. Онъ писалъ въ 50-хъ гг. Погодину: „Константинъ Аксаковъ имѣетъ, вслѣдствіе своей дѣвственности постоянный зудъ во всѣхъ органахъ, и это мѣшаетъ ему дѣлать самое простѣйшее дѣло, какъ надо" (Барсуковъ, т. XV, стр. 127). *С. В.*

ные пароксизмы духа и тѣла. Это тѣ нервноболѣзненные припадки, въ которыхъ менѣе всего обличается духъ собственно такъ называемый. Эти пароксизмы составляютъ лишь законное возмездіе и своего рода казнь именно за извращеніе свободнаго духа: ибо, во всѣхъ явленіяхъ такого рода, собственно говоря, плоть прикидывается духомъ. Самъ Гоголь, какъ извѣстно, на послѣдокъ, дѣйствительно, „воздерживался отъ всѣхъ разсѣяній жизни и плоти, и отъ этого всѣ у него силы устремились“. . . . только не къ духу, къ сожалѣнію, а именно къ фанатизму. Свобода духа и финатизмъ двѣ вещи несовмѣстныя. Какъ нельзя сознательнѣе и свободнѣе относился Константинъ Сергѣевичъ даже къ своему дѣвственному состоянію, о чемъ говорится въ этомъ печатномъ письмѣ Гоголя. Были другіе коментаторы этого состоянія Константина Сергѣевича: они прямо считали его какимъ-то платоническимъ идеалистомъ: сама ужъ природа у него такая, это его физіологическая черта, не больше. На этотъ счетъ и тѣ, и другіе неправы. Это не было фанатизмомъ съ его стороны ни въ основѣ, ни въ послѣдствіяхъ, какъ могли бы заключить иные изъ письма Гоголя: это не было и отсутствіемъ подвига, какъ легкомысленно объясняли другіе. Я посмѣлъ ему прямо это высказать какъ-то разъ во время нашей бесѣды. „Говорятъ“ сказалъ я, „что въ самомъ организмѣ человѣка заключаются иногда условія для дѣвственнаго состоянія его; иной человѣкъ таковъ ужъ отъ природы, въ томъ нѣтъ и заслуги съ его стороны. Что вы скажете объ этомъ относительно васъ самихъ?“—„Зачѣмъ такъ думать?“—возразилъ онъ съ живостью.—„Даромъ человѣку ничто не дается, достиженіе чего составляетъ нравственный подвигъ. Это подвигъ воли, и очень тяжелый“.—И столько же скромно, сколько гордо, онъ прибавилъ: „Я скажу по крайней мѣрѣ, о себѣ; нѣтъ, мнѣ это не даромъ далось“. Послѣднее было имъ выговорено съ большимъ усиліемъ“.

При такомъ удивительномъ преобладаніи въ Константинѣ Аксаковѣ духовной натуры надъ физической, намъ станетъ понятной поразительная смерть этого человѣка, не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ умершаго отъ тоски. Смерть поистинѣ поразительная, если припомнить, что Конст. Аксаковъ былъ атлетъ въ полномъ смыслѣ слова. „Злѣйшая чахотка и сухотка, безъ всякихъ физическихъ поводовъ къ тому, единственно отъ нравственнаго недуга!“ восклицаетъ Бицынъ. „И это въ Константинѣ Сергѣевичѣ, чья крѣпость вошла въ пословицу и котораго самъ Оверъ (московская знаменитость 50-хъ годовъ) за его желѣзное здоровье звалъ печенѣгомъ“. Умиравшій Сергѣй Тимофеевичъ предчувствовалъ, что столь дорогой его сердцу первенецъ скоро послѣдуетъ за нимъ въ могилу. „Бѣдный Константинъ!“ говорилъ онъ. „Боюсь за него: онъ не перенесетъ“. На воз-

можныя успокоенія со стороны собесѣдника, онъ возражалъ однимъ и тѣмъ же: „Нѣтъ! все это было бы возможно при другомъ воспитаніи Константина; а онъ воспитанъ не такъ".

Предчувствія старика оправдались. 30-го Апрѣля 1859 г. умеръ Сергѣй Тимофеевичъ, а уже въ серединѣ мая Бицынъ, зашедши въ редакцію „Русской Бесѣды",

„услыхалъ мало утѣшительнаго. Константинъ Сергѣевичъ былъ безнадеженъ: не только свои, и чужіе боялись за него. Его укоряли, что онъ не бережетъ себя, еще прямо и въ томъ, что онъ какъ бы намѣренно убиваетъ себя. Къ этому прибавляли, что онъ страшно измѣнился. Хорошо предупрежденный на этотъ счетъ, я готовился быть особенно осторожнымъ при встрѣчѣ съ нимъ. Перебѣжавъ только улицу, ужъ я былъ на Кисловкѣ, а сдѣлавъ еще шаговъ тридцать къ знакомому дому, ужъ видѣлъ палисадникъ за перилами, большія ворота, и изъ воротъ, въ противуположную отъ меня сторону, медленными шагами удалявшуюся фигуру. Я нагналъ вслѣдъ; медленно отходившій отъ меня обернулся. Можно ли было узнать прежняго, бодраго душевно и тѣлесно Константина Сергѣевича! Мало сказать: онъ страшно измѣнился въ лицѣ! нѣтъ, а отъ общей исхудалости было еще что-то удлиненное и утоненное во всей фигурѣ. Пепельность бороды и усовъ, вдругъ взявшаяся просѣдь, вмѣсто прежняго ихъ цвѣта; съ ногъ до головы чрезвычайная угрюмость во всемъ видѣ; неподвижный, какой-то внутрь самого себя обращенный, самоуглубленный взоръ и тихость, жуткая тихость,—поразили меня.

— Я иду въ церковь,—сказалъ онъ, — какъ служба отойдетъ — вернусь. Вы меня застанете дома, я жду васъ.

— Но, Константинъ Сергѣевичъ, поберегите себя,—вырвалось у меня совершенно невольно.

Тутъ же, стоя на улицѣ, онъ отвѣчалъ очень серьезно, но тихимъ и задумчивымъ голосомъ, а не какъ бывало: „Да, меня упрекаютъ. На меня даже взводятъ обвиненіе, что я не удерживаюсь отъ горя, даю ему волю и намѣренно разстраиваю себя. Не вѣрьте этому. А я просто не могу".

„Кто разсчитывалъ на время", говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бицынъ, „надѣясь еще, что само время излѣчитъ—тотъ ошибся вдвойнѣ. „Время тутъ ничему не поможетъ, повѣрьте" говорилъ онъ мнѣ еще тогда въ Москвѣ, и онъ былъ правъ. Въ горести, давившей все его существо, не было ничего эффектированнаго съ самаго начала: ничего такого, что было бы связано, какъ самъ онъ говорилъ, съ нервнымъ разстройствомъ; а лишь въ такихъ случаяхъ и помогаетъ время. Это была, напротивъ того, скорбь усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, потому что каждый новый день приносилъ и большее разувѣреніе въ возможности будущаго и настоящаго безъ прошлаго".

Ярче всего настроеніе Константина Сергѣевича сказалось въ одномъ изъ писемъ къ Бицыну, удивительно симпатично

обрисовывающемъ этого высоко-идеальнаго человѣка, сотканнаго изъ однихъ чистыхъ помысловъ и возвышенныхъ порывовъ:

„Вы приглашаете меня къ вамъ въ деревню, братъ показалъ мнѣ письмо ваше. Приглашеніе ваше такъ искренно, въ немъ сказалось такое дружеское движеніе, что мнѣ захотѣлось непремѣнно написать вамъ, и вотъ я пишу. Я всегда очень много цѣнилъ въ жизни привѣтъ и всегда съ такою радостью на него отзывался: но привѣтъ вовсе не такъ часто встрѣчается въ жизни, какъ, можетъ быть, думаютъ. Въ вашихъ словахъ мнѣ послышался именно этотъ привѣтъ, который такъ рѣдокъ. Еслибъ это приглашеніе ваше сдѣлано было бы при батюшкѣ . . . . тогда я не проѣздомъ къ Хомякову, а нарочно бы къ вамъ поѣхалъ. Но теперь, любезнѣйшій . . . . все кончилось. Ни удовольствіе, ни радость жизни для меня существовать не могутъ. Однимъ словомъ, жизнь кончилась—жизнь какъ моя. Я здѣсь еще, подъ условіями этой жизни: но это не *моя* жизнь. Все доброе, все хорошее въ другихъ—я чувствую: отзываюсь на это, какъ и на ваше приглашеніе, и только. Еслибъ вы предлагали какое-нибудь удовольствіе, мнѣ было бъ пріятно видѣть ваше желаніе, а отъ самаго удовольствія я бы отказался, потому что его нѣтъ для меня. Такъ теперь и вы все сдѣлали, пригласивъ меня, и дали мнѣ все, что я могу теперь принять. Прежде для меня было бы истиннымъ удовольствіемъ повидаться съ вами у васъ . . . . взглянуть на юную семью въ обстановкѣ природы со всей ея непостижимой красотою, которую батюшка передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ неподражаемо. Но этого прекраснаго удовольствія для меня теперь быть не можетъ. Это все кончилось. Вы знали Константина Сергѣевича, который удитъ, куритъ, съ восхищеніемъ радуется жизни и природѣ въ каждомъ ея проявленіи, будь это зима или лѣто, будь это палящее солнце или дождь, промачивающій насквозь, Константина Сергѣевича, который любитъ слышать въ себѣ силы именно тогда, когда неудобство, стужа или что нибудь подобное ихъ вызываетъ; который въ восхищеніи и крѣпнетъ на телѣгѣ, прыгающей по камнямъ, или подъ дождемъ, его всего обливающимъ,—Константина Сергѣевича, который 28 верстъ проходитъ не присаживаясь, выпиваетъ сливокъ, потомъ квасу и отправляется еще, взваливъ на себя огромныя удилища,—удить. Теперешній Константинъ Сергѣевичъ не удитъ, не куритъ, смотритъ и не видитъ природы или болѣзненно ее чувствуетъ и даже отворачивается отъ нея; нѣженкой онъ не сдѣлается, слабымъ тоже; но не слышитъ въ себѣ этого пріятнаго ощущенія силъ, не ищетъ чего-нибудь понеудобнѣе и потяжелѣе; ему все равно, карета ли или любимая прежде телѣга, въ которой онъ прежде даже и стихи писалъ. Да, все для меня кончилось, жизнь моя кончилась; жизнь была хороша и исполнена прекрасныхъ радостей; и вотъ я помянулъ себя въ письмѣ къ вамъ. Благодарю же васъ... за все радушіе, какое я видѣлъ бы у васъ. Обнимаю васъ крѣпко.. Я занимаюсь довольно; это я считаю своимъ долгомъ, который я долженъ выплатить. Постараюсь сдѣлать все, что могу, на что имѣю способности, и

такимъ образомъ расплатиться съ долгами. Я точно собираюсь переѣхать и укладываюсь. Прощайте... Вашъ Константинъ Аксаковъ". Былъ post-scriptum: „время дѣйствуетъ на меня совершенно наоборотъ противъ того, какъ полагаютъ".

Письмо это относится къ Августу 1859 г. Всю зиму затѣмъ К. С.

„чахнулъ; весной и лѣтомъ заболѣлъ такъ, что его отправили заграницу, въ томъ же 1860-мъ году онъ и скончался 7-го Декабря вдали отъ родины, въ Греческомъ архипелагѣ, на островѣ Занте. За-границею первоклассныя знаменитости, иноземные врачи дивились чахоткѣ и сухоткѣ этого богатыря, умиравшаго съ тоски по своемъ отцѣ; собственно, вся и болѣзнь была въ этомъ. Доктора не давали лекарствъ, не прописывали рецептовъ, совѣтовали только развлекать его. Тогда Италія шумѣла именемъ Гарибальди; въ ней пробуждалось народное движеніе, не совѣтовали пускать туда, а указывали на какія-нибудь „увеселительныя воды" или даже на Парижъ, совѣтуя возить на разныя гулянья, а если въ театръ, то исключительно въ водевили, но жить такимъ образомъ для Константина Сергѣевича значило не жить. Онъ уже умиралъ, послѣднія оставшіяся средства, хоть для продленія послѣднихъ дней, медики свели на „теплый морской климатъ", и вотъ онъ попалъ на островъ Занте. Когда пароходъ везъ его къ этому послѣднему пристанищу, онъ съ болѣзненной грустью глядѣлъ въ волны и говорилъ своему неизмѣнному спутнику, сопровождавшему его брату, Ивану Сергѣевичу Аксакову: „Неужели, однако, ужъ и кончено? Какъ не ожидалъ я, но чтобы такъ ужъ скоро, кто бы думалъ?"

На пустынномъ островѣ не было русскаго православнаго священника для исповѣди больного; нашелся грекъ, едва говорившій по-французски. У этого-то грека и исповѣдывался умирающій на своемъ нелюбимомъ языкѣ. Что за судьба? И, словно, еще не пронія ли съ ея стороны? Никакой ироніи тутъ нѣтъ, хотя и знаменательно оно. Свободная вѣра Константина Сергѣевича не знала ничего условнаго, и всякій фетишизмъ былъ ей чуждъ. Кто не понималъ и не понимаетъ, что можно снимать шапку въ Спасскихъ воротахъ и креститься на золотыя маковки Кремля и въ то же время не быть фетишистомъ,—тотъ не понимай.

Грекъ, призванный къ умирающему и спѣшившій попросту справить требу, былъ изумленъ исповѣдью, причащеніемъ и кончиной столь необыкновеннаго человѣка. Самымъ простодушнымъ образомъ выражалъ онъ свое удивленіе и недоумѣніе; онъ просилъ: нельзя-ли ему повидать всѣхъ близкихъ этого человѣка и, главное, мать покойнаго? Ему хотѣлось передать — и если не придется лично, грекъ просилъ ей передать отъ него—праведникъ скончался, еще не видывалъ исповѣдникъ примѣровъ такой вѣры на землѣ [1]). Онъ не прекращалъ своихъ разспросовъ: Да кто-же это былъ? Кто это умеръ передъ нимъ?

[1]) Бицына обманула память. Мать была присмерти К. С-ча — см. дальше. *С. В.*

Ему отвѣчали что это былъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. И что-же можно было сказать больше этого?

И если этотъ праведникъ произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на необразованнаго, захолустнаго попа-грека, то удивительно-ли, что огромно было обаяніе, которое онъ производилъ на людей, жившихъ приблизительно такими-же, какъ и онъ самъ, нравственными стремленіями:

„Теперь прошло не мало времени со смерти Константина Сергѣевича“ говоритъ Бицынъ, „а встрѣчаясь съ его знакомыми, приходится отъ нихъ слышать и до сихъ поръ: неправда-ли, всякій разъ, какъ приходилось, быть съ Константиномъ Сергѣевичемъ, послѣ того приходилось и самого себя чувствовать какъ-то чисто; какъ-то нравственнѣе дѣлался съ нимъ, и нравственность чувствовалъ болѣе обязательною для себя».

Послѣ напечатанія цѣнныхъ воспоминаній Бицына (теперь уже покойнаго) появилась семейная переписка Ивана Аксакова. Тутъ мы, въ III и IV т., находимъ множество свѣдѣній о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Константина Сергѣевича, какъ въ письмахъ брата Ивана и матери Ольги Семеновны, такъ и въ дневникахъ сестеръ Вѣры и Любови.

Собственно для характеристики духовнаго облика Константина Сергѣевича эти, сами по себѣ очень интересные, письма и дневники ничего не даютъ. Передъ нами больничный скорбный листъ, картина быстраго разрушенія недавно еще столь замѣчательной и физической, и духовной мощи. Главнымъ образомъ эта переписка и дневники интересны тѣмъ, что еще разъ ярко характеризуютъ удивительную семейную привязанность Аксаковыхъ. Съ какой нѣжностью заботился Иванъ о больномъ братѣ, осенью 1860 г., прервавъ свое путешествіе по славянскимъ землямъ. Онъ объѣздилъ съ нимъ всѣхъ знаменитыхъ врачей Берлина, Гейдельберга, Вѣны, и какъ нянька смотрѣлъ за нимъ во время крайне неудачнаго леченія виноградомъ въ Швейцаріи (Веве). Тѣмъ временемъ двинулась въ Европу мать съ двумя дочерьми. Всю жизнь проведши съ Константиномъ, Ольга Семеновна не могла вынести разлуки съ умирающимъ сыномъ, и не предаваясь никакимъ иллюзіямъ, рѣшила, все-таки, во чтобы-то ни стало быть при немъ до горестнаго конца. Денежныя дѣла семьи были теперь въ самомъ плачевномъ положеніи, но любовь все преодолѣваетъ и другихъ пріязнью заражаетъ. Пришелъ на помощь старый другъ Сергѣя Тимофеевича—Княжевичъ, въ то время министръ финансовъ. Онъ далъ 3000 р.

Безконечно грустно было свиданіе въ Бреславлѣ, куда братья выѣхали на встрѣчу матери и сестрамъ, не оставляло никакой надежды консультація со знаменитымъ вѣнскимъ врачемъ Шкодой. И вдобавокъ крайне неудаченъ былъ совѣтъ Шкоды ѣхать на Занте. Если бы поѣхали въ Капръ и даже въ сѣверное мѣсто, но такое, гдѣ имѣются печи, было бы лучше. А островъ Іоническаго архипелага Занте съ точки зрѣнія даже самыхъ элементарныхъ удобствъ оказался мѣстомъ ужаснымъ. Ни сколько-нибудь серьезной медицинской помощи, ни подходящаго помѣщенія для больного, ни подходящей пищи, простого молока нельзя было достать. Быстро и мучительно надвигалась смерть. Константина Сергѣевича постоянно душилъ кашель, доводившій его до совершеннаго изнеможенія. И нужно читать дневникъ Вѣры Сергѣевны, чтобы видѣть, какъ эти муки отражались на родныхъ. Еще у Ивана Сергѣевича были и глаза для созерцанія роскоши южной природы и воспріимчивость для переживанія политическихъ событій. Но мать и сестры всецѣло сосредоточились на мукахъ безспльной борьбы съ роковымъ недугомъ. Глубоко-вѣрующія, онѣ находили исходъ своей тоскѣ въ заказываніи молебновъ. Жители острова съ изумленіемъ слѣдили за ихъ жаркою молитвою.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія на Занте Конст. Сергѣевичъ въ ночь съ 6 на 7 дек. 1860 г. скончался. Само собою сложилось рѣшеніе не разставаться съ дорогимъ прахомъ. Съ далекаго острова гробъ былъ перевезенъ черезъ Тріестъ, Вѣну, Брославль, Верякболово, Петербургъ, въ Москву. Передъ похоронами, мать, какъ пишетъ Иванъ Сергѣевичъ извѣстному настоятелю посольской церкви въ Вѣнѣ протоіерею Раевскому, „объявила непремѣнное свое желаніе, чтобы гробъ брата былъ открытъ, чтобы отпѣваніе было повторено. Въ тотъ же понедѣльникъ (2 янв. 1861) отправился я къ Филарету, потомъ подалъ записку генералъ-губернатору и къ величайшему удивленію моему и всѣхъ—казавшееся невозможнымъ исполнилось легко и скоро! Вотъ что значитъ материнская энергія и настойчивость! Разрѣшено было открыть гробъ, тутъ же, среди Москвы, въ церкви и повторить отпѣваніе: вещь неслыханная! Все это мы успѣли обдѣлать въ самый день пріѣзда, въ понедѣльникъ, а на дру-

гой день были похороны. Утромъ передъ похоронами вскрыть я гробъ съ замираніемъ сердца: ну, если бальзамированіе не выдержало? Оно вполнѣ выдержало, и братъ лежитъ въ гробу, какъ на другой день смерти. Я думалъ сначала, что видъ умершаго разстроитъ маменьку и сестеръ. Напротивъ, это доставило имъ невыразимое утѣшеніе, особенно тѣмъ, которые не были съ нимъ на Занте и такъ сказать не простились съ нимъ".

Похоронили К. С. въ Симоновомъ монастырѣ, рядомъ съ отцемъ.

Родные искали грустное удовлетвореніе въ томъ, что смерть Конст. Сергѣевича вызвала всеобщее соболѣзнованіе. Очень ихъ тронулъ цитированный выше откликъ Герцена въ „Колоколѣ" (Пер., IV, 45). Примѣшивалось, однако, и нѣкоторое чувство горечи. Такъ, Ольга Семеновна писала Раевскому:

„Вотъ стихи, которые были читаны вчера въ публичномъ засѣданіи Общества любителей русской словесности [1]), при множествѣ слушателей—мнѣ захотѣлось сообщить вамъ, нашъ добрый и уважаемый сердечно другъ Михаилъ Федоровичъ: и вчера же читаны и стихи Хомякова: „Вставайте, оковы распались"—и Константиновы: „Свободное слово". Съ сильнымъ участіемъ прослушали ихъ, но не произвели они тѣхъ волненій, которыхъ напрасно боялись и въ силу чего прошлаго года не рѣшились прочесть, не смотря на желаніе и просьбу Константина; такъ мнѣ больно это, какое бы наслажденіе было для него услышать ихъ публично! Теперь и съ каѳедры Костомаровъ, профессоръ въ Петербургѣ, сказалъ рѣчь о заслугахъ и значеніи Константина въ исторіи и литературѣ, и полторы тысячи было слушателей и всѣ рукоплескали, а сколько злыхъ было нападокъ! Боже мой! Неужели надо умереть, чтобы отдали справедливость человѣку, а при жизни ничѣмъ не былъ утѣшенъ, никакимъ проявленіемъ! Скорбитъ моя душа о томъ!"

Пришлю вамъ рѣчь Лонгинова о Константинѣ. Всѣ журналы *теперь* заговорили.". (Пер., IV, приложенія, 27).

[1]) Рѣчь, очевидно, о стихахъ Плещеева. См. только что вышедшую юбилейную записку „Общ. Люб. Рос. Слов." (М. 1911), Приложенія, стр. 107—протоколъ 154-го засѣданія, 26 февр. 1861 г.

VIII.

Стихи Константина Аксакова.

Какъ уже было сказано выше, раньше другихъ родовъ творчества К. Аксаковъ проявилъ свои литературныя способности на поприщѣ стихотворства. Писаніе стиховъ было наслѣдственно въ родѣ Аксаковыхъ, и всѣ три представителя его оставили послѣ себя обильное поэтическое наслѣдство.

„Поэтическое", впрочемъ, больше въ формальномъ значеніи этого слова, потому что сколько-нибудь видное художественное значеніе имѣютъ только стихи Ивана Сергѣевича. Стихи Сергѣя Тимофеевича были весьма посредственны.

Было-бы большою несправедливостью примѣнять послѣдній эпитетъ и къ стихамъ Константина Сергѣевича, которые по полету мысли несравненно выше и не лишены интереса съ „гражданской" точки зрѣнія. Но несомнѣнно, однако же, что разсматриваемые съ чисто-литературной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія проявленнаго въ нихъ таланта, они не высоко стоятъ.

Враждебная идеямъ 60-хъ годовъ критика любила и любитъ подчеркивать, что такъ называемая „гражданская поэзія", отодвигающая на второй планъ непосредственно-художественныя цѣли, введена въ русскую литературу Некрасовымъ и „тенденціозною" критикою Добролюбова, Писарева и др. Утвержденіе это, однако же, только на половину вѣрно. Если мы присмотримся къ славянофильской поэзіи, мы не преминемъ убѣдиться, что даже въ лицѣ наиболѣе даровитыхъ представителей своихъ—Хомякова и Ивана Аксакова, она за-

долго до движенія 60-хъ годовъ рѣшительно отвергла завѣтъ Пушкина быть поэзію „звуковъ сладкихъ и молитвъ“. „Житейскія волненія“ и „битвы“ всегда были ея главною задачею. Поэзія Константина Аксакова всецѣло имѣетъ служебное, публицистическое назначеніе. Стихи для К. Аксакова были однимъ изъ средствъ проводить свои любимыя идеи. Тѣ же темы, я которыя составляютъ предметъ его историческихъ, филологическихъ и публицистическихъ работъ, легли въ основаніе и наиболѣе прочувствованныхъ изъ стихотвореній его. К. Аксаковъ писалъ стихи не порывами, какъ братъ его Иванъ, а въ теченіе всей своей жизни, и все, что только волновало его, какъ публициста и историка, все это онъ выливалъ въ риѳмованныя строки.

Не именно только въ риѳмованныя строки.

Если про „гражданскіе мотивы“ 60-хъ годовъ принято говорить, что они представляютъ собою передовыя статьи въ стихахъ, то тѣмъ болѣе примѣнимо такое опредѣленіе къ стихотвореніямъ К. Аксакова. Когда я первый разъ писалъ о Константинѣ Аксаковѣ, въ 1887 году, и ознакомился съ его стихотвореніями, я не нашелъ между ними ни одного, которое имѣло бы цѣли непосредственно-художественныя. Съ тѣхъ поръ число обнародованныхъ стихотвореній нашего поэта-публициста нѣсколько увеличилось [1]), благодаря изданной его племянникомъ С. Г. Аксаковымъ небольшой книжкѣ „Стихотворенія К. С. Аксакова“ (М. 1909), но выводъ остается неизмѣннымъ. Все поэтическое наслѣдіе Конст. Аксакова представляетъ собою или призывъ „домой“—въ допетровскую Русь, или сѣтованія на „оторванность“ интеллигенціи отъ народа, или, наконецъ, отдѣльные пункты программы желательной государственной жизни Россіи.

Но, конечно, не самое содержаніе, только-что отмѣченное, дѣлаетъ стихотворенія К. Аксакова мало-поэтичными. Не въ томъ же, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ истинная поэзія, чтобы воспѣвать исключительно „красу небесъ и ласки милой“.

---

[1]) Говорю „нѣсколько увеличилось“, потому что, повидимому, много стихотвореній К. А. еще остается въ рукописи. См. дальше библіогр примѣчанія.

Если я называю стихи К. Аксакова мало-поэтичными, то, конечно, не за общественно-политическое содержаніе ихъ, а за недостаточно-поэтичную обработку этого содержанія. Поэзія только тогда поэзія, если она говоритъ не только уму, но и воображенію, если она доказываетъ и объясняетъ свои тезисы не словами, а образами и картинами. И вотъ именно образовъ-то и картинъ и нѣтъ совсѣмъ въ стихотвореніяхъ К. Аксакова. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько стихотвореній, которые въ ряду поэтическихъ произведеній Константина Сергѣевича могутъ быть названы наиболѣе сильными и наиболѣе отражающими его стихотворную манеру. Вотъ, напр., напечатанное въ „Днѣ“ 1862 года, стихотвореніе „Возвратъ“, съ призывомъ „домой“, тѣмъ самымъ призывомъ, который надѣлалъ такъ много шуму въ началѣ 80-хъ годовъ и неправильно приписывался Ивану Сергѣевичу, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ принадлежитъ Конст Сергѣевичу и относится еще къ 1843 году.

Прошли года тяжелые разлуки,
Отсутствія исполненъ долгой срокъ,
Прельщенія, сомнѣнія и муки
Испытаны,—и взятъ благой урокъ!
Оторваны могущею рукою,
Мы бросили отечество свое,
Умчались вдаль, плѣнясь чужой землею,
Земли родной презрѣвши бытіе.
Преступно мы объ ней позабывали,
И голосъ къ намъ ея не доходилъ;
Лишь иногда мы смутно тосковали:
Насъ жизни ходъ насильственный давилъ!
Предателей, измѣнниковъ не мало
Межъ нами въ долгомъ странствіи нашлось;
Въ чужой землѣ ничто ихъ не смущало,
Сухой душѣ тамъ весело жилось!
Слетѣлъ туманъ! предъ нашими очами
Явилась Русь!.. Родной ея призывъ
Звучитъ опять, и нашими сердцами
Вновь овладѣлъ живительный порывъ,
Конецъ, конецъ томительной разлукѣ!
Отсутствію насталъ желанный срокъ.
Знакомые тѣснятся въ душу звуки
И взоръ вперенъ съ любовью на Востокъ
Пора домой! И, пѣснп повторяя
Старинныя, мы весело идемъ.

Пора домой! Насъ ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокимъ,
Народнаго столпца торжества,
Опять полна значеніемъ глубокимъ
Является великая Москва.
Постыдное, безчестное презрѣнье,
Скорѣе въ прахъ! Свободно сердце вновь,
И грудь полна тревоги и смятеній,
И душу всю наполнила любовь!
Друзья, друзья! Тѣснѣе въ кругъ сомкнемся,
Покорные движенью своему,
И радостно, и крѣпко обоймемся,
Любя одно, стремяся къ одному!
Землѣ родной—все, что намъ Небо дало,
Мы посвятимъ! Пускай заблещетъ мечь,
И за нее, какъ въ старину бывало,
Мы радостно готовы стать и лечь.
Друзья, друзья! Грядущее обильно,
Надежды сладкой вѣруйте словамъ.
И жизнь сама, насъ движущая сильно,
Порукою за будущее намъ!..
Смотрите—мракъ ужъ робко убѣгаетъ,
На западѣ земли лишь онъ растетъ:
Востокъ горитъ, день не далекъ, свѣтаетъ,
И скоро солнце красное взойдетъ!

А вотъ другое стихотвореніе („Гуманисту“ въ „Днѣ“ 1862 г., № 8), иллюстрирующее одну изъ наиболѣе завѣтныхъ мыслей К. Аксакова—о необходимости тѣсной связи съ народомъ, съ „землею“. Поэтъ обращается къ гуманисту съ слѣдующими рѣчами укоризны:

Ты эгоистъ, хотя-бы наслажденья
Высокія испытывалъ твой духъ;
Ты эгоистъ, хотя-бъ другихъ мученья
Болѣзненно тревожили твой слухъ;
Хотя-бъ тебѣ высокое искусство
Открыло свѣтъ таинственный во мглѣ,
Хотя-бъ въ тебѣ горѣло свято чувство
Къ прекрасному, благому на землѣ;
Хотя-бъ своей любовію широкой
Ты всѣхъ людей и цѣлый міръ объялъ,
Хотя-бъ ты плакалъ и страдалъ жестоко
И радостью прекрасною сіялъ...
Но ты сидишь съ простертыми руками,

Съ возвышеннымъ мечтаньемъ на челѣ,
Съ блестящими и влажными глазами,
Уединенъ далеко на скалѣ:
Передъ тобой толпа стремится тѣсно—
Ты полонъ къ ней участья и любви,
Ты для людей придумалъ міръ чудесный,
Огонь мечты горитъ въ твоей крови...
О, нѣтъ, не такъ участіе прилично,
И правды нѣтъ въ волненьи думъ твоихъ:
Бѣды людей ты испытуешь лично,
И плачешь ты не съ ними, а объ нихъ!
Не понялъ ты великаго значенья
Въ одинъ потокъ соединенныхъ волнъ!
Могущества ихъ общаго стремленья
Не понялъ ты; *своей* тоскою полнъ!
Оставь-же *свой* отдѣльный міръ страданья,
Гдѣ ты живешь—вдали людей любя!
Участія не нужны подаянья,
Изъ цѣлаго не исключай себя.
Лишь откажись отъ личныхъ притязаній,
Живую связь поймешь ты въ мигъ,—и вотъ
Съ своей судьбой и моремъ колебаній,
Величественъ является народъ!
Скорбь общая и общая невзгода
Тебѣ твои страданья замѣнятъ,—
Сильнѣй всего великій гласъ народа,
Предъ нимъ твои всѣ вопли замолчатъ!
Пойми себя въ народѣ! Не сжимаетъ,
Какъ океанъ, твоей свободы онъ:
Тебѣ онъ только мѣсто назначаетъ,
Ты общему въ немъ живо покоренъ.
А безъ того—ты эгоистъ безъ силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страданья вялы и оружья гнилы,
Порывъ безплоденъ и ложна мечта.
Съ народомъ лишь взойдетъ свобода зрѣло,
Могущественъ народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ!

Извѣстно, вообще, что никто въ русской литературѣ не говорилъ съ такимъ чисто-экстатическимъ воодушевленіемъ о свободѣ слова, какъ славянофилы. Для партіи западнически-передовой убѣжденіе въ необходимости свободы слова было понятіемъ настолько азбучнымъ, что не являлось даже и воодушевленія для доказательства такого труизма. Славяно-

филы же, особенно побуждаемые еще и тѣмъ, что въ глазахъ многихъ они сливались въ одно представленіе съ Булгаринымъ и Гречемъ, всѣми силами старались очиститься отъ такого позорнаго смѣшенія, и это придавало имъ энтузіазма въ проповѣди самыхъ элементарныхъ принциповъ гражданской жизни. И несомнѣнно, что самымъ пламеннымъ въ русской поэзіи прославленіемъ свободы печати, но, увы, не въ блещущей художественными достоинствами формѣ, является „Свободное Слово“ Константина Аксакова.

Ты—чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты— мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты—лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты—намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово.

Лишь духу власть духа дана,—
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье—для лжи и порока;
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ—опасно одно
Свободное слово.

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово.

О, слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ божескій свяжетъ.
Тотъ путь человѣку иной,—
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово
О, духа единственный мечь,
Свободное слово!

Это стихотвореніе, какъ мы знаемъ (стр. 189), было прочтено, въ февралѣ 1861 г., въ Обществѣ Любителей Рос. Словесности. Но появилось оно въ печати только 27 лѣтъ послѣ того, какъ было написано—въ „Руси“ 1880 г. (№ 1). Я первый обратилъ на него подлежащее вниманіе, когда настоящій этюдъ печатался первый разъ (1887), и съ моей легкой руки оно цитируется очень часто. До извѣстной степени, „Свободное Слово“ даже стало лозунгомъ всѣхъ требованій свободы печати и особенно было популярно въ 1904—1905 гг. Большая публика только съ этимъ стихотвореніемъ Конст. Аксакова и знакома.

Указанныя три стихотворенія освѣщаютъ самые дорогіе К. Аксакову пункты его общественнаго міросозерцанія. Казалось-бы, значитъ, что по такому поводу онъ долженъ былъ развернуть весь имѣвшійся въ его творческой способности лирическій пафосъ. И между тѣмъ всякій, кто сколько-нибудь привыкъ разбираться въ поэтическихъ произведеніяхъ и различать въ нихъ настоящее поэтическое золото отъ мишурныхъ блестокъ, всякій такой цѣнитель сразу, конечно, почувствуетъ въ приведенныхъ стихотвореніяхъ не только отсутствіе истинно-поэтическихъ образовъ и картинъ, но еще и риторическій холодъ. Послѣднее особенно поразительно по отношенію къ „Свободному слову“. Подъ нимъ имѣется дата „1853 годъ“, т.-е. тотъ годъ, когда разразилась надъ славянофильскимъ кружкомъ вообще и надъ Константиномъ Аксаковымъ въ частности отмѣченная выше цензурная гроза. Такимъ образомъ, стихотвореніе не только отражаетъ собою теоретическое убѣжденіе, но и писано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ конкретнаго факта, несомнѣнно взволновавшаго автора до глубины души. И тѣмъ не менѣе, все это вмѣстѣ взятое въ результатѣ дало стихотвореніе, замѣчательное только по гражданскому, а никакъ не по поэтическому пафосу.

Кстати будетъ вообще отмѣтить, что у К. Аксакова не было того, что въ тѣсномъ смыслѣ этого слова принято называть литературнымъ талантомъ. Сынъ и братъ такихъ замѣчательныхъ мастеровъ слова, какъ Сергѣй Тимофеевичъ и Иванъ Сергѣевичъ, Константинъ Сергѣевичъ самъ, однако же,

всего менѣе можетъ быть названъ стилистомъ. Пушкинское опредѣленіе:

Такъ онъ писалъ темно и вяло,

по-неволѣ приходитъ на умъ, когда читаешь путанныя и длинныя тирады, которыми изобилуютъ даже самыя удачныя и выношенныя статьи Константина Аксакова. Человѣкъ, незнакомый съ біографіею Константина Сергѣевича, не знающій, что онъ былъ пламеннымъ, восторженнымъ энтузіастомъ, человѣкъ, руководствующійся только старой эстетической формулою—le style c'est l'homme, навѣрное, составитъ себѣ самое превратное представленіе о Константинѣ Аксаковѣ, если по его сочиненіямъ захочетъ возсоздать душевный обликъ автора. У него былъ такъ великъ *навосъ мысли*, что какъ бы не оставалось достаточно духовныхъ силъ для навоса слова.

Отсутствіе *внѣшней* талантливости—подчеркиваю это опредѣленіе, потому что талантливости по существу, талантливости мысли и углубленія у Конст. Аксакова было достаточно—сознавалось въ свое время даже людьми, безусловно къ нему расположенными. Гоголь, напр., относился къ Константину Аксакову прямо съ нѣжностью. Онъ писалъ Сергѣю Тимофеевичу въ 1840 году: „но уже когда я мыслю о васъ и объ этомъ юношѣ, полномъ силъ и всякой благодати, который такъ привязался ко мнѣ—я чувствую въ этомъ что-то такое сладкое“ (Пер. Гоголя въ изд. Шенрока, II, 93). И онъ-же не стѣснялся писать тому-же влюбленному въ сына отцу:

„Но вотъ бѣда: у Конст. Серг. *нѣтъ вовсе слога*. Все, о чемъ ни выражается онъ ясно на словахъ, выходитъ у него темно, когда напишется на бумагѣ“ (Ibid II, 563).

По поводу диссертаціи К. Аксакова Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Есть прекрасныя замѣчанія, но неумѣніе писать совершенное“ (*Барсуковъ*, Жизнь Погодина VIII, 342).

Ужъ на что любилъ и цѣнилъ Константина Аксакова Хомяковъ. Но и онъ вотъ какъ сострилъ о его слогѣ: „намъ вспоминается“, говоритъ въ своихъ запискахъ извѣстный сенаторъ Касторъ Лебедевъ, „слова А. С. Хомякова о томъ, что Степанъ Михайловичъ Багровъ и Константинъ Сергѣе-

вичъ Аксаковъ олицетворили собою ходъ русской жизни: оба отличные люди, но дѣдъ таскаетъ за волосы свою Арину Васильевну, а правнукъ пишетъ сочиненіе о Ломоносовѣ русскими словами и русскими буквами, такъ, однако, что русскіе люди едва понимаютъ его“ („Рус. Арх. 1893, I, 297).

Даже родные относились скептически къ слогу Константина Сергѣевича. Такъ, Иванъ въ одномъ письмѣ къ родителямъ съ усмѣшкой вспоминаетъ о *„блаженной памяти* диссертаціи о Ломоносовѣ“, (Пер. II, 260), а въ другомъ говоритъ: „статья превосходная. Языкъ или слогъ этой статьи даже слишкомъ хорошъ для Константина, *обыкновенно небрежнаго въ этомъ отношеніи*“ (III, 11).

И наконецъ, самъ Константинъ Сергѣевичъ былъ невысокаго мнѣнія о своихъ литературныхъ способностяхъ. Со свойственною ему правдивостью, онъ прямо пишетъ Гоголю въ 1851 г. по поводу своей большой драмы: „я не художникъ“ („Рус. Архивъ“ 1890 г., № 1, стр. 158). И дальше: „что касается до личного своего таланта, я охотно сознаю его недостаточность“ (ib., 160).

IX.

Драматическія произведенія.

Еще въ бо́льшей степени, чѣмъ стихи, не блещутъ сколько-нибудь серьезными литературными достоинствами и драматическія произведенія Константина Сергѣевича. Я, конечно, имѣю возможность говорить только о тѣхъ, которые напечатаны. Но мы уже знаемъ (стр. 54), что водевили Аксакова, которые онъ не счелъ даже нужнымъ и печатать, общаго представленія о драматическомъ творчествѣ его не мѣняютъ.

Какъ и стихотворенія его, драмы Конст. Аксакова имѣютъ цѣли не художественныя, а дидактическія. Такъ, „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“ должно убѣдить читателя въ громадномъ историческомъ значеніи „земли“. „Князь Луповицкій“ есть сатира на оторванныхъ отъ той же „земли“ интеллигентовъ нашихъ. Наконецъ, „Олегъ подъ Константинополемъ“ есть пародія на такъ называемое „скептическое“ направленіе русской исторіографіи. Авторъ даже и попытокъ не дѣлаетъ создать настоящія драматическія произведенія и дать что-нибудь, кромѣ драматизированныхъ историко-публицистическихъ тезисовъ. Въ наиболѣе серьезной по авторскимъ намѣреніямъ драмѣ Константина Аксакова — „Освобожденіе Москвы“ прямо нѣтъ никакой интриги, и все дѣйствіе исключительно вращается около явленій общественныхъ.

По формѣ и относительной легкости выполненія, наибольшими художественными достоинствами изъ перечисленныхъ трехъ драматическихъ произведеній обладаетъ „Олегъ подъ Константинополемъ“. Мотивы, послужившіе къ написанію этой изданной лѣтъ 25 спустя (1858 г.) драматической шутки, изложены авторомъ въ предисловіи:

„Въ тридцатыхъ годахъ русскую исторію преподавалъ въ московскомъ университетѣ М. Т. Каченовскій, имя котораго навсегда останется

въ лѣтописяхъ русской исторической науки. Студенты были увлечены скептическимъ его взглядомъ. Молодость любитъ критическое направленіе и охотно сомнѣвается. Повидимому, это противорѣчитъ стремленію вѣрить, стремленію, которое составляетъ отличительную черту молодости, но здѣсь противорѣчіе только видимое, ибо самое сомнѣніе молодость часто принимаетъ на вѣру. Въ такомъ, очень нерѣдко одностороннемъ влеченіи къ скептицизму лежитъ часто прекрасная основа все испытать, все провѣрить своимъ умомъ, ничего не принимать безъ труда и ради авторитета.

Увлекаясь тогда, вмѣстѣ съ другими, скептическими мнѣніями профессора, я увидѣлъ потомъ ихъ ошибочность. Тогда, подъ вліяніемъ этого скептицизма, написалъ я, съ одобренія товарищей, эту пародію, въ которой преувеличилъ до крайности мнѣнія противниковъ, представивъ Олега государемъ эпохи развитой и просвѣщенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была пародія и на стихотворныя идеализаціи исторіи въ появлявшихся тогда нѣкоторыхъ патріотическихъ драмахъ, и вообще на звучность стиховъ, иными принимаемыми еще и теперь за поэзію".

Общій тонъ пародіи виденъ хотя-бы изъ разговора между Олегомъ и волхвомъ. Волхвъ приходитъ къ князю и въ ужасѣ разсказываетъ, какой ему приснился странный и дивный сонъ:

На сѣверѣ, между лѣсовъ дремучихъ,
Возникнетъ нѣкогда великій градъ,
Владыко царствъ исполненъ силъ могучихъ,
Правительственной мудростью богатъ.
Воздвигнется въ немъ зданіе науки,
Ему названья въ русскомъ словѣ нѣтъ,
И въ этомъ зданьи нѣкогда ученый
Торжественно всѣ дивныя твои
Дѣла постыднымъ омрачитъ сомнѣньемъ
И, наконецъ, отвергнетъ вовсе ихъ.
Онъ скажетъ и доводами докажетъ,
Что не было, Олегъ, тебя совсѣмъ;
Что это вымыслъ, ложное преданье;
Что ты народа басня, что ты миѳъ.

О л е г ъ въ бѣшенствѣ и съ ужасомъ:

Я миѳъ?

В о л х в ъ.

Отчаянье твое понятно.
Погибнетъ все, когда отвергнутъ даже
Существованье самое твое.

О л е г ъ.

Я миѳъ?

В о л х в ъ.

Спокойся, князь! Еще есть средство....

Олегъ, не слушая.

Какъ, варвары? Я мнѣ? Но сердце бьется
Такъ пламенно въ груди моей! Но кровь
Такъ горячо бѣжитъ по этимъ жиламъ?..
Но этимъ грознымъ уступаютъ силамъ
Всѣ козни, всѣ усилія враговъ!..
Нелѣпость! Вздоръ! О, если-бъ только могъ я,
Ученому злодѣю моему
Я-бъ доказалъ свое существованье и т. д.

И вотъ, чтобы доказать будущему скептику-ученому, что онъ не мнѣ, Олегъ рѣшается предпринять походъ на Константинополь, прибить къ вратамъ его свой щитъ и вообще оставить прочный слѣдъ въ анналахъ писанной исторіи.

Кромѣ этого основного мотива, въ пародіи есть и побочные эпизоды, какъ, напр., внезапно завязавшійся романъ между греческою царевной и однимъ дулѣбомъ изъ войска Олегова, такой же романъ между кіевлянкой Людмилой и кіевляниномъ Всеславомъ, который погибаетъ въ поединкѣ съ варяжскимъ скальдомъ Ингелотомъ и, наконецъ, третій романъ между тою же греческою царевною, что прельстила дулѣба, и самимъ Олегомъ. Соль всѣхъ этихъ эпизодовъ заключается въ ихъ книжномъ, напыщенномъ языкѣ, немыслимомъ, конечно, въ устахъ первобытныхъ сыновъ X вѣка.

„Освобожденіе Москвы“, снятое, какъ мы уже знаемъ, съ репертуара послѣ перваго же представленія въ 1850 г., не имѣетъ никакой драматической интриги и потому передать его содержаніе затруднительно. Это просто рядъ безпорядочно-нагроможденныхъ сценъ, иллюстрирующихъ отдѣльные эпизоды событій 1612 года, сценъ, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ, кромѣ авторскаго старанія выдвинуть на первый планъ истинный патріотизмъ простого народа и „земли“, поборающій, въ концѣ концовъ, корыстные происки боярства. Эта центральная идея пьесы ярче всего выражена въ одномъ изъ монологовъ представителя „земщины“ Прокофія Ляпунова:

Виноваты много бояре. Много возгордились они. На черныхъ людей свысока смотрятъ; ихъ только хрестьянами называютъ; видимое дѣло что сами ужъ стали не хрестьяне.—Горько это; забыли, стало, что вс мы братья и всѣ христіане; всѣ мы одной матери дѣти; всѣ мы братья и сродники по христовой вѣрѣ и по русской землѣ. Пусть одинъ боя-

ринъ—при немъ его боярство; пусть другой воинъ—при немъ его воинство; пусть еще третій земледѣлъ—при немъ его земледѣліе.—Да вѣдь сегодня онъ земледѣлъ, а завтра бояринъ, а бояринъ завтра земледѣлъ. Это все какъ случится, и какъ приведется, и какой талантъ, и что Богъ дастъ; а непремѣнное и вѣчное то, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, всѣ братья православные христіане и русскіе люди. А это-то мы и позабыли, не какъ братья стоимъ другъ за друга; возвысились одни передъ другими гордостію. Богъ насъ и караетъ. Презрѣлъ Василій Ивановичъ земской совѣтъ, Богъ и покаралъ его. Презрѣли и вы, бояре, братство и землю; эй, не забывайте земли русской и народа. Больше правды въ простомъ народѣ.—Когда во вторникѣ на страстной недѣлѣ сдѣлалась схватка съ поляками, кто стоялъ за Божіе и земское дѣло? Все народъ. Сталъ тутъ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской; вотъ его человѣкъ смиренный духомъ, и твердо стоитъ обще съ народомъ за вѣру и землю. Такъ народа-то вы, бояре, не презирайте и надъ народомъ не высьтесь; вѣдь этимъ вы и сами себя осуждаете и отъ братства себя отрываете. Не разрывайте земскаго союза, не забывайте народа—тогда и вамъ будетъ хорошо и вы родной землѣ нашей полезны будете,—а безъ того нѣтъ.—Вѣдь всѣ мы, отъ мала до велика, всѣ христіане православные и русскіе люди, всѣ братья".

Весь этотъ монологъ и по идеямъ своимъ, и даже по слогу скорѣе напоминаетъ одну изъ историко-публицистическихъ статей Аксакова, чѣмъ дѣйствительную рѣчь „думнаго дворянина". Но автора и не заботила особенно историческая достовѣрность. Какъ и во всемъ, что онъ писалъ, ему былъ важенъ предлогъ высказать переполнявшія его чувства того мистическаго демократизма и той пламенной любви къ древнимъ формамъ русскаго народнаго быта, которыя составляютъ основу всѣхъ его общественныхъ, историческихъ и даже филологическихъ взглядовъ.

Такою же иллюстраціею историко-публицистическихъ воззрѣній Константина Аксакова является третье драматическое произведеніе его—„комедія" въ двухъ дѣйствіяхъ съ прологомъ „Князь Луповицкій".

Комедія имѣетъ цѣлью доказать, съ одной стороны, до какого комизма доходитъ оторванность русскихъ „культурныхъ" людей отъ реальныхъ основъ нашей народной жизни, а съ другой—какія великія сокровища ума и сердца кроются въ невзрачномъ на первый взглядъ мужичкѣ русскомъ. Въ частности, „Князь Луповицкій" есть подробное развитіе и переложеніе въ лица одной изъ наиболѣе горячихъ крити-

ческихъ статей Константина Аксакова, напечатанной имъ подъ псевдонимомъ *Имрекъ* въ „Моск. Сборникѣ“ 1847 г.

Статья эта написана по поводу повѣсти изъ народной жизни кн. Одоевскаго „Сиротинки“ (напеч. въ сборникѣ гр. Соллогуба „Вчера и сегодня“) и вмѣстѣ съ нѣкоторыми деталями „Князя Луповицкаго“ рельефно обрисовываетъ одинъ изъ кардинальныхъ пунктовъ міровоззрѣнія Константина Аксакова—его отношеніе къ простому народу.

„Сиротинки“ привели рецензента въ крайнее негодованіе:

„Всегда съ невольнымъ, горькимъ чувствомъ“, говоритъ онъ, „и съ негодованіемъ читаемъ мы такія повѣсти, гдѣ изображается (будто бы изображается) нашъ народъ; невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно отъ него оторванный, лице отвлеченное, какъ все, что оторвано отъ народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимаго превосходства, вдругъ заговоритъ снисходительно о народѣ, могущественномъ хранителѣ жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящемъ предъ нами, легко и весело съ нимъ разставшимися. Писатель не трудится надъ тѣмъ, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать въ немъ нечего; ему стоитъ только снизойти написать о немъ. Противно видѣть, когда онъ, для вѣрнѣйшаго изображенія, прибѣгаетъ къ народному будто бы оттѣнку рѣчи, къ народнымъ выраженіямъ, дошедшимъ до его слуха чрезъ переднюю и гостиную. Такой умышленный маскарадъ, такая милостивая поддѣлка, особенно когда пишутъ для народа, оскорбительна. Въ такомъ родѣ и повѣсть кн. Одоевскаго.

Насмѣшливо и негодуя пересказываетъ затѣмъ Аксаковъ содержаніе повѣсти, которое заключается въ томъ, что нѣкая барыня увозитъ бѣдную деревенскую дѣвочку, сиротинку Настю, въ Петербургъ и та, чрезъ нѣкоторое время, возвращается въ деревню. Благодаря полученному ей въ одномъ изъ петербургскихъ пріютовъ воспитанію, она оказываетъ благотворное вліяніе на подъемъ крестьянской нравственности и религіозности. Подводя итоги, возмущенный критикъ говоритъ:

„Итакъ, все село возвышено и преобразованъ народъ, имѣющій коечто въ своихъ воспоминаніяхъ, имѣющій, какъ народъ, тяжесть и твердость дѣйствительности въ своихъ движеніяхъ и переходахъ,—преобразованъ такъ легко и скоро Настей, воспитанной въ Петербургѣ. Она научила его молиться, онъ не умѣлъ этого, конечно!.. Но никакая въ свѣтѣ Настя и никакой въ свѣтѣ образованный и воспитанный человѣкъ не можетъ стать наряду съ народомъ и осмѣлиться наставлять его въ этомъ чувствѣ,—его, силою вѣры прогнавшаго столько враговъ

иноплеменныхъ. Можно ли такъ легко судить о народѣ, такъ легко воспитывать его посредствомъ какой-нибудь Насти, такого отвлеченнаго и легкаго лица; такъ не знать глубины убѣжденій и многаго, многаго въ народѣ, что для Насти темный лѣсъ, и гдѣ-бы тысячу разъ она потерялась и пала бы, почувствовавъ и понявъ свое безсиліе, если-бъ, къ счастью, могла хоть сколько-нибудь понять его. Можно ли это? Что сказать о такомъ поступкѣ?

Къ счастью, Настя и ей подобные не понимаютъ и не могутъ приблизиться даже къ глубокой сторонѣ народа: это для нихъ непроницаемая тайна, запертое святилище. И сколько людей, именно въ наше время, именно въ нашей землѣ, такихъ, которые оторвались отъ народа отъ естественной тяжести союза съ нимъ, увѣряющей и утверждающей шаги человѣка, дающей ему дѣйствительность, и пошли летать и носиться, полные гордости и снисхожденія, — такихъ людей, которые, будучи одѣты въ европейское платье и заглянувъ въ европейскія книги, выучившись болтать на чужомъ языкѣ и приходить, какъ слѣдуетъ, въ заемный восторгъ отъ итальянской оперы, подходятъ съ указкою къ бѣдному, необразованному народу и хотятъ чертить путь его народной и внутренней и внѣшней жизни. Хотя бы они поглотили въ самомъ дѣлѣ всю европейскую мудрость, но если они оторваны отъ народа и хотятъ оставаться въ этой оторванности, въ этомъ попугайномъ развитіи, если они свысока смотрятъ на него,—они ничтожны. Итакъ, Настя— явленіе поучительное. Ошибка автора въ томъ, что, когда такой человѣкъ, какъ Настя, прикоснется къ народу, то совсѣмъ не выйдетъ такихъ результатовъ, какіе придумалъ г. авторъ; напротивъ, какъ мыльный пузырь, лопнетъ такая попытка, если только, при перевѣсѣ силы на ея сторонѣ, она не сдавитъ внѣшнимъ образомъ народа".

Исторію такого мыльнаго пузыря Конст. Аксаковъ и хотѣлъ представить въ „Князѣ Луповицкомъ". Стоитъ остановиться на содержаніи этой комедіи, мало замѣчательной съ художественной точки зрѣнія, но интересной тѣмъ, что въ ней авторъ всего цѣльнѣе выразилъ свой взглядъ на *современный ему* народъ. Типичный кабинетный мыслитель, Константинъ Аксаковъ самъ-то всегда и витали въ тѣхъ сферахъ отвлеченности отъ реальной, непосредственной народной жизни, за которую онъ такъ пушилъ князя Одоевскаго въ приведенныхъ только-что цитатахъ. Говоря о народѣ, Константинъ Сергѣевичъ всегда удалялся въ глубь исторіи и сливалъ въ одно понятіе народъ удѣльнаго періода, народъ 1612 года и народъ нашихъ дней. Сквозь туманъ восторженныхъ словъ о парадныхъ, такъ сказать, сторонахъ народной жизни, проявляющихся только въ великихъ историческихъ событіяхъ, у Константина Аксакова, какъ у всѣхъ,

впрочемъ, славянофиловъ, трудно было проглядѣть, какъ онъ себѣ рисуетъ народъ въ его повседневномъ, будничномъ быту, и только въ одномъ „Князѣ Луповицкомъ“ онъ сколько-нибудь подробно и остановился на этой повседневной жизни нашего народа. Вотъ почему и любопытно ознакомиться съ названной „комедіей“, самой по себѣ очень слабой, но зато дающей болѣе детальный матеріалъ для оцѣнки практической, жизненной цѣнности народолюбія Конст. Сергѣевича. И если еще вспомнить, что „Князь Луповицкій“ писанъ въ 1851 г., т. е. въ тѣ же, приблизительно, годы, когда писались „Записки охотника“ „Антонъ Горемыка“ и другія произведенія изъ народной жизни, исходившія изъ противоположнаго лагеря, то на „комедіи“ Константина Аксакова можно будетъ наглядно прослѣдить разницу между демократизмомъ западническаго лагеря русской интеллигенціи и демократизмомъ славянофиловъ.

Содержаніе комедіи состоитъ вотъ въ чемъ:

Богатый князь Луповицкій, проживающій въ Парижѣ, въ одно прекрасное послѣ обѣда, объявляетъ своимъ пріятелямъ, что онъ твердо рѣшилъ уѣхать на время въ Россію съ цѣлью „цивилизовать“ своихъ крестьянъ. Пріятели его удерживаютъ. Одинъ изъ нихъ—графъ Долонскій, заявляющій, что для него Россія есть мѣсто, откуда онъ получаетъ деньги, отказывается понимать намѣренія Луповицкаго:

„Вѣдь наши мужики, вѣдь это развѣ люди? Знаешь, какое ихъ назначеніе? Ихъ назначеніе, чтобы мы, люди образованные, могли наслаждаться всѣми удовольствіями цивилизаціи, c'est le mot; чтобы я, напримѣръ, могъ жить въ Парижѣ и, между прочимъ, обѣдать въ Café de Paris. Вотъ для чего мужики, чтобы намъ давать средства на всѣ цивилизованныя удовольствія; c'est leur mission sur la terre, ils ne sont bons, qu'à ça, et c'est encore trop d'honneur pour eux“.

Приблизительно то же самое думаетъ другой пріятель—баронъ Салютинъ, который, кромѣ того, проводитъ мысль, что, если уже Луповицкій ни за что не хочетъ отстать отъ своей блажи и непремѣнно уже желаетъ „цивилизовать“ своихъ крѣпостныхъ, то долженъ это сдѣлать силою:

„Э! mon ami, непремѣнно надо употребить силу; даже и убѣждать нечего пробовать; надо знать, съ кѣмъ быть деликатнымъ. Нужна желѣзная рука, mon cher,—une main de fer. Такъ только надо учить необразованный народъ. Сломай его, сдѣлай изъ него тѣсто, faites en une

pâte,—и потомъ лѣпи, что угодно. C'est ainsi, que Pierre le Grand a agi envers nous. Eh bien, кажется, трудъ не потерянъ. Мы можемъ быть ему благодарны за это; мы, надѣюсь, стали вполнѣ образованными людьми, можемъ быть собою довольны. Force brutale est très neccessaire et très utile envers les brutes".

Луповицкій не поддается, однако же, пріятелямъ. Онъ полагаетъ, что „русскій народъ также часть человѣчества" и что поэтому „къ русскому народу,—дикому, положимъ, необразованному, положимъ, можно, однако же, привить просвѣщеніе европейское". Планъ его дѣйствій состоитъ въ томъ, чтобы „сивилизовать" и придать „видъ", какой надобно „тѣмъ зародышамъ", которые уже есть въ народѣ.

„Напримѣръ, благотворительность; вѣдь, конечно, мужикъ дѣлаетъ добро, n'est ce pas? Но какъ онъ дѣлаетъ?—подаетъ нищимъ; это грубо-необразованно, n'est ce pas? Я возьму это свойство въ мужикѣ,—и сивилизую. Онъ будетъ, какъ-нибудь, что-нибудь дѣлать въ пользу бѣдныхъ, какъ мы дѣлаемъ, но баловъ, конечно, у нихъ нельзя завести, нужно что-нибудь другое: ужъ я придумаю".

И вотъ, запасшись „всѣмъ, что вышло на французскомъ языкѣ объ Россіи", Луповицкій ѣдетъ въ свою деревню, гдѣ, собравши мужиковъ, произноситъ имъ, „ставши въ позу", слѣдующую рѣчь:

„Съ большимъ удовольствіемъ принимаю я изъявленіе вашей... вашей признательности, или скорѣе любви ко мнѣ,—любви, еще не заслуженной мною. Но я надѣюсь заслужить ее. Вѣрьте (*одушевляя себя*), о да, вѣрьте, что и я люблю васъ. Я постараюсь устроить вашъ бытъ, передать вамъ плоды просвѣщенія, роскошные плоды наукъ и искусствъ—(*горячась*), ничего не пожалѣю для этого, никакихъ трудовъ, ни... безсонныхъ ночей, ни... утомительныхъ дней, ни... препятствія природы, ни человѣческія препятствія не остановятъ меня.— Гдѣ ваши орудія, омоченныя не разъ благороднымъ потомъ вашимъ? Гдѣ соха, гдѣ пила? Дайте мнѣ ихъ! Моя рука не побоится прикоснуться къ нимъ, если нужно.—Но важнѣйшій трудъ предстоитъ мнѣ, я говорилъ о немъ сейчасъ.—Это тѣ нравственныя сокровища, которыя передамъ я вамъ, добытыя мною отъ Запада Европы, это—сѣмена умственныя, которыя долженъ разсѣять я здѣсь.—Вы поймете меня. Ваше сочувствіе, въ которомъ я не сомнѣваюсь, будетъ для меня лестною наградою. Повѣрьте мнѣ, я васъ увлажаю, и докажу это! Вы можете считать на меня. (*Пауза*). Господа! я въ вашихъ распоряженіяхъ. (*Въ сторону*). Какъ хорошо бы это было по-французски!"

Понятно, что крестьяне въ недоумѣніи молчатъ въ отвѣтъ на эту рѣчь.

Болѣе детально развиваетъ Луповицкій отдѣльные пункты своей „сивилизаціонной“ программы въ разговорѣ со старостой Антономъ. И тутъ-то начинается для Луповицкаго рядъ посрамленій, обусловленныхъ его полнѣйшимъ незнаніемъ народной жизни. Дѣло начинается съ того, что Луповицкій совѣтуетъ быть религіозными:

„Лупов. Исполняйте, что велитъ вамъ религія или вѣра. *Старостa.* Мы исполняемъ, сколько силы нашей. *Луп.* Однако, Антонъ, я вѣдь былъ сегодня въ церкви; конечно, я пришелъ не къ началу, однако служили еще,—и я видѣлъ, что народу не много. *Стар.* Да вы, батюшка, послѣ обѣдни пришли; а это служили молебны, такъ тѣ и остались, кто служилъ, а другіе разошлись. *Луп.* (*сконфузившись*). Да, точно да, молебны.—Позволь, однако, позволь: тамъ священникъ давалъ крестъ цѣловать. *Стар.* Да какъ же, батюшка, это за всякимъ молебномъ бываетъ. *Луп.* (*совсѣмъ сконфузившись*). Бываетъ, да, бываетъ, точно (*принимается за завтракъ*). Не хочешь ли ты позавтракать? Я велю тамъ подать (*указываетъ ему на свой завтракъ*). *Стар.* Нѣтъ, батюшка, не стану. *Луп.* Отчего? *Стар.* У насъ постъ, батюшка; это скоромное. *Луп.* Постъ,—какой постъ? *Стар.* Петровки, батюшка. *Луп.* Петровки (*кладетъ вилку и ножикъ*). Признаюсь, не зналъ“.

Потерпѣвъ пораженіе по предмету насажденія религіозности, Луповицкій смотритъ въ бумажку, гдѣ у него намѣчены всѣ пункты его „сивилизаціоннаго“ плана и переходитъ къ насажденію благотворительности:

Луп. Вотъ что я придумалъ. Вы устройте у себя благотворительный хороводъ. *Стар.* Что-жъ это будетъ такое? *Луп.* А вотъ что. Когда у васъ соберутся для хоровода,—каждый, кто захочетъ участвовать, дастъ по копѣйкѣ, или по полушкѣ въ общую сумму, для бѣдныхъ; а потомъ эти деньги и будетъ раздавать нищимъ, настоящимъ нищимъ, тотъ, кого хоть я назначу.—А? хорошо? *Стар.* Умныя твои рѣчи, батюшка. Только вотъ что: у насъ есть въ церкви кружка для бѣдныхъ. Хороводъ-то, веселье-то зачѣмъ? *Луп.* А веселье-то для того, чтобы охотнѣе дали: иной бы, можетъ быть, безъ этой причины и не подалъ, а для веселья подастъ. *Стар.* Стало, батюшка, человѣкъ ужъ тутъ не для Бога, а для своей потѣхи нищему подастъ. Гдѣ-жъ тутъ доброе-то дѣло будетъ? Для души-то что? *Луп.* Положимъ, добраго дѣла собственно нѣтъ; для души, какъ ты выражаешься, нѣтъ; да все же польза. *Стар.* Ужъ коли, батюшка, въ такомъ дѣлѣ святомъ, что нищему подать, для души ничего не будетъ, такъ ужъ тутъ какая польза,—тутъ вредъ, да и какой. Вѣдь, какъ нищаго увидишь—и вздохнешь, и подумаешь, что вотъ-де нищая братья, да и подашь, такъ оно для души много. А тутъ что это будетъ? Гамъ, веселье. Что, дескать, вамъ о нищей братіи думать; знай веселись, да себя тѣшь: вотъ тебѣ и доброе дѣло сдѣлалъ

Провалившись и тутъ, Луповицкій заводитъ рѣчь о грамотѣ и о томъ, чтобы завести школу. Староста согласенъ, что „грамота хорошее дѣло: ученье свѣтъ, а неученье тьма“, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ барину: „чѣмъ школу заводить, батюшка, а ты пономарю дай жалованье за выучку, за каждаго, хоть рубля четыре или хоть три, онъ тебѣ и учить станетъ и выучитъ“. Луповицкій соглашается и только желалъ бы „книгъ накупить, книгъ для народа, принаровленныхъ къ понятію народа“.

Стар. Какія же это книги, батюшка? *Луп.* Есть много такихъ книгъ, нарочно написанныхъ для простого ума. Въ нихъ разсуждается о предметахъ, нужныхъ для крестьянина; напримѣръ, о томъ, что такое быкъ? *Стар.* Быкъ? *Луп.* Ну, да, быкъ. Я думаю, быкъ много значитъ въ вашемъ быту. *Стар.* Неужто же, батюшка, мы быка не знаемъ? Неужели и того не знать, около чего цѣлый вѣкъ ходишь? *Луп.* Тамъ не только о быкѣ; тамъ о нравственныхъ обязанностяхъ; тамъ говорится, что не надо лгать, пьянствовать, ну... и такъ далѣе. Вѣдь эти книги для васъ нужны. *Стар.* И по нашему, батюшка, не годится пьянствовать и лгать; да вѣдь кто-жъ этого не знаетъ? Не дѣлаютъ только. *Луп.* Ну, да все же не худо объ этомъ еще почитать. *Стар.* Не худо, кто говоритъ, только ужъ объ этомъ давно написано и хорошо написано; врядъ ли ужъ лучше написать можно. На это ужъ есть книги. *Луп.* Гдѣ? Какія? *Стар.* Священныя книги, батюшка. Вотъ ихъ-то ты намъ купи, батюшка, сдѣлай милость“.

Заводитъ, затѣмъ, Луповицкій рѣчь о неопрятности крестьянской:

„Посмотри, какія у тебя грязныя руки, вѣдь какая разница съ моими (*сравниваетъ свою руку съ рукою старосты*). Просто даже совѣстно. *Стар.* Кому, батюшка, совѣстно? *Луп.* Конечно, тебѣ должно быть совѣстно. *Стар.* Э, батюшка, въ навозѣ возимся, какъ же быть-то? Оттого батюшка, твои ручки и бѣлы, что наши черны,—ну, и на здоровье“.

Не увѣнчивается большимъ успѣхомъ планъ Луповицкаго поднять крестьянскую нравственность посредствомъ награжденія за добрыя дѣла.

„*Луповицкій.* Если кто изъ огня кого-нибудь выхватитъ, ну тамъ, ну какъ-нибудь, еще поможетъ, ну, денегъ дастъ—такъ этому я даю кушакъ шелковой, шитый золотомъ, а женщинѣ жемчужныя серьги. Ты, опять молчишь.—Неужто и это не нравится? *Стар.* Вотъ что, батюшка, я тебѣ скажу. Дѣлаетъ человѣкъ доброе дѣло: вѣдь онъ, батюшка, не изъ награды его дѣлаетъ; такъ ты наградою его обидишь, да и доброе то дѣло ты не добромъ покажешь. А коли для награды доброе дѣло кто сдѣлалъ, такъ ужъ это какое доброе дѣло?—и награждать-то его не за что“.

Такъ-то отбрилъ простой мужичекъ представителя парижской „сивилизаціи“ и, пунктъ за пунктомъ, разрушаетъ всю программу либеральнаго барина, такъ что тотъ, „совершенно сбитый съ толку“, долженъ сказать себѣ: „Battu, completement battu. Какъ онъ уменъ, однако, этотъ Антонъ. Недаромъ говорятъ, что народъ русскій имѣетъ умъ, еще бы! бездну ума“.

Но не только предъ умомъ „народа русскаго“ приходится преклониться парижскому „сивилизатору“. Разыгрывается предъ его глазами такое зрѣлище: собираются его крестьяне на сходку затѣмъ, чтобы рѣшить, кого сдать въ рекруты. Большинство высказывается за то, чтобы отдать безроднаго парня Андрюху. Но такое рѣшеніе вызываетъ рѣзкій протестъ стараго крестьянина Прохора:

„Вы хотите Андрюху отдать; онъ, дескать, сирота. Такъ это, выходитъ, отдаемъ мы въ солдаты безпомощнаго. Сиротство его, выходитъ, мы ему въ вину ставимъ. Такъ ли? А? Подумайте. Не грѣхъ ли это будетъ? Виноватъ ли онъ, что сирота? Что некому за нимъ поплакать, да поскорбѣть; такъ вѣдь онъ и самъ тому не радъ; вѣдь его горе— сиротство-то; а тутъ мы къ горю да еще горе на него навалимъ. Такъ, что ли? Нѣтъ, братцы; грѣхъ будетъ міру сироту обидѣть; передъ Богомъ грѣхъ; онъ плакаться на насъ Богу будетъ. Ужъ если нѣтъ у него ни роду, ни племени, некому заступиться, такъ міръ ему заступникъ. Вотъ, по-моему, какъ“.

Слова Прохора производятъ впечатлѣніе. Сходка соглашается, что, дѣйствительно, „грѣхъ будетъ сироту обидѣть“, и рѣшаетъ, что у кого больше сыновей, тотъ долженъ выставить рекрута. На бѣду оказывается, что больше всего сыновей у любимаго всѣми старосты Антона. Какъ тутъ быть? Какъ тутъ соблюсти справедливость, какъ сдѣлать, чтобы и старосту не обидѣть и вмѣстѣ съ тѣмъ не заставить „помилованіемъ“ старосты отдуваться кого-нибудь изъ прочихъ крестьянъ. И вотъ, по совѣту того же правдолюба Прохора, сходка постановляетъ купить рекрутскую квитанцію, которая стоитъ ни много, ни мало—800 руб. серебромъ. Съ удивленіемъ узнаетъ объ этомъ рѣшеніи Луповицкій, который былъ увѣренъ, что отдадутъ Андрея. „Некому заступиться“, говоритъ онъ въ изумленіи, „такъ міръ заступникъ... mais c’est sublime, c’est beau, ça!“ „C’est de la clemence, c’est touchant“, говоритъ онъ затѣмъ по поводу того, что

старосту „помиловалъ“ міръ: „il est imposant ce міръ. Я сегодня очень доволенъ; сегодня прекрасный для меня день. Міръ познакомилъ меня съ собой своимъ возвышеннымъ, истинно-благороднымъ поступкомъ. Я уѣду отсюда съ большимъ почтеніемъ къ народу. Je vous estime, monsieur le peuple“.

Таково содержаніе комедіи, столь слабой въ литературномъ отношеніи, но очень цѣнной для уясненія основныхъ пунктовъ народолюбія Константина Аксакова. Въ историко-публицистическихъ статьяхъ его эти пункты изложены расплывчато, туманно, а главное—разбросанно и отрывочно, такъ что для полученія полной картины пришлось бы прибѣгать къ мозаикѣ; здѣсь же все ясно до схематичности. Сама собою слагается такая формулировка:

1) Народъ не нуждается ни въ какихъ указаніяхъ, въ особенности со стороны нашихъ нахватавшихся верховъ европейской цивилизаціи „культурныхъ людей“.

2) У народа есть свое стройное и устойчивое міросозерцаніе, не только вполнѣ пригодное для ежедневной, сѣрой крестьянской жизни, но способное выдержать натискъ міросозерцанія людей, безконечно превосходящихъ мужика образованіемъ и соціальнымъ положеніемъ.

3) Въ частности, у народа есть своя самобытная нравственность и своя, если и не самобытная, то все-таки окрашенная самостоятельнымъ пониманіемъ религіозность; на совокупности нравственно-религіозныхъ представленій народа и строятся соціальныя отношенія крестьянской общины.

4) Народная нравственность основана на чувствѣ справедливости. Нравственность и справедливость народъ никогда не понимаетъ въ формальномъ, математическомъ смыслѣ. Вотъ почему, строго блюдя интересы *всей* общины народъ все-таки заботится и о томъ, чтобы не только интересы меньшинства, но даже интересы отдѣльныхъ личностей не страдали бы отъ соблюденія мірскихъ выгодъ.

5) Религіозность народа, какъ и нравственность его, не внѣшняя и не показная. Она есть удовлетвореніе внутренняго призыва къ добру.

6) Источникъ нравственности и религіозности народа кроется въ исповѣдуемой имъ православной вѣрѣ. Когда староста Антонъ, пунктъ за пунктомъ, разрушилъ всю „сиви-

лизаціонную“ программу своего барина, между „сбитымъ совершенно съ толку“ Луповицкимъ и его собесѣдникомъ происходитъ такой разговоръ:

„*Луп.* Антонъ, ты гдѣ учился? *Стар.* Нигдѣ, батюшка. *Луп.* Грамотѣ умѣешь? *Стар.* Умѣю, батюшка. *Луп.* Что ты читалъ? *Стар.* Церковныя книги, батюшка“.

7) Совокупность всего вышесказаннаго создала глубокосвоеобразный правовой, экономическій и нравственный институтъ—крестьянскій „міръ“, который есть хранитель истинно-народныхъ традицій и панацея противъ тѣхъ золъ, которыя при иномъ строѣ повели бы къ цѣлому ряду соціальныхъ и индивидуальныхъ несправедливостей.

Таковы основные пункты народолюбія Константина Аксакова, прямо вытекающіе изъ его якобы „комедіи“. Но есть въ этой пьесѣ еще кое-что, что не сразу бросается въ глаза и требуетъ кое-какихъ разъясненій. Разъясненій тѣмъ болѣе необходимыхъ, что дѣло идетъ объ основной чертѣ всего міровоззрѣнія Константина Аксакова. Мы говоримъ о томъ *мажорномъ тонѣ*, въ которомъ написанъ „Князь Луповицкій“ и который характеризуетъ не только Константина Аксакова, но и всю славянофильскую школу. Этимъ тономъ Константинъ Аксаковъ отличается не только отъ западниковъ сороковыхъ годовъ, но и отъ народниковъ позднѣйшей формаціи, не менѣе его восторженно относившихся къ складу народной души и къ основамъ народно-общинной жизни. И является у Аксакова этотъ тонъ, потому что *генезисъ* его народолюбія не тотъ, что у народолюбцевъ противоположнаго лагеря.

Если мы, въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ исторіи западническаго народолюбія, намъ не трудно будетъ убѣдиться, что источникъ его кроется: 1) въ чувствѣ *жалости* нравственно-чуткихъ представителей русскаго культурнаго класса къ бѣдственному положенію мужика и 2) въ чувствѣ *раскаянія*, которое испытывали „сыны народнаго бича“ при мысли о своей причастности грѣху вѣкового угнетенія крѣпостного раба. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда шедшія къ намъ изъ Франціи „филантропическія“, по терминологіи того времени, идеи привели къ необыкновенно яркому пробужденію *общественныхъ* чувствъ, вопросъ о народѣ сталъ однимъ изъ центральныхъ вопросовъ времени. Поколѣніе, вся духовная

жизнь котораго сосредоточилась на размышленіяхъ о томъ, справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, прежде всего стало болѣть душою за „униженныхъ и оскорбленныхъ“ вообще и за русскаго крѣпостного мужика въ частности. Глашатай этого поколѣнія—„неистовый Виссаріонъ“, съ тою же восторженною энергіею, съ которою онъ нѣкогда требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, началъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной теденціи, подразумѣвая подъ нею, по преимуществу, все ту же защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“ вообще и мужика въ частности. И чутко внимавшіе пламенному искателю истины молодые таланты того времени поддались неотразимому вліянію горячей убѣжденности Бѣлинскаго и, точно сговорившись, почти въ одинъ и тотъ же годъ, предстали предъ изумленною публикою съ рядомъ превосходныхъ произведеній, въ основѣ которыхъ лежали самыя широкія симпатіи къ загнанному простолюдину. Явился Григоровичъ съ „Деревней“ и „Антономъ Горемыкой“, въ которыхъ впервые былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ. Явился Тургеневъ съ „Записками охотника“, въ которыхъ то же желаніе очеловѣчить мужика было проведено съ еще бо́льшею теплотою. Явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ вліяніемъ прежніе „мечты и звуки“ и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ *страданіямъ* и психологіи народной души.

Итакъ, желаніе выяснить, что крѣпостной рабъ есть тоже человѣкъ, и что, слѣдовательно, его страданія должны быть облегчены,—вотъ на чемъ зиждется народолюбіе писателей школы Бѣлинскаго. Но именно потому-то въ ихъ произведеніяхъ и не могло быть того мажорнаго тона, того изображенія народа бодрымъ и полнымъ сознанія своихъ внутреннихъ силъ, которое мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ славянофильскаго направленія.

Правда, могло быть мажорное *негодованіе*, но такъ какъ этому мѣшали цензурныя условія, то въ результатѣ и получилось, что почти всѣ произведенія изъ народной жизни, вышедшія изъ-подъ пера людей западническаго лагеря 40-хъ годовъ, написаны въ гуманно-сострадающемъ тонѣ, цѣль ко-

тораго вызвать и въ читателѣ состраданіе къ крестьянской недолѣ.

Изъ діаметрально-противоположнаго источника вытекло народолюбіе славянофиловъ или, чтобы держаться ближе предмета настоящаго этюда, народолюбіе Константина Аксакова. Если Тургеневу, Григоровичу, Некрасову мужикъ былъ близокъ потому, что они въ немъ видѣли *человѣка*, и притомъ человѣка, нуждающагося въ сочувствіи и помощи, то Константину Аксакову мужикъ былъ дорогъ, главнымъ образомъ, какъ хранитель „истинно-русскихъ“ традицій. Не потому любилъ Константинъ Аксаковъ мужика, что мужикъ— нашъ меньшій братъ, и, значитъ, долженъ имѣть такое же мѣсто за столомъ жизненнаго шествія, какъ и мы сами, а потому, что онъ видѣлъ въ мужикѣ живой обломокъ дорогого ему древне-русскаго быта. И вотъ почему, совершенно закрывая глаза на реальную дѣйствительность и на тѣ печальныя условія, среди которыхъ протекала жизнь крѣпостного мужика, онъ изображалъ ее въ такихъ оптимистическихъ краскахъ, въ такомъ мажорномъ тонѣ, что иностранецъ, который, не зная другихъ произведеній, рисующихъ крѣпостной бытъ, захотѣлъ бы по „Князю Луповицкому“, да и по остальнымъ писаніямъ Константина Аксакова составить себѣ представленіе о крестьянской жизни въ эпоху крѣпостного права, вынесъ бы изъ этихъ писаній самое розовое впечатлѣніе. Такъ, въ „Князѣ Луповицкомъ“ всѣ крестьяне очень зажиточны и въ порывѣ великодушія даютъ 800 рублей, изъ которыхъ 100 даетъ староста, представляющій собою, замѣтьте, не обычный типъ воруги-старосты, обкрадывающаго барина и выжимающаго сокъ изъ мужика и потому имѣющаго въ кубышкѣ не малую толику награбленныхъ денегъ. Напротивъ того, онъ—человѣкъ высоко-честный и, слѣдовательно, вполнѣ нормальнымъ путемъ нажилъ свой достатокъ. Когда, еще неузнанный своими крестьянами, Луповицкій стороною спрашиваетъ одну изъ попавшихся ему бабъ, какъ живется мужикамъ его деревни, она ему говоритъ: „Намъ грѣхъ Бога гнѣвить, намъ хорошо“. Словомъ, настоящая Аркадія.

И если бы мы не знали, что Константинъ Аксаковъ былъ человѣкъ, весь горѣвшій святымъ огнемъ стремленія къ

истинѣ, то всѣ эти усилія выставить черное бѣлымъ и ликовать тамъ, гдѣ у другихъ вырывались стоны отчаянія, были-бы достойны того, чтобы сопричислить ихъ къ славославію Булгарныхъ и Гречей. Но на самомъ дѣлѣ, конечно, тутъ и рѣчи не можетъ быть о сколько-нибудь намѣренномъ квіетизмѣ и умышленномъ закрываніи глазъ. Все дѣло исключительно въ томъ, что, упрекая другихъ въ кабинетности и незнаніи народа, Константинъ Аксаковъ, какъ улитка прожившій всю свою жизнь въ раковинѣ отцовскаго дома, самъ болѣе другихъ былъ въ этомъ повиненъ и считалъ „знаніемъ“ народа изученіе былинъ Владимірова цикла и лѣтописей. Живые же люди, съ которыми ему пришлось водить дружбу послѣ разрыва съ кружкомъ Станкевича и Бѣлинскаго, всѣ эти Хомяковы, Самарины, Кирѣевскіе, наконецъ (почти всю жизнь) собственный отецъ его—были люди очень богатые, не имѣвшіе рѣшительно никакой надобности сколько-нибудь дурно обращаться со своими крестьянами. Если мы вспомнимъ, съ какимъ добродушіемъ относится Сергѣй Тимофеевичъ къ крѣпостному праву, то намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, что и въ сынѣ его, разъ онъ жизни не зналъ, только теоретическіе импульсы могли создать иное, болѣе озлобленное отношеніе. Но именно теоретическіе-то импульсы и направляли его на иные пути борьбы. Тѣ импульсы, которые вдохновляли бывшихъ друзей Константина Сергѣевича на возможно рѣзкій протестъ противъ темныхъ сторонъ крѣпостного права, для него были несимпатичны уже въ источникѣ своемъ: помимо того, что они шли съ Запада, они говорили о враждѣ и „фрондерствѣ“, столь нелюбимыхъ имъ. Свое же общее міросозерцаніе и складъ восторженной натуры гнули въ сторону усматриванія положительныхъ сторонъ. Правда, это, въ конечномъ результатѣ, не умаляло отвращенія Константина Аксакова къ крѣпостному праву, въ ненависти къ которому онъ едва ли уступалъ кому бы то ни было. Но со стороны-то, для читателя-то, получалось очень странное впечатлѣніе, получался тотъ совершенно неумѣстный мажорный тонъ, то идиллическое изображеніе крѣпостного быта, по поводу котораго каждый крѣпостникъ и рабовладѣлецъ могъ сказать: зачѣмъ отмѣнять крѣпостное право, когда при немъ народу такъ хорошо живется.

Такимъ образомъ, по главному пункту, въ которомъ могло практически сказаться народолюбіе человѣка 40-хъ годовъ, Константинъ Аксаковъ проявилъ какой-то академическій холодъ, совершенно не вязавшійся съ общимъ, горячимъ складомъ его личнаго и писательскаго облика. Онъ, который произнесъ въ теченіе своей литературной дѣятельности такъ много негодующихъ словъ по адресу людей и понятій, всего только повинныхъ въ „обезьянничаніи“ европейскихъ „шаблоновъ“, болѣе чѣмъ рѣдко говорилъ о бѣдности и приниженности мужика. Предпочитая дѣйствовать на пользу народа изображеніемъ его высокихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, Аксаковъ весь уходилъ въ панегирическіе дифирамбы его историческому прошлому и современному бодрому самосознанію. Но не имѣетъ дифирамбъ такого доступа къ сердцу читателя, какъ слово состраданія и сожалѣнія, и вотъ почему народолюбіе „оторванныхъ“ отъ почвы западниковъ было практически плодотворнѣе, чѣмъ народолюбіе одѣвшагося въ мурмолку Константина Сергѣевича. Эти „оторванные“ люди получили величайшую награду, какая только можетъ выпасть на долю писателя—ихъ произведенія дали огромный толчокъ освобожденію народа изъ-подъ вѣкового гнета. Все русское общество, начиная съ императора Александра II, именно на Тургеневѣ, Григоровичѣ и частью на Некрасовѣ воспитало свое отвращеніе къ крѣпостному праву, а дифирамбы Константина Аксакова были въ свое время извѣстны только его друзьямъ и журналистамъ, а теперь—историкамъ литературы.

Сформулировавши на стр. 110 основные пункты народолюбія Константина Аксакова и давши затѣмъ характеристику общаго тона этого народолюбія, я ознакомилъ читателя съ одною изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ его духовной физіономіи. Перейдемъ теперь къ другимъ руководящимъ идеямъ его и къ другимъ родамъ учено-литературной дѣятельности, въ которыхъ разбрасывавшійся на всѣ стороны Константинъ Сергѣевичъ проявлялъ свое разнообразное творчество. Такъ великъ былъ пылъ этого пламеннаго искателя истины и такъ стремителенъ напоръ переполняв-

шихъ его чувствъ, что онъ въ теченіе 25 лѣтъ своихъ научно-литературныхъ занятій не могъ сконцентрироваться на чемъ-нибудь одномъ. Стихи, драмы, критика, исторія вообще, исторія литературы въ частности, публицистика, филологія, все это шло въ перемежку и все это интересовало автора не само по себѣ, а какъ средство пропагандировать свои общественно-политическіе взгляды.

X.

Критическія статьи.

Въ хронологическомъ порядкѣ Константинъ Сергѣевичъ послѣ „изящной словесности“ раньше всего сталъ работать на поприщѣ критики, начавъ съ мелкихъ рецензій въ „Московск. Наблюдателѣ“, редакціею котораго въ концѣ 30-хъ годовъ завѣдывалъ Бѣлинскій и его друзья. Въ 1842 г. Аксаковъ издаетъ небольшую брошюру о „Мертвыхъ душахъ“. Когда я первый разъ писалъ объ этой брошюрѣ, я сообщалъ о ней слѣдующее:

Самой брошюры, ставшей чрезвычайною библіографическою рѣдкостью, намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть, но о ней даютъ весьма полное понятіе двѣ посвященныя ей статейки Бѣлинскаго и сердитый отвѣтъ на нихъ, напечатанный задѣтымъ Константиномъ Аксаковымъ въ „Москвитянинѣ“ 1842 г. (№ 9). Впрочемъ, весь этотъ инцидентъ любопытенъ не столько самъ по себѣ, сколько для характеристики взаимныхъ отношеній полемизировавшихъ. Недавніе горячіе друзья обмѣнивались такими колкостями, что, со стороны глядя, трудно было допустить мысль, что еще какихъ-нибудь два года раньше противники души не чаяли другъ въ другѣ. Да и самый объектъ спора — черезчуръ восторженное отношеніе Константина Аксакова къ Гоголю довольно удивителенъ для всякаго, кто знаетъ, что именно въ кружкѣ Бѣлинскаго и развилось пламенное „гоголефильство“ автора брошюры. Но и то сказать, „гоголефильство“ „гоголефильству“ рознь. Если у Бѣлинскаго хватило мужества еще въ 1835 г. такъ-

таки en toutes lettres написать, что Гоголь—геній, то это одно изъ самыхъ блестящихъ проявленій его критической проницательности. Но когда не знавшій удержу въ своихъ симпатіяхъ Константинъ Сергѣевичъ написалъ, что въ „Мертвыхъ душахъ“ воскресаетъ древній эпосъ и что, по „акту творчества“, рядомъ съ Гоголемъ могутъ быть поставлены только Гомеръ и Шекспиръ, то это была простая безвкусица.

О внѣшней формѣ восторженнаго по содержанію панегирика Бѣлинскій отозвался такимъ образомъ:

„Брошюра г. Константина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и поэтому въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и потому же въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчатость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость“.

Зная высокій нравственный обликъ Бѣлинскаго, невозможно даже на одну минуту допустить, чтобы этотъ отзывъ былъ продиктованъ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ искренняго желанія дать читателю понятіе о литературной сторонѣ брошюрки. Самый же фактъ совершеннаго несоотвѣтствія вялой формы и восторженнаго содержанія можно объяснить отчасти тѣмъ, что, какъ уже было отмѣчено мною, *пафосъ мысли и чувства* вообще не соотвѣтствовалъ въ произведеніяхъ Константина Аксакова *пафосу изложенія*. А еще болѣе тѣмъ, что брошюрка, судя по выдержкамъ, приведеннымъ у Бѣлинскаго, писана на томъ малопонятномъ и до-нельзя путанномъ гегеліанскомъ жаргонѣ, который одинъ остроумный московскій профессоръ 40-хъ годовъ назвалъ „птичьимъ языкомъ“. Этотъ „птичій языкъ“ портилъ статьи даже такого блестящаго стилиста, какъ Герценъ, который самъ впослѣдствіи добродушно смѣялся надъ слогомъ своихъ гегеліанскихъ мудрствованій. Мы уже знаемъ, что страсть всюду видѣть подтвержденіе гегеліанскихъ тезисовъ доходила у членовъ кружка Станкевича до того, что „человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ

хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи". Брошюрка К. Аксакова, даже въ тѣхъ только частяхъ, которыя приведены у Бѣлинскаго, написана точно нарочно для того, чтобы иллюстрировать эту характеристику. Такъ, между прочимъ, по „птичьей" терминологіи юнаго гегеліанца выходило, что, любя ѣзду на тройкахъ, Чичиковъ не просто любилъ скорую ѣзду, а сливался въ это время съ субстанціей русскаго народа, тоже любящаго ѣзду на тройкахъ.

Такъ я писалъ о брошюрѣ, не имѣя возможности съ нею ознакомиться, потому что ея въ 1887 г. даже въ Публичной Библіотекѣ не было. Теперь эта великая библіографическая рѣдкость Библіотекой случайно пріобрѣтена. Въ виду такой рѣдкости я счелъ не лишнимъ воспроизвести въ приложеніи къ настоящему тому небольшую брошюру цѣликомъ.

Ознакомившись съ нею, нельзя не признать отношеніе Бѣлинскаго къ чрезмѣрнымъ восторгамъ своего недавняго друга въ общемъ правильнымъ. Можно, пожалуй, не согласиться съ тѣмъ, чтобы въ брошюрѣ не было „ни одного теплого, задушевнаго слова". Это невѣрно. Теплоты-то въ ней достаточно, но опять приходится отмѣтить, что отсутствіе у Конст. Аксакова дара изложенія сплошь да рядомъ приводила къ тому, что искреннія восторги его получали ходульное и напыщенное выраженіе.

Отмѣтимъ кстати, что отрицательное отношеніе къ брошюркѣ К. Аксакова было всеобщее. Начать съ того, что Погодинъ при всемъ своемъ „гоголефильствѣ" и при всей своей дружбѣ съ семьею Аксаковыхъ категорически отказался напечатать панегирикъ Константина Сергѣевича въ „Москвитянинѣ". А когда брошюра вышла отдѣльно, то по свидѣтельству Сергѣя Тимофеевича (въ его „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ"): „всѣ журналисты, всѣ непріятели и даже почти всѣ пріятели Гоголя, говоря буквально, взбѣсились. Градъ ругательствъ, злобныхъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій посыпались печатно и письменно на Константина".

Дурное отношеніе къ брошюрѣ объединило такихъ антиподовъ, какъ Бѣлинскій и Шевыревъ, и получился такой курьезъ, что ненавидѣвшій Бѣлинскаго Шевыревъ на него ссылается! „Всеобщій хохотъ читавшихъ брошюру Константина Аксакова, пишетъ Шевыревъ Погодину,—„даже его стороны, были ему возмездіемъ за гордость. Осрамился совершенно! Даже Бѣлинскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* сказалъ ему дѣло". Веневитинову-же Шевыревъ писалъ: „Павловъ боленъ глазами, и я уже говорю: Гомеръ, Мильтонъ и Павловъ въ pendant къ тѣмъ, которые кричатъ: Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь" (*Барсуковъ*, Жизнь Погодина, т. IV, 294).

Что касается Гоголя, то онъ былъ крайне недоволенъ брошюрой. Человѣкъ безпредѣльнаго самомнѣнія, Гоголь, конечно, остался-бы очень доволенъ ею, еслибы ее не подняли на смѣхъ. А теперь онъ сердился (ср., напр. Переписку Гоголя въ изд. Шенрока, т. II, 305) и даже черезъ два года не постѣснялся въ письмѣ къ Сергѣю Тимофеевичу сказать, между прочимъ: „Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись,—говорится, а такъ какъ Конст. Сергѣевичъ *опозорился въ глазахъ свѣта* на мнѣ (написавши статью о „Мертвахъ душахъ"), то мною-же долженъ быть подтолкнуть на прославленіе въ глазахъ того-же свѣта" (Ibid. 562—563).

Пять лѣтъ спустя—въ „Москов. Сборникѣ" 1847 г. Константинъ Сергѣевичъ выступаетъ подъ псевдонимомъ *Имрекъ* съ тремя критическими статьями бо́льшаго литературнаго значенія. Съ первой изъ нихъ, гдѣ авторъ въ лицѣ князя Одоевскаго напустился на всѣхъ „оторванныхъ" отъ народа интеллигентовъ вообще, мы уже знакомы. Вторая, посвященая „Опыту исторіи русской литературы" Никитенки вся состоитъ изъ очень грубыхъ выходокъ противъ петербургскаго профессора, болѣе всего провинившагося предъ рецензентомъ своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ допетровской старинѣ. Жестоко ему достается за одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о „звѣрскихъ брадатыхъ лицахъ" стрѣльцовъ. Но самое бо́льшее негодованіе критика возбудила одна тирада Никитенки, защищающая Петровскую ломку такими доводами: „что-за важность, если бы даже для облегченія по этой

дорогѣ пришлось бросить нѣкоторыя изъ старинныхъ привычекъ, надѣть новое платье, выбрить бороду, пить для подкрѣпленія силъ чай и кофе вмѣсто охмѣляющаго питья, отдыхать отъ трудовъ въ опрятныхъ и удобныхъ домахъ вмѣсто дымныхъ логовищъ".

„Логовищъ!" со справедливымъ негодованіемъ восклицаетъ критикъ по поводу этой дѣйствительно возмутительной тирады. „Мѣсто, гдѣ живетъ дикій звѣрь! Такъ называетъ г. Никитенко наши крестьянскія избы! Ибо ни къ чему другому не могутъ относиться его слова. Если онъ говоритъ про прошедшее, то бояре и прежде Петра не живали въ дымныхъ палатахъ; а наши бѣдныя дымныя избы носятъ на себѣ и теперь весь отпечатокъ древней Руси; итакъ, только къ нимъ могутъ относиться эти изумительныя слова. Но, оставя въ сторонѣ такую нѣжность выраженія, которую видно допускаетъ просвѣщенный и гуманный европеизмъ г. автора, спросимъ: развѣ это зависитъ отъ выбора—опрятный и удобный домъ? Развѣ нѣтъ тутъ матеріальныхъ условій богатства? Развѣ не согласился бы всякій промѣнять дымную избу на избу (или домъ), построенную опрятно и удобно?—Кажется—это не нужно доказывать. Налагать же упрекъ бѣдности на народъ, который живетъ въ дымныхъ логовищахъ, какъ имѣлъ духъ сказать г. Никитенко—это невыносимо".

Вотъ какую ноту взялъ вознегодовавшій критикъ въ пылу полемики! Мало она имѣетъ общаго съ тѣмъ мажорнымъ тономъ, который составляетъ главную особенность большинства другихъ писаній Константина Аксакова, трактующихъ о народѣ. Но это-то и доказываетъ справедливость сказаннаго мною выше по поводу народолюбія Аксакова, это-то и доказываетъ, что онъ не меньше западниковъ скорбѣлъ о бѣдности народной, но только кластъ жалость въ основу своего народолюбія, какъ дѣлали западники, мѣшала ему доктрина, по которой не жалѣть должны мы народъ, а, напротивъ того, завидовать ему и поучаться у него.

Третья статья Имрека-Аксакова въ „Московск. Сборн." разбираетъ изданный Некрасовымъ „Петербургскій Сборникъ", въ составъ котораго, какъ извѣстно, входили произведенія почти всѣхъ представителей тогдашней молодой прогрессивной литературы. Не любилъ ихъ Константинъ Сергѣевичъ, очень не любилъ. И все за ту же „оторванность" отъ народа. Больше всего, впрочемъ, досталось Достоевскому за „Бѣдныхъ людей" и „Двойника", въ которыхъ критикъ видѣлъ неудачное подраженіе Гоголю. Попало и Тургеневу, по мнѣнію критика, пишущему „постоянно плоше и плоше".

Поэму Майкова „Двѣ судьбы“ Имрекъ „прочелъ съ непріятнымъ и грустнымъ чувствомъ“. Что же касается статьи Бѣлинскаго о русской литературѣ, то въ ней петербургскій критикъ „обнаружилъ невѣжество“ и въ общемъ его статья есть „болтовня, повтореніе столько разъ повторявшейся болтовни о русской литературѣ, болтовни, которую встрѣчали мы въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Впрочемъ, не одно только осужденіе вызывали „петербургскіе“ литераторы въ Имрекѣ. Такъ какъ вражда къ нимъ была въ московской критикѣ исключительно идейная, то всякая черточка въ литературной дѣятельности противниковъ, сколько-нибудь симпатичная Константину Сергѣевичу и совпадающая съ основами его общественно-политическаго міросозерцанія, встрѣчала съ его стороны самое горячее одобреніе. Такъ, статью Искандера онъ причислилъ къ „числу умныхъ, замѣчательныхъ“. За то причислилъ, что она рѣзко бичевала ту условную ложь, которая у насъ въ обществѣ считается признакомъ благовоспитанности и которую, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ изъ приведенныхъ выше воспоминаній Бицына, Константинъ Аксаковъ ненавидѣлъ всѣми силами своей невыносившей никакихъ компромиссовъ чистой души.

Удѣлилъ Имрекъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ и стихотворенію Некрасова „Въ дорогѣ“, гдѣ такъ симпатично обрисованъ ямщикъ, несчастный въ своемъ неравномъ бракѣ съ крестьянкой, получившей барское воспитаніе. Но въ рѣшительный восторгъ привелъ его своимъ первымъ отрывкомъ изъ „Записокъ охотника“ Тургеневъ. Только-что отдѣлавъ его самымъ немилосерднымъ образомъ за тѣ произведенія, которыми Тургеневъ началъ свою писательскую карьеру, Имрекъ тутъ же поставилъ звѣздочку и въ примѣчаніи написалъ:

„Мы должны указать на появившійся въ 1 № „Современника“ превосходный разсказъ г. Тургенева *Хорь и Калинычъ*. Вотъ, что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: въ мигъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ,— все выходило вяло и безталантно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ,

и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ спѣшился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ, мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ".

Но всего обстоятельнѣе изложилъ Константинъ Сергѣевичъ свой взглядъ на нашу литературу вообще и на писателей эпохи 40-хъ и 50-хъ гг. въ частности въ обширномъ „Обозрѣніи современной литературы", напечатанномъ въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 г. Обозрѣніе состоитъ изъ небольшихъ замѣчаній чисто-литературнаго свойства, высказанныхъ по поводу отдѣльныхъ произведеній, только-что тогда появившихся, и изъ оцѣнокъ общихъ, которыя даютъ намъ возможность формулировать основные пункты литературныхъ принциповъ Аксакова.

Что касается отдѣльныхъ замѣчаній чисто-литературнаго свойства, то нельзя сказать, чтобы они отличались особенною тонкостью и глубиной. Мѣстами же критикъ доходитъ даже до большой безвкусицы. Такъ, находя, что плеяда поэтовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, т. е. Тютчевъ, Фетъ, Полонскій, Майковъ, Некрасовъ, Мей, Щербина, представляютъ собою сравнительный упадокъ русской поэзіи, онъ кого же изъ оставшихся въ живыхъ представителей „прошедшей эпохи стихотворства" противопоставляетъ имъ въ назиданіе? „Лира Жуковскаго", говоритъ онъ, „еще недавно звучала гармонически съ береговъ Рейна: иногда раздадутся замысловатые, и подчасъ полные чувства, стихи Вяземскаго, умные и колкіе стихи М. Дмитріева, или посвоему нѣкогда мелодическіе стихи Ѳ. Глинки". Чтобы не очень отвлекаться въ сторону, не станемъ пускаться въ требующее детальности разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько „замысловатые" стихи Вяземскаго и произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго значительнѣе произведеній вышеперечисленныхъ поэтовъ плеяды 40-хъ и 50-хъ годовъ. Но серьезно противопоставлять имъ какого-нибудь Ѳедора Глинку или

бездарнаго Михаила Дмитріева, про котораго Соболевскій такъ вѣрно сказалъ:

Онъ камеръ-юнкеръ при дворѣ
И камердинеръ на Парнасѣ,—

это уже грубѣйшая безвкусица.

Не свидѣтельствуетъ также о тонкости пониманія такая характеристика писательской манеры Тургенева: „У г. Тургенева, собственно въ разсказахъ, не касающихся крестьянскаго быта, развилась чрезмѣрная подробность въ описаніяхъ: такъ и видно, что авторъ не прямо смотритъ на предметъ и на человѣка, а *наблюдаетъ и списываетъ* (Курсивъ Аксакова). Онъ чуть не сосчитываетъ жилки на щекахъ, волоски на бровяхъ". „Жажда быть вѣрнымъ дѣйствительности", говоритъ въ другомъ мѣстѣ критикъ, „*доходитъ часто до цинизма у г. Тургенева*". Но всего страннѣе читать слѣдующій упрекъ Тургеневу:

„*Андрей Колосовъ* еще весь проникнутъ тѣмъ лермонтовскимъ направленіемъ, которое подъ ложнымъ видомъ будто бы силы скрываетъ только совершенное бездушіе, самый сухой эгоизмъ и крайнее безстыдство; эта сила—вещь весьма дешевая, какъ скоро бороться не съ чѣмъ. Повѣсть „Три портрета" самымъ возмутительнымъ и оскорбительнымъ образомъ выражаетъ то же направленіе. *Изъ уваженія къ г. Тургеневу мы бы не пожелали видѣть этой повѣсти въ печати*".

Желаніе—поистинѣ удивительное.. Выходитъ, такимъ образомъ, что авторъ виноватъ, если выведенныя имъ лица несимпатичны. Всякій, кто читалъ „Три портрета", помнитъ, конечно, какую они даютъ рельефную картину прошлаго, и именно то, что Аксаковъ изъ повѣсти почерпнулъ матеріалъ для сдѣланной выше (и совершенно правильно) характеристики людей печоринскаго склада, именно это-то и показываетъ, что, какъ художникъ, Тургеневъ исполнилъ свою задачу выпукло и ярко. Для полной послѣдовательности критику слѣдовало бы желать „не видѣть въ печати" и „Героя нашего времени", гдѣ впервые выведенъ ненавистный ему „сухой эгоизмъ", скрывающійся подъ „видомъ будто бы силы".

Чтобы покончить съ чисто-литературными вопросами разсматриваемой статьи отмѣтимъ въ ней одну подробность, на которую, мало обращали у насъ вниманія и которая, однако, весьма любопытна для исторіи нашихъ литературныхъ теченій

Уже при разборѣ стихотвореній Константина Аксакова было сказано, что враждебная идеямъ 60-хъ годовъ часть журналистики любила и любитъ подчеркивать, что такъ называемая „гражданская поэзія“, отодвигающая на второй планъ непосредственно-художественныя цѣли, создана въ русской литературѣ Некрасовымъ и прогрессивною критикою Добролюбова и Писарева. Утвержденіе это я находилъ только наполовину вѣрнымъ, доказывая, что, если присмотрѣться къ славянофильской поэзіи, то нетрудно убѣдиться, что въ лицѣ наиболѣе даровитыхъ представителей своихъ она задолго до движенія 60-хъ годовъ рѣшительно отвергла завѣтъ Пушкина быть поэзіей „звуковъ сладкихъ и молитвъ“ и всецѣло посвящала себя „житейскимъ волненіямъ“ и „битвамъ“.

Въ разсматриваемой статьѣ мы находимъ теоретическое обоснованіе такого пониманія поэзіи и даже прямую проповѣдь тенденціозности:

„Въ наше время“, говоритъ Константинъ Аксаковъ, „поэтическое произведеніе, хотя написанное съ талантомъ (ибо таланты всегда возможны), можетъ быть только средствомъ, однимъ изъ способовъ для изображенія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ о математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе спросилъ: *что этимъ доказывается*? Какъ ни страненъ этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ, произведеніи, является вопросъ, что этимъ доказывается? Таковы эпохи исканій, изслѣдованій, трудовыя эпохи постиженія и рѣшенія общихъ вопросовъ. Такова наша эпоха“ (стр. 15).

Это общее воззрѣніе критика легло въ основу отдѣльныхъ характеристикъ его. Такъ, къ Фету онъ относится насмѣшливо:

„любовь, любовь, любовь; милая, милая и милая: вотъ что на всѣ лады, не уставая, воспѣваетъ г. Фетъ“.

Столь же мало удовлетворяетъ его Мей, хотя онъ отмѣчаетъ у него „звучный прекрасный стихъ“. Въ антологическихъ стихотвореніяхъ Щербины, которыми такъ восхищались эстетики 40-хъ и 50-хъ годовъ, онъ видитъ только „излишество“ сочувствія къ древнему міру. По поводу же „Губернскихъ очерковъ“, которые кажутся Константину Сер-

гѣевичу „не произведеніемъ искусства, а ораторскою рѣчью“, онъ говоритъ:

„И въ добрый часъ! намъ нужны такія рѣчи. Сочиненія г. Щедрина имѣютъ общественный интересъ—и вотъ главная причина ихъ успѣха. Мы говорили уже, какъ важенъ общественный элементъ въ Россіи, и то что *это существенный элементъ нашей литературы*. Законное негодованіе, съ которымъ представлены всѣ общественныя искаженія, слышное даже тамъ, гдѣ авторъ, повидимому, въ сторонѣ, не можетъ не находить сочувствія во всѣхъ хорошихъ людяхъ и въ цѣломъ обществѣ. Успѣхъ „Губернскихъ очерковъ“ есть утѣшительное явленіе“ (стр. 36).

Если вспомнить, что всѣ только что приведенныя нами выдержки относятся къ началу 1857 г., то въ обычныя представленія объ исторіи нарожденія на Руси утилитарно-публицистическаго взгляда на искусство должна быть внесена важная поправка. Принято считать основателемъ публицистической критики въ русской литературѣ Чернышевскаго, Добролюбова и продолжателя ихъ Писарева. Такъ оно, дѣйствительно, и есть, потому что та часть русскаго общества, которая усвоила себѣ новый взглядъ на искусство, вычитала его именно въ пользовавшихся огромною популярностью статьяхъ Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, а никакъ не у Константина Аксакова, статьи котораго читались самымъ незначительнымъ въ тѣ годы кружкомъ адептовъ славянофильства. Въ частности, Фетъ былъ свергнутъ съ пьедестала не насмѣшливымъ отношеніемъ критики „Русской Бесѣды“, а выпучиваніемъ критика „Русскаго Слова“. Такимъ образомъ, фактически К. Аксаковъ весьма мало причастенъ дѣлу разрушенія старыхъ эстетическихъ понятій. Но такъ какъ писателя можно осуждать или восхвалять исключительно по его намѣреніямъ, а не по тому, нашлись ли люди, которые вняли его проповѣди, то послѣ приведенныхъ выписокъ всѣ, которые ставятъ насажденіе публицистическаго взгляда на искусство *въ вину* Добролюбову и Писареву, должны не забывать въ своихъ діатрибахъ и главаря славянофильства—Константина Сергѣевича Аксакова. Хронологически онъ *раньше* провозгласилъ ту теорію служебнаго значенія искусства, которою знаменуется эпоха конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

И не только раньше, но отчасти и *рѣзче*, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ Добролюбовымъ. Добролюбовъ только внут-

реннимъ смысломъ своихъ статей доказывалъ, что слѣдуетъ цѣнить въ литературныхъ произведеніяхъ ихъ общественное значеніе. Но такъ-таки прямо написать, что „общественный элементъ есть существенный въ литературѣ нашей“, какъ это написалъ Конст. Аксаковъ, или сочувствовать математику, который требовалъ, чтобы произведеніе искусства что-нибудь „доказывало“, до такого утилитаризма ни авторъ „Темнаго царства“, ни Чернышевскій не доходили.

Что касается общихъ взглядовъ Константина Аксакова на русскую литературу, то они прежде всего заключаются въ бичеваніи подражательности нашей словесности. Начало этой подражательности онъ почему-то ведетъ исключительно отъ Петра, хотя ему ли было не знать, какую первенствующую роль игралъ элементъ подражательности въ нашей допетровской словесности, чуть ли не на половину состоявшей изъ прямыхъ переводовъ и передѣлокъ иностранныхъ образцовъ. Въ исторіи „легкаго и веселаго труда подражанія“ и въ ходѣ „глотанія готовой, чужими руками изготовленной умственной пищи“, въ чемъ повинны, „впрочемъ только верхніе классы“, К. Аксаковъ усматриваетъ два періода—до и послѣ-карамзинскій. Въ первомъ мы подражали западно-европейскому классицизму, который „былъ, въ свою очередь, безжизненное поклоненіе древнему міру“. И такъ какъ „эта классическая литература Европы, подражая древнему міру, уже лишенному жизни, была неподвижна“, то и „наша послушная литература, вдвойнѣ подражательная, была въ ту эпоху тоже неподвижна“. Карамзинъ „уничтожилъ это двойственное подражаніе и предложилъ лучше подражать самой Европѣ. Тяжесть двойныхъ оковъ была крайне неудобна и съ радостью вняла наша литература гласу новаго дѣятеля, новаго подражателя. Съ этой эпохи, съ Карамзина, литература наша, наоборотъ, сдѣлалась подвижна въ высшей степени, ибо элементъ подражанія былъ не классицизмъ европейскій, а сама Западная Европа, въ совокупности всѣхъ своихъ народовъ. Подражать было здѣсь гораздо легче, пріятнѣе и интереснѣе,—и вотъ дѣло пошло живѣе. Переимчивость составила съ этихъ поръ характеристику нашей литературы“. Но тутъ-то и кроется источникъ ея крупнѣйшихъ недостатковъ. „Достаточно этой быстроты перемѣнъ для того, чтобы оцѣнить и понять смыслъ

и достоинство нашей словесной дѣятельности. Мы знаемъ, что серьезный и самобытный ходъ иначе движется, что, при глубинѣ общаго основанія, не легко отдѣлываются отъ одного убѣжденія и принимаютъ другое. Но литература наша —собраніе чужихъ формъ, разныхъ отголосковъ, и только. Вотъ почему такъ быстро мѣняются формы, не утвержденныя на прочной мысли; вотъ почему безпрестанно переливаются отсвѣты и отблески, лишенные собственнаго свѣта и блеска. Таланты, разумѣется, у насъ есть; но мы говоримъ не объ отдѣльныхъ талантахъ, а объ общемъ ходѣ литературы, котораго не измѣняютъ и таланты". Представляя затѣмъ перечень литературныхъ направленій послѣднихъ десятилѣтій, критикъ говоритъ: „Почти не стоитъ нападать на произведенія того или другого литературнаго направленія или школы: не имѣя поддержки внутри, они падаютъ собственнымъ безсиліемъ, собственнымъ истощеніемъ". Для современной ему литературы Аксаковъ не дѣлаетъ исключенія. Онъ убѣжденъ, что „и современная ложь ея не замедлитъ обнаружиться и исчезнуть, и если погодить критиковать, то какъ разъ и критиковать опоздаешь, ибо все падаетъ само собою".

Но если русская литература полна „лжи", если она „безплодна", какъ увѣряетъ критикъ, то что же нужно сдѣлать для того, чтобы лживыя и безплодныя теченія замѣнились теченіями болѣе плодотворными?

На всѣ эти вопросы статья, какъ она ни обширна и детальна, прямого отвѣта не даетъ. Какъ и всѣ славянофильскія писанія, статья богата негодованіемъ и критикою, но въ положительной части своей, въ начертаніи программы практической дѣятельности, не идетъ дальше самыхъ общихъ и потому совершенно неопредѣленныхъ указаній. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, даже при полномъ желаніи послѣдовать, назвать указаніемъ слѣдующее мѣсто, хотя оно еще самое опредѣленное во всей статьѣ. Критикъ отмѣчаетъ, что мы всегда жили „чужимъ, заемнымъ умомъ", и только теперь наплись люди, т. е. славянофилы, которые „догадались, что это не жизнь". „Но гдѣ же жизнь"?—задаетъ вопросъ пророкъ „догадавшагося" направленія:

„Этотъ вопросъ, эта потребность, а слѣдовательно, и возможность жизни, жизни настоящей, самобытной, въ насъ пробудилась. Вмѣстѣ

съ тѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ, вниманіе наше обратилось ко всѣмъ самобытнымъ проявленіямъ русской жизни, къ древней исторіи, къ обычаямъ народнымъ, къ устройству народной общественности, къ языку, ко всему, въ чемъ высказывается Русь. Хотя и здѣсь различны точки зрѣнія, хотя подражательный взглядъ и здѣсь еще думаетъ удержаться, но уже образовалось цѣлое направленіе, въ сущности очень простое, направленіе, основанное на томъ, что русскимъ надо быть русскими, другими словами, что *безъ самостоятельности умственной и жизненной—все ложно* (курсивъ автора). Если самостоятельности въ насъ нѣтъ и быть не можетъ, то подобная истина для насъ безполезна и насъ не возстановитъ духовно. Если же у насъ есть самостоятельность и только лишь подавлена и спитъ, то достаточно сознанія въ ея необходимости, чтобы она пробудилась сама. Поднятъ огромный вопросъ для русскихъ людей, вопросъ: быть иль не быть? Быть же не собою—для человѣка не значитъ быть".

Можно ли, повторяю, извлечь какое бы то ни было практическое указаніе изъ этого болѣе чѣмъ туманнаго рецепта? И удивительно ли, что сейчасъ приведенныя мысли Конст. Аксакова пріобрѣли себѣ кое-какихъ приверженцевъ при жизни его и довольно многочисленныхъ послѣ смерти, но приверженцовъ—теоретиковъ же, т. е., людей, повторявшихъ слова учителя во всей ихъ туманности и неопредѣленности, и совсѣмъ не пріобрѣли себѣ приверженцевъ-практиковъ, которыми въ данномъ случаѣ могли быть писатели-художники.

И вотъ почему нельзя не назвать крайне неудачнымъ пророчествомъ заключительныя слова разсматриваемой статьи, которыя, кромѣ того, очень любопытны, какъ общее резюме отношенія Константина Аксакова къ современной ему литературѣ:

„Что же скажемъ мы въ заключеніе нашего обозрѣнія современной литературы? Она многоплодна, это не подлежитъ сомнѣнію. Передъ нами множество писателей, и множество произведеній, но нѣтъ основной мысли, которая бы двигала эту массу повѣстей, романовъ, комедій и пр. Въ самомъ этомъ отсутствіи общей мысли есть свой смыслъ. Это отсутствіе общей мысли, эта безполезность талантовъ выражаютъ, по нашему мнѣнію, прекращеніе литературы, начавшейся съ Кантемира, духъ которой въ основаніи былъ—подражательность. Эта литература давала намъ поэтическія произведенія, болѣе или менѣе отвлеченныя произведенія истинныхъ талантовъ, попавшихъ на общій ложный путь; она давала намъ ихъ, пока не замкнула своего круга, пока не истощила своихъ силъ, пока не поколебалась вѣра въ ея направленіе. Но теперь наступила эта минута, и прежняя литература, послѣ полутораста лѣтъ своей дѣятельности, впала въ совершенное безсиліе. На рубежѣ

ея стоитъ Гоголь, величайшій писатель русскій, *не договорившій своего слова* (sic), которое рвалось уже въ новую область. Когда рѣшится задача, чѣмъ станетъ русская поэзія,—это дѣло будущаго. Въ настоящее время передъ нами толпа писателей, покинутыхъ духомъ прежней эпохи, свидѣтельствующихъ собою о прекращеніи цѣлаго направленія. У насъ есть нѣсколько авторовъ съ замѣчательнымъ талантомъ, которые, хотя ничего не измѣняютъ въ общемъ состояніи нашей литературы, не даютъ иного направленія ея ходу, но въ нихъ свѣтится какая-то, чуть видная заря литературнаго будущаго дня; она исчезнетъ, какъ скоро появится солнце".

Подъ появленіемъ солнца тутъ, конечно, разумѣется полное воспринятіе нашею *художественною* литературою славянофильскихъ тенденцій, договариваніе слова, которое не успѣлъ сказать Гоголь, рвавшійся въ „новую область". И если вспомнить, что стремленіе Гоголя въ „новую область" привело къ „Перепискѣ съ друзьями" и къ исканію „положительныхъ" сторонъ русской жизни тамъ, гдѣ неотуманенный мистицизмомъ умъ всего менѣе можетъ ихъ усмотрѣть; если, затѣмъ, бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ на ходъ новѣйшей литературы, то, увы, окажется что даромъ литературнаго предвидѣнія Конст. Сергѣевичъ не обладалъ. 65 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны только-что приведенныя слова и какъ мало они сбылись. Солнце-то, дѣйствительно, взошло, но только совсѣмъ не съ той стороны, съ какой его ожидалъ Константинъ Сергѣевичъ. Всѣ эти лишенные „основной мысли" и стоявшіе на „ложномъ пути" таланты далеко, далеко ушли отъ той „новой области", куда ихъ звалъ Константинъ Аксаковъ. И тѣмъ не менѣе они успѣли создать литературу, передъ которой въ изумленіи остановилась привыкшая смотрѣть на насъ, какъ на варваровъ, Западная Европа.

XI.

Диссертація о Ломоносовѣ.

Отъ К. Аксакова-критика перейдемъ къ К. Аксакову-исторіку литературы, т. е., къ его магистерской диссертаціи, появившейся въ 1846 г. и озаглавленной: *„Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка"*. Въ этой области онъ менѣе всего интересенъ. Какъ научное изслѣдованіе, книга имѣетъ весьма мало значенія. Но столь же мало значенія она имѣетъ для обрисовки руководящихъ идей Константина Сергѣевича. Въ снабженной нѣмецкимъ эпиграфомъ (изъ Гете) диссертаціи своей, К. Аксаковъ еще мало похожъ на того пламеннаго паладина идей славянофильства, какимъ онъ явился черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ гораздо большей степени книга представляетъ собою свидѣтельство того огромнаго вліянія, которое имѣли на духовную дѣятельность русской интеллигенціи 40-хъ годовъ идеи Гегеля. Вся обширная диссертація написана тѣмъ знакомымъ уже намъ гегеліанскимъ жаргономъ, котораго такъ много въ писаніяхъ членовъ кружка Бѣлинскаго, Станкевича и Искандера, гдѣ еще недавно вращался Аксаковъ. Но, помимо жаргона, и вся сущность книги гегеліанская, потому что задача автора только въ томъ и состоитъ, чтобы въ исторіи русской литературы вообще и въ исторіи литературной дѣятельности Ломоносова въ частности найти моменты, установленные германскимъ философомъ въ качествѣ абсолютныхъ и непреложныхъ условій всякой исторіи литературы. Благодаря этому пламенному стремленію jurare in verba magistri и предста-

вить иллюстрацію теорій излюбленнаго учителя, диссертація крайне поражаетъ современнаго читателя. Достаточно прочитать хотя бы слѣдующія строки, которыми молодой магистръ очерчиваетъ кругъ своего изслѣдованія:

„Смотря на Ломоносова, какъ на лицо въ нашей литературѣ, мы въ правѣ предложить одинъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи русской литературы, вопросъ, который въ своемъ собственномъ развитіи, вмѣстѣ съ конкретированіемъ самого предмета, является какъ вопросъ: Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу,—и какъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ поэтъ.

Въ сущности эти три вопроса не что иное, какъ одинъ:

Ломоносовъ какъ моментъ въ исторіи нашей литературы (курсивъ автора),—вопросъ возможно полный и единственный, который въ своемъ развитіи ставитъ моменты своего конкретированія сообразно съ моментами конкретированія самого предмета (ибо вопросъ, изслѣдованіе, есть не что иное, какъ сознаніе самого предмета и имъ условливается) и раздѣляетъ, такимъ образомъ, диссертацію нашу на три части, именно:

I. Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи литературы, моментъ самъ въ себѣ, in abstracto.

II. Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу, моментъ чисто-историческій.

III. Ломоносовъ, какъ поэтъ, гдѣ мы отъ чисто-историческаго опредѣленія переходимъ къ нему самому, какъ индивидууму, и гдѣ моментъ получаетъ полнѣйшее конкретированіе и имѣетъ значеніе самъ для себя—моментъ личный".

Такимъ тарабарскимъ языкомъ написана сплошь вся диссертація, заключающая въ себѣ 517 страницъ. И уже нѣсколько разъ старался подчеркнуть, что, при всей горячности своего личнаго темперамента, Константинъ Аксаковъ былъ очень вялымъ писателемъ или, говоря частнѣе, стилистомъ. Но нигдѣ эта вялость изложенія не сказалась такъ рѣзко, какъ въ диссертаціи. Она читается съ чрезвычайною скукою и къ ней вполнѣ приложимъ отзывъ, который далъ Бѣлинскій о брошюркѣ Аксакова, написанной по поводу появленія „Мертвыхъ душъ". Именно о ней-то и должно сказать, что она „вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, поэтому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей".

Но если современнаго читателя непріятно поражаетъ внѣ-

иная сторона диссертаціи, то въ такой же степени его удивляетъ и внутреннее содержаніе ея. Начать съ того, что въ книгѣ, озаглавленной „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“, Ломоносовъ какъ-то совершенно ни причемъ. Архитектоника книги такая: обширное вступленіе, занимающее собою 64 страницы, почти исключительно посвящено изложенію гегеліанскихъ представленій объ искусствѣ, изложенію, до нельзя туманному и сбивчивому. Легко ли напр., понять такую фразу:

„стиль вообще показываетъ тайное сочувствіе съ искусствомъ самого матеріала, являетъ точку ихъ соприкосновенія, чрезъ которую матеріалъ теряетъ свою тяжесть и грубость, и искусство опредѣляется“.

Послѣ введенія философскаго, идетъ введеніе историко-литературное, въ которомъ авторъ дѣлаетъ обзоръ языка произведеній до-ломоносовскихъ періодовъ русской письменности. Это историческое введеніе занимаетъ около 250 страницъ. Такимъ образомъ, рѣчь о Ломоносовѣ начинается только съ 327 стр. А такъ какъ съ 439 стр. начинаются приложенія (выписки изъ грамотъ и разныхъ литературныхъ произведеній), то и выходитъ, что собственно Ломоносову изъ 517 страницъ книги удѣлено 110.

Но даже и эти 110 страницъ не всѣ посвящены спеціально Ломоносову, а ровно на половину состоятъ изъ разныхъ разсужденій эстетическаго и философскаго содержанія. Такимъ образомъ, въ общемъ получается работа, весьма мало похожая на тѣ точныя, исчерпывающія предметъ историко-литературныя изслѣдованія, къ которымъ насъ пріучила университетская жизнь. Отмѣтимъ уже, кстати, что диссертація не обнаруживаетъ и сколько-нибудь обширной эрудиціи автора. Всю жизнь свою разбрасывавшійся въ разныя стороны, Константинъ Сергѣевичъ, вообще говоря, былъ человѣкъ съ обширными знаніями. Но собственно спеціальныхъ знаній въ одной какой-нибудь области у него было не много. Такъ, если мы присмотримся къ источникамъ, которые цитируетъ магистрантъ, то они всего менѣе поразятъ насъ своею многочисленностью. 1-я часть „Актовъ историческихъ“, 1-я часть „Собранія государственныхъ грамотъ“, 1-я и 4-я ч. „Актовъ, собран. археогр. комиссіей“, „Сборникъ Кирши Данилова“,—вотъ почти единственныя пособія, которыми ма-

гистрантъ пользовался много. А если къ нимъ прибавить еще около десятка лишь эпизодически цитируемыхъ книгъ, то мы получимъ и весь научный багажъ автора. Правда, магистрантъ ссылается иной разъ на Остромирово Евангеліе, на лѣтопись Нестора, на „Сказанія“ Князя Курбскаго, на проповѣди Ѳеофана Прокоповича, на сочиненія Кантемира и, наконецъ, Ломоносова; но нельзя же по поводу этого серьезно говорить объ „эрудиціи“.

Если, въ общемъ, относительно диссертаціи Конст. Аксакова можно сказать, что она не блещетъ эрудиціей, то въ частности по поводу той части ея, гдѣ рѣчь идетъ объ эпохѣ Петра, т. е. эпохѣ, наиболѣе важной для предмета разсматриваемаго изслѣдованія, можно прямо сказать, что эрудиція автора недостаточна. Я не стану, конечно, сравнивать изученіе магистрантомъ Петровской эпохи съ тѣмъ знаніемъ ея, которое, напр., обнаружилъ въ своемъ трудѣ „Наука и литература при Петрѣ“—Пекарскій. Но и помимо параллели съ Пекарскимъ, въ сравненіи съ эрудиціей котораго диссертація К. Аксакова представляется какимъ-то школьническимъ упражненіемъ, помимо, говорю я, такого сравненія, нельзя не признать, что изученіе эпохи Петра по тѣмъ, счетомъ *семи*, источникамъ [1]), которые цитируетъ магистрантъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано достигающимъ цѣли.

И надо думать, этимъ-то болѣе чѣмъ поверхностнымъ изученіемъ эпохи, породившей писателя, разсмотрѣніе дѣятельности котораго составляетъ предметъ диссертаціи, и объясняется то, что характеристика Ломоносова поражаетъ своею банальностью. То, что говоритъ магистрантъ о даровитости Ломоносова, объ историческихъ его заслугахъ въ дѣлѣ выработки русскаго стиха, о разнообразіи его дарованій и т. д. все это до такой степени школьнически-извѣстно, хотя прикрыто часто весьма туманною гегеліанскою тарабарщи-

---

[1]) „Полное Собр. Закон. Россійскихъ“ т. IV и V, проповѣди Стефана Яворскаго, слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, рѣчи Гавріила Бужинскаго, сочиненія Кантемира, духовное стихотвореніе Петра Буслаева и ода о сдачѣ Данцига Тредьяковскаго.

ною, что ради такихъ ничтожныхъ результатовъ рѣшительно не стоило изготовлять книгу въ 500 страницъ.

Есть, впрочемъ, въ диссертаціи и не банальныя вещи. Но лучше бы ихъ вовсе не было. Болѣе чѣмъ неудачно магистрантъ слѣдующими, притянутыми за волосы доводами старается оправдать Ломоносова отъ обвиненій въ томъ, что онъ ввелъ въ русскій синтаксисъ латино-нѣмецкую конструкцію:

„Мы знаемъ", говоритъ онъ, „что многіе, или лучше общее мнѣніе, думаютъ, что синтаксисъ Ломоносова не русскій, что онъ сформированъ по латинскому и частію по нѣмецкому; но мы невольно спрашиваемъ: гдѣ-же критеріумъ этого сужденія? На чемъ опираясь, произноситъ оно свои приговоръ: гдѣ нашло оно синтаксисъ русскій, противъ котораго погрѣшилъ Ломоносовъ? Намъ скажутъ: разговоръ, живая рѣчь, но между разговоромъ и письменностью лежитъ необходимая разница. Ихъ нельзя сравнить между собою. Языкъ, являющійся въ разговорѣ, долженъ быть основаніемъ синтаксиса языка письменнаго, какъ мы сказали выше; но онъ не стоитъ съ нимъ рядомъ; это два, одинъ за другимъ слѣдующіе момента, и разговоръ, какъ сравненіе, не можетъ служить критеріумомъ. Что же встрѣтилъ Ломоносовъ и въ томъ отношеніи, въ которомъ разговоръ важенъ и имѣетъ значеніе для синтаксиса высшаго, то-есть, какъ основаніе его? Что вообще нашелъ Ломоносовъ, чтобъ постигнуть, создать или, лучше, вывести русскій синтаксисъ? Что нашелъ онъ въ русскомъ національномъ языкѣ? Въ русскомъ языкѣ нашелъ онъ, въ томъ національномъ видѣ, въ которомъ онъ былъ, полное разнообразіе оборотовъ, *полную синтаксическую свободу*. Это было основаніемъ, собственностью русскаго синтаксиса".

Оправданіе очень оригинальное. Если синтаксическая свобода была отличительнымъ качествомъ до-ломоносовскаго языка, то зачѣмъ же было накладывать на него оковы тяжеловѣсной латино-нѣмецкой конструкціи? Магистрантъ, впрочемъ, и самъ, видимо, понималъ малую убѣдительность своей защиты, и потому черезъ нѣсколько страницъ онъ выдвинулъ другой доводъ, крайне любопытный въ его устахъ. Согласно гегеліанской философіи, онъ старается доказать, что всякій языкъ сначала, „въ первомъ своемъ моментѣ", когда онъ нуженъ только какъ средство разговора о предметахъ ежедневнаго быта того или другого народа, есть явленіе „случайное", т. е. исключительно одной національности принадлежащее. Но затѣмъ „языкъ всякаго народа отрывается отъ сферы случайной жизни, переходитъ въ сферу общаго и отъ сферы разговора восходитъ до сферы письменности". „Спи-

таксисъ и вообще слогъ этой высшей сферы и имѣетъ въ себѣ общее, собственно свойственное этой сферѣ и, слѣдовательно, встрѣчающееся естественно во всѣхъ языкахъ". Вотъ почему „общее латинской конструкціи вслѣдствіе закона, только-что показаннаго, доступно языку русскому". Ломоносовъ, слѣдовательно, имѣлъ право вводить „латинизмы" въ созданный имъ первымъ русскій письменный языкъ:

„Языкъ русскій могъ согласно съ существомъ своимъ подняться въ высшую сферу языка, сферу общаго, открывающуюся тогда, когда общее пробуждается въ народѣ, и онъ возвысился до нея; слѣдовательно, сфера эта и формы общія языка принадлежатъ ему потому уже самобытно; въ существѣ его лежитъ возможность этихъ формъ, этого синтаксиса: въ немъ уже,—и въ національной его сферѣ, и такъ же въ отвлеченномъ развитіи мысли въ словѣ,—видимъ мы эти начала, и виднмъ главное—свободу синтаксиса. Ломоносовъ былъ геніемъ языка, возведшимъ его въ эту высшую сферу; дѣло его было свободно, и формы, принятыя языкомъ, принадлежали уже ему вполнѣ, вытекали изъ его духа". Не отрицая затѣмъ того, что „фразы Ломоносова имѣютъ отпечатокъ латинской, собственно въ оттѣнкѣ внѣшнемъ; что Ломоносовъ обращалъ вниманіе на латинскій языкъ, его избралъ, иногда по крайней мѣрѣ, примѣромъ своимъ", магистрантъ находитъ только, что „въ образѣ этого языка видѣлъ и находилъ онъ общее: онъ бралъ эти обороты, высшей его сферы и свойственные, слѣдовательно, языку русскому. Онъ бралъ ихъ, какъ достояніе языка русскаго и потому еще, что языкъ русскій, какъ именно русскій, самобытно имѣлъ ихъ или подобные имъ въ себѣ и взятое поводимому изъ чуждаго не было чуждое; онъ занималъ съ полнымъ правомъ собственности, и оборотъ какъ бы вновь вырасталъ на русской почвѣ, шелъ изъ русскаго и съ помощію полной его свободы становился русскимъ".

Такимъ образомъ, вся защита Ломоносова отъ обвиненій въ насажденіи латинской конструкціи сводится не къ отрицанію самаго факта, который слишкомъ очевиденъ, а къ сообщенію ему путемъ чисто-философскихъ построеній иного характера. Но могутъ ли философскіе доводы имѣть значеніе въ такой точной, основанной на строго-фактическихъ данныхъ наукѣ, какъ языкознаніе? То, что говоритъ магистрантъ объ общности синтаксиса всѣхъ языковъ, дошедшихъ въ своемъ историко-культурномъ развитіи до фазиса письменности, все это, если бы даже было вѣрно, требовало для доказательства своей справедливости рядъ сравнительныхъ сопоставленій синтаксиса различныхъ языковъ. Но магистрантъ и попытки не сдѣлалъ такого фактическаго подтвержденія

своего положенія. И вотъ почему его диссертація, рѣшительно ничего новаго не вносящая въ исторической своей части, а въ филологической дающая только произвольныя философствованія ad majorem gloriam гегеліанства, въ общемъ, не представляла собою никакого вклада въ исторію русской литературы. Въ настоящее время она совершенно забыта.

Чтобы покончить съ диссертаціей, отмѣтимъ въ ней еще кое-что, очень любопытное для изученія хода умственныхъ настроеній Константина Сергѣевича. Всякаго, кто имѣетъ представленіе объ Аксаковѣ, какъ о главарѣ славянофильства, поразили, вѣроятно, цитаты изъ диссертаціи его о Ломоносовѣ, въ которыхъ такъ настойчиво говорится объ *общности* русской и западно-европейской духовной жизни. Настойчивость эта весьма мало вяжется съ мыслями о полной „самобытности“ русскаго духа, которыя составляютъ основной тезисъ большинства другихъ писаній Константина Сергѣевича. Но еще меньше вяжется съ общимъ складомъ міросозерцанія Константина Аксакова восторженное отношеніе къ Петру, которое составляетъ основную черту диссертаціи о Ломоносовѣ. Просто глазамъ своимъ не вѣришь, читая такую характеристику Петровской эпохи:

„Для Россіи настало время рѣшительнаго освобожденія отъ исключительной національности, рѣшительнаго перехода въ другую, высшую сферу, рѣшительнаго преобразованія. Началась страшная борьба. Съ одной стороны исключительная національность, опиравшаяся на уже образовавшуюся положительную силу стрѣльцовъ, старовѣровъ, имѣвшая съ собою если не весь, то большинство народа. Она силилась удержать свои права сохранить жизнь по старинѣ, и, лишенная уже жизни внутри, она хотѣла удержать ея прежній образъ, сохраняя развѣ одинъ призракъ прежняго опредѣленія, навсегда утратившаго свою дѣйствительность; она упорно противилась новому свѣту и поддерживала ложную свою необходимость. Пробужденная рѣшительнымъ ударомъ, она совокупила всѣ свои силы, поднялась и начала ожесточенный бой за свою мнимую современность.—Съ другой стороны, противъ народа, упорствовавшаго въ своемъ національномъ опредѣленіи,—Петръ, опиравшійся на дѣйствительную потребность русскаго народа, сему послѣднему самому можетъ быть неизвѣстную. Онъ рѣшительно возсталъ на эту національность, сокрушая прежнее, только мѣшавшее уже свободному развитію народа. Раскрывая передъ нимъ сферу жизни, онъ круто поворачивалъ въ противоположную сторону, принималъ опредѣленія другихъ народовъ, обильно наполнялъ чуждымъ предѣлы Россіи, презирая страхъ національности, только въ одномъ огражденіи находившей свое спасеніе

напротивъ, онъ принималъ отъ Запада все, къ чему только дошелъ Западъ въ своемъ развитіи, и настежь распахнулъ для него ворота Россіи, становясь съ нею, какъ была она дотолѣ и тогда, въ рѣзкую противоположность. Дѣйствительность дѣла его побѣдила. Въ страшной кровавой борьбѣ пала навсегда исключительная національность Россіи; наступила новая эпоха".

Болѣе восторженнаго панегирика не могъ-бы написать самый завзятый западникъ! Но именно оттого-то было-бы ошибочно строить на немъ какіе бы то ни было выводы объ общемъ строѣ міровоззрѣнія Константина Аксакова. Онъ просто указываетъ, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, къ которому относится диссертація [1]), славянофильская доктрина не дифференцировалась еще окончательно. А въ частности Константинъ Аксаковъ, хотя уже находился въ открытой враждѣ съ членами кружка Бѣлинскаго и Станкевича, но нѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ симпатій еще удержалъ въ полной силѣ

---

[1]) Она писалась въ 1842—43 гг.

XII.

Филологическіе труды.

Диссертація о Ломоносовѣ только на половину относится къ исторіи литературы. Другая-же и притомъ большая часть ея, именно обзоръ языка произведеній до-ломоносовскаго періода, имѣетъ характеръ чисто филологическій и составляетъ, такимъ образомъ, одно изъ звеньевъ цѣлаго цикла филологическихъ работъ, которыми Константинъ Сергѣевичъ занимался въ теченіе всей своей жизни. Филологія была любимою наукою Константина Аксакова, начиная съ 15 лѣтъ. Онъ ей отдавался съ тою страстью, безъ которой для этого удивительно-цѣльнаго человѣка не были мыслимы сколько-нибудь серьезныя занятія.

Но не только въ филологическія *занятія* свои вносилъ Константинъ Сергѣевичъ страсть. Онъ вносилъ ее также въ *методъ* своихъ лингвистическихъ изслѣдованій, которыя лишь постольку его интересовали, поскольку онѣ подтверждали тезисы его общественнаго міросозерцанія. Но именно оттого-то эти изслѣдованія весьма мало напоминаютъ заправскія филологическія сочиненія и, какъ все, что писалъ Константинъ Аксаковъ, представляютъ собою рядъ публицистическихъ статей на любимыя темы изслѣдователя. Могло ли оно и быть иначе, когда Константинъ Сергѣевичъ приступалъ къ своимъ филологическимъ работамъ съ такими понятіями о наукѣ вообще и о филологіи въ частности:

„Всякая живая наука“, говоритъ онъ въ предисловіи къ „Опыту русской грамматики“, изданному имъ незадолго до смерти (1860), „то-

есть: наука, имѣющая дѣло съ жизнью, *имѣетъ дѣло съ таинствомъ*; такова и филологія, предметъ которой—слово, этотъ сознательный снимокъ видимаго міра, эта воплощенная мысль. Преслѣдуя жизнь въ той или другой области ея проявленія, наука доходитъ до предѣловъ таинственнаго, до тѣхъ предѣловъ, откуда внутреннее становится внѣшнимъ, духъ—осязательнымъ, безконечное—конечнымъ. Наука думаетъ иногда выйти изъ затрудненія, принявъ анатомическое воззрѣніе, сдѣлаться матеріальною, сказать, что нѣтъ духа и души, и недостойно успокоиться такимъ воззрѣніемъ, отрицательнымъ и тупымъ, при которомъ вовсе непонятна и жизнь, и смыслъ ея, и то, что даже просто угадываетъ вѣщая душа наша. Но слава свѣту сознательной мысли! Разумъ самъ обличаетъ ложь всѣхъ матеріальныхъ теорій, на чемъ повидимому основанныхъ, прогоняетъ ихъ тяжелую тьму, самъ низвергаетъ всякое богослуженіе себѣ, самъ знаетъ свои предѣлы и признаетъ непостижимое, открывающееся откровеніемъ духу человѣческому.

Наука есть сознаніе общаго въ явленіи, цѣлаго въ частности; зная свои предѣлы и доходя до нихъ, наука должна необходимо допустить таинство жизни, не подлежащее уже ея осязанію, таинство, которое можетъ она угадывать и опредѣлять приблизительно, но которымъ овладѣть она не въ силахъ, ибо это—*„таинство жизни“*. „Итакъ, мы допускаемъ въ наукѣ (а слѣдовательно, и въ филологіи), на границѣ ея, свой таинственный, такъ сказать, *мистическій элементъ*, къ которому необходимо примыкаетъ вся дѣятельность нашего разума, какъ мы ни стараемся *объяснить это*“.

Можно быть *разнаго мнѣнія о психологической теоріи* легшей въ *основаніе только-что приведеннаго взгляда. Но* съ однимъ непремѣнно согласиться всякій безпристрастный читатель, именно съ тѣмъ, что такое воззрѣніе на науку, какое было у К. Аксакова, даетъ самый широкій просторъ элементу, всего менѣе терпимому въ настоящей наукѣ—субъективности. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о неподчиняющихся анализу чувствахъ и мистицизмѣ, какъ одномъ изъ главныхъ факторовъ, тамъ можетъ быть мѣсто чему угодно—вѣрѣ, дару проникновенія въ непостижимое и т. п. но никакъ не наукѣ, которая только постольку и наука, поскольку она объективно и такъ сказать нелицепріятно изслѣдуетъ и констатируетъ. И особенно неумѣстно было припутывать мистицизмъ къ филологіи, этой точнѣйшей изъ всѣхъ „словесныхъ“ наукъ, знающей только краснорѣчіе фактовъ и всегда основывающей свои законы на обильномъ количествѣ тщательно сдѣланныхъ наблюденій.

И оттого-то, повторяю, страстныя филологическія діатрибы Константина Аксакова весьма мало напоминаютъ заправскія

филологическія сочиненія, гдѣ о личности автора, о его вкусахъ, симпатіяхъ или антипатіяхъ, политическихъ или общественныхъ убѣжденіяхъ никогда и рѣчи не можетъ быть.

У Константина же Сергѣевича все это, какъ на ладони.

Начать съ того, что даже въ самые мелочные, чисто спеціальные вопросы онъ вносилъ весь запасъ своего обычнаго страстнаго отношенія Какъ уже замѣтилъ Безсоновъ, Константинъ Аксаковъ „особенно *любилъ* звукъ *ъ*, играющій стола видную роль у насъ и столь много способствующій разысканію филологическому: въ ту же мѣру, онъ *возненавидѣлъ* противника—звукъ *s*, тою ненавистью, которую можетъ питать добрѣйшее сердце къ чему-либо гнусному. Онъ расточалъ этому врагу прозвища „надоѣднаго“, „назойливаго“, „вторгавшагося пролазы“, „услужливаго“, „рабскаго“: онъ перенесъ сюда смыслъ приторной угодливости, чуждый собственному его лицу и проникшій къ намъ въ видѣ поддакиванья, какъ рабское „да-*съ*“, „нѣтъ-*съ*“; потому, какъ самъ говорилъ обыкновенно съ твердостью „да“ или „нѣтъ“, такъ навѣрное можно было считать признакомъ, что Аксаковъ недоволенъ или гнѣвенъ, когда онъ начиналъ употреблять „да-*съ*“, „нѣтъ-*съ*“.

Безсоновъ констатируетъ приведенные факты съ чувствомъ умиленія, видя въ нихъ доказательство того, что Константинъ Сергѣевичъ держалъ свое знамя „грозно и честно“. Умиленіе вполнѣ законное. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ болѣе трогательное проявленіе душевной цѣльности и чистоты, какъ эту личную ненависть и любовь къ какимъ-нибудь суффиксамъ. Но нужно ли много доказывать, что такое страстное отношеніе къ дѣлу неизбѣжно ведетъ и къ страстному желанію отыскать непремѣнно то, что изслѣдователю хочется отыскать. А при такомъ желаніи какіе же мыслимы истинно-научные, т. е. соотвѣтствующіе дѣйствительности результаты? И вотъ почему извѣстный чешскій ученый Гаталла имѣлъ возможность сказать про „грамматику“ Константина Аксакова:

„Покойный рѣдко гдѣ подкрѣпляетъ взгляды примѣрами, почерпнутыми изъ письменныхъ и устныхъ памятниковъ языка русскаго, напротивъ—обычно онъ ограничивается такими, которые *самъ себѣ понавыдумывалъ* (navymysle

Это пришлось сказать о Константинѣ Сергѣевичѣ! Онъ, который не задумываясь отдалъ бы жизнь за истину, „понавыдумывалъ!“ И однако же оно такъ. Такого мнѣнія не одинъ Гаталла. И Буслаевъ, и Срезневскій, въ свое время писавшіе о филологическихъ работахъ К. Аксакова, всѣ они того мнѣнія, что труды его полны крайней односторонности и притягиванія за волосы фактовъ къ предвзятымъ теоріямъ.

Къ какимъ же именно теоріямъ?

Главнымъ образомъ—о вредоносномъ вліяніи на русскую грамматику „иностранныхъ воззрѣній“. Для того, чтобы имѣть такія иностранныя воззрѣнія, вовсе не нужно быть, по Аксакову, дѣйствительнымъ иностранцемъ.

„Нѣтъ сомнѣнія“, говоритъ Константинъ Сергѣевичъ въ началѣ своего изслѣдованія о русскихъ глаголахъ, „что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ, имъ чуждый; особенно нѣмцамъ трудно постигнуть языкъ русскій; но едва ли легче понять его и русскому, руководимому иностраннымъ воззрѣніемъ вообще, хотя бы онъ и не былъ послѣдователемъ именно того или другого иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ ли по происхожденію сочинитель, но въ томъ, иностранецъ ли онъ по воззрѣнію“.

Эти-то иностранныя воззрѣнія принесли большой вредъ русскому языкознанію:

„Вмѣстѣ съ нашествіемъ иноземнаго вліянія на всю Россію, на всѣ ея бытъ, на всѣ начала, и языкъ нашъ подвергся тому же; его подвели подъ формы и правила иностранной грамматики, ему совершенно чуждой, и, какъ всю жизнь Россіи, вздумали и его коверкать и объяснять на чужой ладъ. И для языка должно настать время освободиться отъ этого стѣсняющаго ига иностраннаго. Мы должны теперь обратиться къ самому языку, изслѣдовать, сознать его и изъ его духа и жизни вывести начало и разумъ его, его грамматику. Она будетъ противорѣчить грамматикѣ общечеловѣческой, по *только* и *строго* общей, а совсѣмъ не общечеловѣческой—выразившейся извѣстнымъ образомъ у другихъ народовъ и только представляющей свое самобытное проявленіе этого общаго... Въ нем, въ русской грамматикѣ, можетъ быть, полнѣе и глубже явится оно, нежели гдѣ-нибудь. Кто изъ васъ станетъ отвергать общее человѣческое? Русскій на него самъ имѣетъ прямое право, а не черезъ посредство какого-нибудь народа; оно самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ, и кто знаетъ?—можетъ быть *ему болѣе*, нежели другимъ, и можетъ быть міръ не видалъ еще того общаго, человѣческаго, какое явитъ великая славянская, именно русская природа.. Да возникнетъ же вполнѣ вся русская самобытность и національность!

Гдѣ же національность шире русской? Да освободится же и языкъ нашъ отъ наложеннаго на него ига иноземной грамматики, да явится онъ во всей собственной жизни и свободѣ своей" (т. II, стр. 405, 406).

Непремѣнно слѣдуетъ внести въ русское языкознаніе свои русскія воззрѣнія, которыя должны состоять въ томъ, чтобы мы отказались отъ стремленія непремѣнно отыскать у себя такія же грамматическія формы, какъ въ чужихъ языкахъ. Такъ, по вопросу о глаголахъ:

„нѣкоторые теоретики, сливая всѣ глагольныя формы [1]), съ присоединеніемъ даже иныхъ предложныхъ въ одно спряженіе, богатое временами, быть можетъ, думаютъ, что это служитъ къ чести русскаго языка, что-де не только въ языкахъ чуждыхъ, но и у насъ есть полное спряженіе, что нашъ языкъ въ этомъ имъ не уступаетъ, что у насъ у одного и того же глагола есть всѣ времена. Но здѣсь видны ошибочное чувство и ошибочная мысль. Развѣ только въ томъ состоитъ честь и слава, чтобы повторить у себя чужое, чтобы пройти по чужой дорогѣ не хуже другихъ? Развѣ нельзя идти по своей дорогѣ, развѣ нельзя, не имѣя чужого, имѣть вмѣсто него *свое*, совершенно особенное, отличное отъ всѣхъ? Развѣ это свое не можетъ быть еще лучше, еще достойнѣе, и развѣ тогда не больше славы? Но, какъ бы то ни было, мы должны руководиться, при нашихъ изслѣдованіяхъ, не тѣмъ, чтобы стараться отыскать у насъ всѣ чужія особенности, какъ бы, повидимому, онѣ ни были хороши—въ этомъ случаѣ мы впадемъ въ ошибку, чему примѣръ всѣ наши грамматики, — а тѣмъ, чтобы отыскать и узнать свое, какое бы оно ни было, тогда мы придемъ къ истинному взгляду" (т. II, стр. 410, 411).

И тѣмъ болѣе все это необходимо, что русскія грамматическія формы, по мнѣнію Константина Сергѣевича, гораздо совершеннѣе. „Я нисколько не завидую другимъ языкамъ", говоритъ онъ въ книжкѣ о глаголахъ, „и не стану натягивать ихъ поверхностныхъ формъ на русскій глаголъ".

Таково основное направленіе филологическихъ стремленій Константина Сергѣевича. Въ примѣчаніи мы даемъ нѣсколько спеціальныхъ деталей практическаго осуществленія ихъ [2]).

---

[1]) Т. е. виды глагола—*двигну, двигаю, двигивалъ*.

[2]) Особенно выдается стремленіе Константина Аксакова отстоять самостоятельность русскаго глагола, который „управляется съ категоріею времени совершенно самостоятельно и вовсе не похоже на глаголы другихъ языковъ", именно вотъ какимъ образомъ:

„Глаголъ въ русскомъ языкѣ выражаетъ самое дѣйствіе, его сущность. Отъ качества дѣйствія дѣлается уже заключеніе о времени. Поэтому и формами глагола обозначается самое дѣйствіе, время же въ

Здѣсь же скажемъ объ общемъ характерѣ этого осуществленія.

Не имѣетъ все это сколько-нибудь серьезной научной цѣнности и не принадлежитъ Константину Аксакову къ авторитетнымъ дѣятелямъ русской филологіи! Можно было-бы привести въ подтвержденіе сказаннаго отзывъ такого первокласнаго представителя русскаго языкознанія, какъ Буслаевъ, который упрекалъ Константина Аксакова и въ сбивчивости,

---

немъ есть дѣло употребленія; это употребленіе основано на соотвѣтствіи глагольныхъ формъ съ временами. Неопредѣленное дѣйствіе, съ точки зрѣнія времени, естественно является неопредѣленно продолжающимся поэтому *двигать* образуетъ *время настоящее*. Дѣйствіе, какъ мгновеніе, напротивъ, длиться не можетъ, слѣдовательно, не можетъ быть настоящимъ; понятое въ минуту своего проявленія, оно является мгновенно наступающимъ, и потому относительно времени принимается и употребляется, какъ будущее время, напримѣръ: двигну. Это понятно: если дѣйствіе, какъ мгновеніе не можетъ проявиться въ настоящемъ, то само собою разумѣется, оно можетъ проявиться только въ будущемъ или прошедшемъ: но прошедшее (о немъ надѣемся опять сказать ниже) уже не есть дѣйствіе, не есть глаголъ; стало быть, остается одно будущее. Такъ какъ въ русскомъ глаголѣ (что уже было замѣчено выше) главное дѣло— опредѣленіе самаго дѣйствія, а время есть только выводъ, заключеніе, то поэтому дѣйствіе, и неопредѣленное, и мгновенное, выражается независимо отъ времени, придавая такую жизнь и силу русской рѣчи, и ставя въ недоумѣніе нашихъ филологовъ. Что касается до прошедшаго дѣйствія, то оно не есть дѣйствіе по понятію русскаго языка, и это очень вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро дѣйствіе прошло, гдѣ-же дѣйствіе? его нѣтъ; остается тотъ, кто совершилъ дѣйствіе, предметъ, изъ котораго проистекло оно и въ которомъ пребывало; въ такомъ случаѣ все значеніе дѣйствія переходитъ на предметъ, дѣйствительно или отвлеченно представленный, и становится уже *качествомъ предмета* или прилагательнымъ. Поэтому прошедшее время на нашемъ языкѣ не имѣетъ соотвѣтственной глагольной формы, но форму отглагольнаго прилагательнаго или причастія. Всѣ степени или моменты дѣйствія имѣютъ какъ и слѣдуетъ, свое прошедшее, ибо всякое дѣйствіе можетъ перестать; поэтому всѣ формы глагола, выражающія эти степени, имѣютъ отъ себя форму прошедшаго;—отглагольное прилагаемое (*двигалъ, двигнулъ, двигивалъ*). Дѣйствіе же, какъ рядъ моментовъ (*двигать*), необходимо является только въ прошедшемъ (*двигивалъ*). Въ настоящемъ оно не можетъ быть представлено; ибо дѣйствіе *опредѣленное*, дѣйствіе, какъ осуществленные моменты, не можетъ длиться, не можетъ быть въ настоящемъ, которое, какъ скоро оно, понятно, не отвлечено, а дѣйствительно,— не существуетъ, оно есть только невидимый рѣзецъ, дѣлящій дѣйствіе на прошедшее и будущее. Въ будущемъ дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ,

и въ поверхностности, и даже въ отсутствіи „надлежащаго запаса этимологическихъ и историческихъ (о языкѣ) свѣдѣній“. Но Буслаевъ, вообще относился неодобрительно къ чрезмѣрному стремленію Константина Сергѣевича отстаивать нашу національную самостоятельность тамъ, гдѣ въ этомъ едва ли предстоитъ серьезная необходимость. Поэтому его неодобреніе можетъ быть отнесено не на счетъ дѣйствительной научной малоцѣнности филологическихъ трудовъ Акса-

---

также представлено быть не можетъ; ибо дѣйствіе грядущее или наступающее, выходящее изъ неопредѣленности, является при выраженіи всегда какъ одинъ моментъ; о невыразившемся слѣдующемъ моментѣ мы говорить еще не можемъ, ибо его еще нѣтъ; онъ таится въ безразличной отвлеченной силѣ дѣйствія. Рядъ моментовъ можетъ образоваться тогда, когда является рядъ выраженныхъ, слѣдовательно, совершившихся, бывшихъ, прошлыхъ моментовъ Поэтому дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, понимается и употребляется, относительно времени, только какъ прошедшее, и слѣдовательно, въ глаголѣ, не имѣя собственно глагольной формы, имѣетъ только форму прошедшаго, т. е. форму отглагольнаго прилагательнаго, напримѣръ, *двигивалъ*.

Итакъ, уже съ перваго взгляда видно, что Русскій языкъ совершенно особенно и самостоятельно образовалъ глаголъ. Языкъ нашъ обратилъ вниманіе на внутреннюю сторону или качество дѣйствія, и отъ качества уже вывелъ, по соотвѣтствію, заключеніе о времени.—Такой взглядъ несравненно глубже взгляда другихъ языковъ. Вопросъ качества, вопросъ: *какъ?* есть вопросъ внутренній и обличаетъ взглядъ на сущность самого дѣйствія; вопросъ времени, вопросъ: *когда?* есть вопросъ поверхностный и обличаетъ взглядъ на внѣшнее проявленіе дѣйствія.

Итакъ, временъ въ Русскомъ глаголѣ вовсе нѣтъ. Каждая форма глагола, выражая опредѣленіе самого существа дѣйствія, имѣетъ только отношеніе къ соотвѣтствующему, приличному ей, времени. Форма глагола неопредѣленная относится ко времени настоящему, форма мгновенная—къ будущему, форма многомгновенная—только къ прошедшему. Прошедшее, какъ прекратившееся дѣйствіе и потому уже не какъ глагольная форма, а отглагольное прилагательное, идетъ ко всѣмъ формамъ глагола; но при послѣдней оно исключительно.

Вотъ наша общая мысль о Русскомъ глаголѣ. Вопросъ о временахъ устраняется. Поэтому, съ одной стороны, мнѣніе наше противоположно мнѣнію послѣдователей Ломоносова, принявшихъ столько временъ въ Русскомъ глаголѣ и оттого смѣшавшихъ въ немъ опредѣленія самого дѣйствія. Съ другой—опровергается мнѣніе Фатера, Таппе и ихъ послѣдователей, раздѣлявшихъ спряженіе на отдѣльные глаголы и сохранившихъ категорію времени.—Нѣтъ, всѣ эти формы,—формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества дѣйствія; понятіе же времени, какъ сказано, есть выводное изъ качества дѣйствія.

кова, а на счетъ непріязни къ славянофильству. Вотъ почему я предпочитаю привести отзывы Срезневскаго. По поводу книжки о глаголахъ онъ писалъ:

„Разсужденіе г. Аксакова не филологическое, а философское; если оно пробуждаетъ мысль, то и достигаетъ своей цѣли; а едва ли можно сказать, что оно не пробуждаетъ мысли. Нельзя, впрочемъ, не пожалѣть, зачѣмъ оно не филологическое, зачѣмъ авторъ не далъ мѣста разбору употребленія глаголовъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ по нѣсколькимъ его нарѣчіямъ, и, между прочимъ, въ памятникахъ переводныхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переводчики отступали отъ дословности перевода".

Пять лѣтъ спустя, когда вышелъ первый выпускъ „Русской грамматики", Срезневскій опять подчеркивалъ способность Константина Сергѣевича „вызвать въ читателѣ силу наблюдательности", говорилъ о „самобытности" авторскаго мышленія и его „независимости" умственной, о „чутьѣ" языка, которымъ авторъ „часто замѣняетъ наблюдательность", и вслѣдъ затѣмъ прибавлялъ: „Несмотря на это, едва ли нужно пожелать, чтобы и слѣдующіе выпуски этой книги были совершенно таковы, какъ первый. То ли пожелаютъ отъ нихъ всѣ, а я со своей стороны позволяю желать себѣ:

— Чтобы во всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ теорія языка была строго выводима исключительно изъ однихъ наблюденій и чтобы эти наблюденія были производимы не надъ какими-нибудь избранными явленіями, и насколько можно болѣе были разнообразны.

— Чтобы чутье свойствъ языка было строго сдерживаемо также въ предѣлахъ, допускаемыхъ наблюденіями, и укрѣплялось изслѣдовательностью: самъ въ себѣ человѣкъ легко можетъ смѣшать дѣйствительное чутье съ тѣмъ, что не чутье, а только случайное мнѣніе, выведенное изъ немногихъ данныхъ и опровергаемое другими.

— Чтобы наблюденія были не только производимы полно, но представляемы читателю для того, чтобы онъ могъ положительнѣе изучить исходъ наблюденій".

Нужно знать язвительность Срезневскаго, чтобы тотчасъ же понять, что за этими очень вѣжливо выраженными desiderata въ дѣйствительности скрываются совсѣмъ не вѣж-

ливо задуманные три весьма серьезныхъ упрека. Прежде всего скептикъ и насмѣшникъ, Срезневскій, по разнымъ однако же, причинамъ примыкалъ къ направленію, выставлявшему напоказъ свои „русскія“ чувства и потому онъ особенно рѣзко не могъ отнестись къ стремленію Константина Сергѣевича создать вполнѣ самобытную и нежелающую знать иностранныхъ образцовъ грамматику. Но по существу его desiderata должны быть поняты въ томъ смыслѣ, что Константинъ Сергѣевичъ для своихъ выводовъ: 1) пользовался только „избранными явленіями“, т. е. игнорировалъ тѣ, которыя ихъ не подтверждали; 2) не подкрѣплялъ ихъ „послѣдовательностью“, т. е. не заботился о томъ, чтобы его грамматическія индукціи были основаны на сколько-нибудь достаточномъ количествѣ фактовъ, и наконецъ, 3) часто вовсе не „представлялъ читателю наблюденія“, т. е. давалъ выводы совершенно бездоказательно.

Противъ послѣдняго упрека, крайне тяжелаго по отношенію къ научной работѣ, счелъ необходимымъ возражать издатель и большой почитатель филологическихъ трудовъ Константина Сергѣевича—Безсоновъ. По его словамъ, эта „безпримѣрность“, т. е. отсутствіе подкрѣпляющихъ выводы грамматическихъ примѣровъ, объясняется тѣмъ, что филологическія работы Константина Сергѣевича „и не выражались и не сопровождались непремѣнно выписками пера: работавшій—много, если дѣлалъ замѣтки на самихъ книгахъ,— краткія, летучія. Вся эта бездна прочтеннаго филологическимъ взоромъ и передуманнаго языкознательнымъ умомъ— скрывалась внутрь, слагая запасъ громаднѣйшей памяти, какую лишь удавалось намъ встрѣчать въ комъ-либо: она пошла въ душѣ на созиданіе того величаваго, но не вещественнаго, одухотвореннаго образа, какимъ представлялся русскій языкъ Аксакову. Матеріалъ превращался въ живое существо, работа—въ творчество; творчество въ самомъ языкѣ, создавшее языкъ силами народа, и творческій образъ самаго языка, изъ языка схваченный взоромъ личнымъ, умомъ художественнымъ, сливались воедино. Мало было бы, сказать, что Аксаковъ „носилъ“ въ себѣ этотъ образъ, и существующій въ природѣ, и оттуда добытый, или что онъ „носился“ съ этимъ образомъ, какъ съ роднымъ и все-таки „внѣшнимъ“

какъ принятымъ внутрь, и все-таки со стороны: Аксаковъ этимъ жилъ, вопросъ русскаго языка былъ для него вопросомъ жизни собственной; жизнь личная, казалось, иногда, располагалась по вопросамъ языка и имъ всего чаще отвѣчала. Странно было бы (поэтому) встрѣтить, что Аксаковъ „записываетъ“, трудно было уловить моменты его справокъ по книгѣ“.

Такимъ образомъ, самаго факта, отмѣченнаго Срезневскимъ и другими критиками, Безсоновъ и не отрицаетъ. Онъ только даетъ ему другое объясненіе; объясненіе, въ сотый разъ доказывающее удивительную симпатичность Константина Сергѣевича, какъ человѣка, но совсѣмъ не измѣняющее существа дѣла. Въ наукѣ нѣтъ личнаго довѣрія, вѣрятъ только въ факты, доступные провѣркѣ каждаго, а не „чутью“.

Въ заключеніе обзора филологическихъ трудовъ Константина Аксакова приведемъ оцѣнку ихъ, сдѣланную Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Приводимъ ее не потому, что она заключала въ себѣ что-нибудь новое и что-нибудь такое, чтобы не было высказанно выше, а именно потому, чтобы она, правда, съ другой точки зрѣнія и иначе освѣщая, по существу подтверждаетъ всѣ тѣ упреки, которые сдѣланы выше. Уже если такой восторженный поклонникъ ученолитературной дѣятельности Константина Сергѣевича, какъ Иванъ Сергѣевичъ, не могъ обойти того факта, что филологическіе труды Константина Аксакова, главнымъ образомъ, замѣчательны поэтическою и художественною стороною своею, значитъ дѣйствительно, въ пользу научнаго значенія ихъ немного можно привести доводовъ.

Итакъ, вотъ эта характеристика, въ которой такъ нетрудно отдѣлить факты отъ стараній любящаго брата смягчить ихъ:

„Константинъ Сергѣевичъ не былъ и, по самой природѣ своей, не могъ быть ученымъ въ смыслѣ нѣмецкаго гелертера; процессъ его ученой работы былъ не просто аналитическій, но, такъ сказать, и художественный вмѣстѣ, мгновенно объемлющій синтезъ изслѣдуемаго явленія, его „душу живу“ и органическую цѣльность. Его мысль почти всегда пред-

варяла длинный путь логическихъ выводовъ и формальнаго знанія, и нерѣдко, къ удивленію ученыхъ, находила себѣ подтвержденіе или въ цѣлой массѣ научныхъ данныхъ, еще вовсе неизвѣстныхъ Константину Сергѣевичу, или въ послѣдующихъ открытіяхъ науки. Было бы ошибочно, впрочемъ, заключать изъ нашихъ словъ, что мы ставимъ ему въ особенную заслугу такой способъ научныхъ изслѣдованій и даже отдаемъ этому способу предпочтеніе предъ всѣми другими. Мы просто указываемъ на художественную стихію, присущую всей дѣятельности К. С., какъ на психическую его особенность, и съ своей стороны свидѣтельствуемъ, что въ его душѣ не было ни тѣни пренебреженія къ строгому методу нѣмецкихъ ученыхъ. Мы полагаемъ, однако же, что эта его особенность, въ свою очередь, не должна бы возбуждать (какъ это до сихъ поръ не разъ бывало) пренебреженія со стороны тружениковъ ученаго цеха, и что поэтическое чувство есть также одно изъ познавательныхъ орудій человѣческаго духа, наравнѣ съ логическимъ разумомъ. Константину Сергѣевичу, безъ сомнѣнія, недоставало той обширной эрудиціи, которая лежитъ въ основаніи ученыхъ трудовъ германскихъ филологовъ, и того близкаго знакомства съ литературою предмета, которое обнаруживаютъ многіе изъ русскихъ ученыхъ, особенно въ области сравнительной филологіи. Но этотъ недостатокъ, имъ вполнѣ сознаваемый, едва ли не съ избыткомъ восполнялся его филологическимъ чутьемъ, его способностью проникать въ самыя духовныя нѣдра слова и угадывать сокровенную мысль грамматическихъ видоизмѣненій“ (Предисловіе къ II т. соч. К. А.).

Увы, представители „ученаго цеха“ этого-то чутья совсѣмъ не усматривали въ филологическихъ фантазіяхъ Константина Аксакова. Вотъ что въ 1857 г. писалъ мягкій и добродушный Буслаевъ своему пріятелю Билярскому по поводу намѣренія Константина Сергѣевича попасть въ профессора московскаго университета[1]): „знаете ли, что К. Аксаковъ, авторъ глагола, предлагалъ себя на мѣсто Шевырева?

[1]) Этотъ фактъ, только и извѣстный изъ недавно опубликованнаго коротенькаго письмеца Буслаева, до сихъ поръ не входилъ въ біографію К. Аксакова.

и я долженъ былъ взять на себя печальную обязанность предъявить въ факультетъ, что вмѣстѣ съ представленіемъ объ Аксаковѣ пойдетъ и его *постыдная брошюра*. Впрочемъ, къ чести факультета надо сказать, что за Аксакова не было ни одного *прямого* (курсивъ Буслаева) голоса: только человѣка два, подъ вліяніемъ Крылова и Лешкова, ему мирволили". (*В. М. Истринъ*. Письма къ академику П. С. Билярскому, Одесса, 1906 г., стр. 6).

XIII.

Историческіе труды. Разрушеніе теоріи родового быта. Теорія общинно-вѣчевого уклада.

Перейдемъ теперь къ значительнѣйшей части духовнаго наслѣдія Константина Сергѣевича—его историческимъ трудамъ, которые почти всѣ относятся къ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Но прежде всего, да не выведетъ читатель ложнаго заключенія изъ слова „трудамъ". „Константинъ Аксаковъ", скажу я словами Костомарова, „не оставилъ послѣ себя ни историческихъ повѣствованій, ни даже трудолюбивой обработки источниковъ, онъ по русской исторіи писалъ мало". Если мы, въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ I тому собранія сочиненій Констант. Аксакова, посвященному „Сочиненіямъ историческимъ", то что мы тутъ находимъ? На пространствѣ 600 страницъ—27 статей. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою простые черновые наброски, другіе занимаютъ 6—7 страницъ, а самая значительная какъ по содержанію, такъ и по объему историческая статья Констант. Сергѣевича—„О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенности" содержитъ въ себѣ всего 65 страницъ. Такимъ образомъ, того, что обыкновенно составляетъ главное достоинство заправскихъ историческихъ „трудовъ" — обстоятельности, читатель не найдетъ въ „Сочиненіяхъ историческихъ" Констан. Аксакова.

Но не одною обстоятельностью, однако же, обусловливается значеніе историческихъ работъ. Помимо трудовъ по-

вѣствующихъ, требующихъ детальности и объемистости, есть еще цѣлый разрядъ трудовъ обобщающихъ и критическихъ, значеніе которыхъ обусловливается широтою проведенныхъ въ нихъ взглядовъ. Къ этому-то разряду трудовъ по философіи исторіи и принадлежатъ историческія и историко-критическія статьи Константина Сергѣевича. „Въ немногихъ статьяхъ его", говоритъ Костомаровъ, „сохранились животворныя мысли, свѣтлые взгляды, которые не напрасно высказаны для науки, и будутъ служить путеводными нитями для дальнѣйшихъ изслѣдованій надъ важнѣйшими сторонами нашего прошедшаго". Слова знаменитаго историка очень субъективны: „свѣтлы" ли взгляды К. Аксакова или, напротивъ того, вносятъ мракъ, „животворны" ли они или, напротивъ того, мертвящи, —объ этомъ могутъ быть разныя мнѣнія, хотя несомнѣнно, что въ устахъ Костомарова, отнюдь не принадлежащаго къ славянофильской школѣ, похвала одному изъ главарей славянофильства могла бы служить ручательствомъ ея полнаго безпристрастія. Но, конечно, мы будемъ еще ближе къ истинѣ, если, устранивъ всякую субъективность, скажемъ просто, что историческіе взгляды Константина Аксакова очень *значительны*. Они открываютъ новые горизонты, безспорно обширные.

Мнѣ представляется, что воззрѣнія К. Аксакова на русскую исторію могутъ быть сведены къ четыремъ основнымъ мыслямъ: 1) укладъ первоначальной русской жизни былъ не родовой, а общинно-вѣчевой; 2) русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятіе „земли" отъ понятія о государствѣ; 3) древнерусская, до-петровская исторія представляетъ собою картину высокоидеальныхъ общественныхъ отношеній. И, наконецъ, какъ общій выводъ изъ предыдущаго, является у Константина Аксакова 4) мысль о томъ, что русскій народъ есть носитель спеціально ему присущихъ высокихъ доблестей, которыя отводятъ ему особое, высокое положеніе во всемірной исторіи. Послѣднюю мысль я бы назвалъ мыслью о богоизбранности русскаго народа.

Теорію общиннаго быта Константинъ Аксаковъ высказалъ сначала въ небольшой газетной статейкѣ „Родовое или общественное явленіе было Изгой", помѣщенной въ „Моск. Вѣд." 1850 г. (№ 97), а затѣмъ болѣе обстоятельно въ статьѣ „О

древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности", напечатанной въ I т. „Моск. Сборника" 1852 года.

Статья начинается съ констатированія того, что нѣмецко-русскіе ученые—Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, „не принадлежа къ русскому народу, не имѣя съ нимъ жизненной связи, принялись толковать его жизнь" и „объяснять русскимъ ихъ исторію". Подъ ихъ вліяніемъ и настоящіе русскіе ученые „смотрѣли также не по-русски на свою исторію" и „изображали русскую исторію такъ, что въ ней русскаго собственно ничего не было видно". „Но дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями и грамотами, но бытъ простого народа, сохранившійся въ своей тысячелѣтней оригинальности, подѣйствовали, наконецъ, на взгляды нашихъ ученыхъ, и желаніе понять русскую исторію настоящимъ образомъ, желаніе самобытнаго воззрѣнія—пробудились. Политическій взглядъ, гдѣ обыкновенно рисуются князья, войны, дипломатическіе переговоры и законы, взглядъ Шлецера и (его послѣдователя) Карамзина, былъ, наконецъ, оставленъ, и въ наше время вниманіе обратилось на бытъ народный, на общественныя, внутреннія причины его жизни". Къ числу представителей такого „желанія самостоятельнаго пониманія" и „воззрѣнія бытового" Аксаковъ причисляетъ, между прочимъ, Соловьева. Но тотъ же Соловьевъ, однако, а вмѣстѣ съ нимъ еще нѣсколько молодыхъ ученыхъ—Кавелинъ, Калачовъ, Афанасьевъ, освободившись отъ взглядовъ одного нѣмца—Шлецера, выдвинули другую нѣмецкую, совсѣмъ не соотвѣтствующую русской исторической дѣйствительности, теорію—о родовомъ бытѣ у древнихъ славянъ вообще и у русскихъ въ частности, теорію, возвѣщенную извѣстнымъ Эверсомъ.

По мнѣнію Аксакова, теорія о существованіи родового быта у древнихъ славянъ зиждется на томъ, что приверженцы ея „не опредѣлили настоящимъ образомъ, что такое родовой бытъ", и путаютъ два такихъ совершенно различныхъ понятія, какъ бытъ родовой и бытъ семейный. Такъ, Соловьевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей исторіи позволяетъ себѣ говорить „семья или родъ", а въ другихъ утверждаетъ, что предки наши не знали семьи; затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ говоритъ о родоначальникѣ, какъ о правителѣ рода, не знающемъ надъ собою высшей власти, въ чемъ и

выражается родовое начало, а въ другихъ мѣстахъ оказывается, по Соловьеву же, что „каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія“. Такую же сбивчивость представленій о родовомъ бытѣ Аксаковъ подчеркиваетъ и у Кавелина, который, кромѣ того, возмущаетъ его тѣмъ, что доводитъ родовой быть въ Россіи до Петра Великаго, между тѣмъ какъ даже Соловьевъ говоритъ, что родовой бытъ начинаетъ исчезать у насъ при Ярославѣ.

Остановившись еще на мнѣніяхъ Калачова и Афанасьева, изъ которыхъ послѣдній особенно смѣшиваетъ семью и родъ, Аксаковъ даетъ, затѣмъ, свое собственное опредѣленіе родового быта. Если при изложеніи взглядовъ Кавелина, онъ всего менѣе пріязненно относился къ стараніямъ послѣдняго подвести родовой бытъ у нашихъ предковъ подъ общій законъ развитія общественной жизни, свойственный всѣмъ народамъ, то теперь онъ, все-таки, „не думаетъ отвергать“, что „первоначальный бытъ—есть безспорно родовой“. Но въ чемъ отличительныя черты этого быта? Сдѣлавши краткій очеркъ хода его нарожденія, Константинъ Сергѣевичъ говоритъ: „Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во-первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во-вторыхъ, что отношенія родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны *семью*, а съ другой *гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ. Такимъ образомъ, семья и родъ, семейное и родовое начало не одно и то же, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родового или же оно находится на слабой ступени. Патріархальное и семейное начало образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу“.

Но если родовой бытъ, въ только что очерченномъ видѣ, и „былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы“, то, все-таки, „одни только

прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ бо́льшими или меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками". Славяне къ числу послѣднихъ народовъ, по мнѣнію К. Аксакова, не принадлежатъ. Такъ, если мы обратимся къ сказаніямъ древневизантійскихъ историковъ, то что мы находимъ? „Прокопій говоритъ, что славяне не повинуются одному мужу, но изначала живутъ при народномъ правленіи ἐν δημοκρατίᾳ. Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родового быта, ибо демократическое устройство такому быту противорѣчитъ". Тотъ же Прокопій сообщаетъ, „что у славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о своихъ дѣлахъ. Опять свидѣтельство, указывающее ярко на народное или общинное устройство". Маврикій говоритъ, что славяне не знаютъ правительства. Приблизительно то же самое отмѣчаютъ позднѣйшіе хронисты. Такъ, Адамъ Бременскій говоритъ о славянахъ, что они не терпятъ между собою господина или повелителя. Дитмаръ Мерзебургскій, „повѣствуя о вѣчахъ Лутичей и, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Прокопій, говоря, что они не повинуются одному, а всѣ совѣщаются о дѣлахъ своихъ,— прибавляетъ, что дѣла рѣшались единогласіемъ, которое было необходимо".

Отъ иноземныхъ свидѣтельствъ Константинъ Аксаковъ переходитъ къ разбору двухъ славянскихъ памятниковъ, на нѣкоторыхъ мѣстахъ которыхъ Соловьевъ съ особенною настойчивостью хотѣлъ основать свою теорію родового быта. Памятники эти—1) „Судъ Любуши" и 2) Лѣтопись Нестора.

Содержаніе „Суда Любуши" [1]), какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что братья Кленовичи поспорили объ отцовскомъ наслѣдствѣ и явились за разрѣшеніемъ спора къ княжнѣ Любушѣ. Любуша собираетъ снемъ (сеймъ) изъ Кметовъ, Леховъ и Владыкъ, предлагаетъ дѣло на ихъ разсмотрѣніе,

[1]) Въ настоящее время можетъ считаться совершенно установленнымъ, что „Судъ Любуши" не подлинный памятникъ, а поддѣлка Ганки. Но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія, потому что мнимымъ памятникомъ старины Аксаковъ пользуется не для того, чтобы что-нибудь основать на немъ, а только для того, чтобы показать, что его неправильно комментируетъ Соловьевъ.

причемъ отъ себя говоритъ, что по закону вѣкожизненныхъ боговъ, братья—или должны владѣть вмѣстѣ, или раздѣлиться поровну. Снемъ рѣшаетъ, чтобы оба брата владѣли вмѣстѣ. Старшій братъ недоволенъ этимъ рѣшеніемъ. Онъ съ яростью говоритъ, что наслѣдство надо дать первенцу, и поноситъ Любушу за то, что она другого мнѣнія. Тогда въ защиту ея поднимается Ратиборъ, который, усматривая съ словахъ старшаго Кленовича вліяніе нѣмецкихъ обычаевъ, говоритъ: „Не хвально намъ въ нѣмцахъ искать правды, у насъ правда по закону святому, которую принесли отцы наши“ и затѣмъ рисуетъ такую картину древне-чешской жизни: „Всякой отецъ воеводитъ свою челядь (домочадцевъ). Мужи пашутъ, женщины шьютъ одежду, и какъ скоро умираетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который, для пользы, ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ Кметами, Лехами, Владыками“.

Во всемъ этомъ Соловьевъ видитъ родовое устройство, съ его общимъ владѣніемъ и рѣшающей властью родоначальника. Но Аксаковъ видитъ тутъ, напротивъ того, полное опроверженіе теоріи родового быта:

„Любуша“, говоритъ онъ, „предлагаетъ или общее владѣніе, или ровный раздѣлъ. Снемъ рѣшаетъ общее владѣніе. Положимъ, что предметъ суда есть вопросъ родовой, вопросъ именно *родового* владѣнія, наслѣдства. Этотъ вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается на основаніи родового устройства (думаетъ г. Соловьевъ) именно словами Ратибора, въ которыхъ изображается родовой бытъ. Допустимъ это. Кѣмъ же представляется родъ? *Двумя братьями.* Весь споръ между ними и для нихъ, для рѣшенія братскаго спора приводится весь порядокъ, вся правда, принесенная предками. Что должны мы заключить? Или то, что родъ не имѣлъ другихъ представителей, былъ весь, кромѣ двухъ, уничтоженъ (а то бы всѣ родичи должны были участвовать въ спорѣ, ибо всѣ имѣли общее право на общее владѣніе, по мнѣнію послѣдователей Эверса); но такую случайность предположить трудно и объ ней было бы упомянуто, тѣмъ болѣе, что оба брата—древняго происхожденія. Или же, что гораздо проще, судебный вопросъ этотъ былъ не родовой, а чисто *семейный.* Да и прямо говорится, что споръ идетъ объ отцовской дѣдинѣ. Тогда дѣло перемѣняется и родовое устройство исчезаетъ: ибо какъ скоро выступаетъ семья, какъ скоро рѣчь идетъ только между братьями и ни о какихъ родичахъ нѣтъ и рѣчи, то гдѣ же общее владѣніе рода, гдѣ же родовой бытъ, который допускаетъ участіе всѣхъ родичей, особенно, когда родъ оставался безъ главы!—Итакъ, на сценѣ только *семья,* выдѣлившаяся, слѣдовательно, изъ рода, а рода нѣтъ“

Затѣмъ: „Вспомнимъ, что Любуша, *по закону вѣкожизненныхъ боговъ*, говоритъ братьямъ: или владѣйте вмѣстѣ или раздѣлите поровну. Итакъ, и то и другое—по закону боговъ", и рушится, значитъ, другой отличительный признакъ родового быта—общность владѣнія.

Наконецъ, что касается мѣста рѣчи Ратибора, гдѣ говорится о выборахъ и роли владыки, то здѣсь Аксаковъ не усматриваетъ ничего такого, что бы давало основаніе видѣть во владыкахъ родоначальниковъ. Если „въ пѣснѣ говорится, что дѣти выбираютъ себѣ владыку, (а не отца, не родоначальника), который ходитъ въ снемы съ Кметами и Лехами, то это значило, что каждая семья посылала на сходку своего представителя. Кто знаетъ устройство нашихъ сходокъ, тотъ увидитъ, что этотъ обычай и до сихъ поръ у насъ сохранился въ народѣ; на сходку ходитъ или старшій въ домѣ, или же избранный въ домѣ отъ семьи. Кого послать—это былъ и есть домашній распорядокъ внутри дома, но за порогъ дома семья у насъ не переходила. Итакъ, владыки были то же, что и теперь у насъ—избранные или неизбранные представители семей на сходѣ. Кметы и Лехи, составлявшіе, какъ видно, званія (можетъ быть, мужи княжіе), уже не по званію своему тамъ засѣдали, какъ у насъ потомъ на земскихъ соборахъ бояре и выборные люди".

Покончивъ съ „Судомъ Любуши", составляющимъ одинъ изъ краеугольныхъ камней теоріи Соловьева, Константинъ Сергѣевичъ останавливается нѣсколько на извѣстномъ изслѣдованіи Губе о наслѣдственномъ правѣ у славянъ. Изъ него онъ извлекаетъ рядъ одиночныхъ доказательствъ того, что у древнихъ славянъ отнюдь не было родового быта, а дѣйствовала воля семьи, и затѣмъ переходитъ къ другому краеугольному камню поборниковъ родового быта—лѣтописи Нестора. У Нестора имѣется слѣдующее мѣсто, съ перваго раза, дѣйствительно, заставляющее думать, что у предковъ нашихъ господствовалъ родовой бытъ:

„Поляномъ же, живущемъ особѣ и володѣющимъ роды своими, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ".

Но въ какомъ, однако же, смыслѣ употреблено здѣсь „родъ"?

„Несторъ, говоря о Полянахъ, вслѣдъ за вышеприведенными словами, разсказываетъ о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ; это даетъ намъ возможность прослѣдить и провѣрить слова Нестора о Полянахъ. Кій, Щекъ и Хоривъ—три брата: одинъ ли это родъ? Конечно, если сколько-нибудь есть родовое устройство. Что же мы видимъ? Что всѣ трое жили особо, на своихъ мѣстахъ. Кій живетъ на горѣ, гдѣ увозъ Боричевъ, Щекъ—на другой горѣ, Щековицѣ, а Хоривъ—на третьей, Хоревицѣ. Итакъ, каждый братъ составлялъ особый родъ, но возможно ли это при родовомъ устройствѣ? Три брата не могли быть тремя родоначальниками и раздѣлить родъ на трое, ибо родовое устройство такого дѣленія не допускаетъ. Если же у каждаго изъ нихъ могъ быть свой родъ, ибо они жили особо другъ отъ друга, то это можно объяснить не иначе, какъ тѣмъ, что родъ былъ *семья*“. Въ послѣднемъ убѣжденіи Аксакова поддерживаетъ еще и то, что „лѣтопись Нестора южно-русская, и въ ней много встрѣчается, и до сихъ поръ сохранившихся въ Малороссіи, южно-русскихъ выраженій,—а въ Малороссіи и теперь родъ имѣетъ значеніе семьи. Малороссъ, говоря про свою семью, скажетъ: *се мій родъ*. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что родъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ лѣтописи имѣетъ значеніе *семьи*; онъ упоминается только у Полянъ, у которыхъ однихъ былъ *бракъ* и, слѣдовательно, *семья*“. Да и по-русски развѣ мы не говоримъ: „двоюродный братъ“? А что значитъ: *двоюродный*? Здѣсь мы легко открываемъ двойственное число: *двою роду*, то-есть: *двухъ родовъ*; итакъ, двоюродный братъ значитъ братъ *двухъ семей*“.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, доказательства, выставляемыя приверженцами теоріи родового быта, Аксаковъ начинаетъ уже отъ себя приводить рядъ свидѣтельствъ древнихъ памятниковъ, по его мнѣнію, рѣшительно не оставляющихъ мѣста для предположеній о существованіи родового быта въ древней Руси. Такъ, по Русской Правдѣ, „мстить долженъ или братъ, или отецъ, или племянникъ съ братниной или сестриной стороны; вотъ всѣ родовые мстители“. Вяжется ли такое ограниченіе со сколько-нибудь развитымъ родовымъ бытомъ?

Но еще важнѣе другое свидѣтельство Русской Правды

изъ области гражданскихъ отношеній, именно то, что имѣніе человѣка, не оставившаго послѣ себя дѣтей, считается вымороченымъ и переходитъ къ князю. Тутъ уже, значитъ, о родовомъ бытѣ съ его общимъ владѣніемъ и рѣчи не можетъ быть.

Всѣ эти „опроверженія родовому быту“ и приводятъ Аксакова къ мысли о бытѣ *семейномъ* и вмѣсѣ *общинно-вѣчевомъ*. Не довольствуясь уже извѣстными намъ свидѣтельствами Прокопія, Маврикія, Дитмара Мерзебургскаго, Адама Бременскаго и „Суда Любуши“, К. Аксаковъ приводитъ длинный рядъ почерпнутыхъ изъ лѣтописи фактовъ древнерусской жизни, фактовъ, говорящихъ какъ о развитіи государственной жизни, такъ и о широкомъ народовластіи.

Кѣмъ призываются Варяги? Всѣмъ народомъ. Ни о старѣйшинахъ, ни о старцахъ въ относящемся сюда лѣтописномъ сказаніи ни слова нѣтъ. Призваніе князей было полнымъ проявленіемъ „народной воли. Это заставляетъ предполагать бытъ народный, общинный. Самое призваніе князя, особенно же племенами, даже чужеродными (славяне, чудь), устраняетъ всякую мысль о родовомъ бытѣ. Это поступокъ гражданскій, государственный и сознательный“. „Въ договорѣ съ греками Олега, еще виднѣе Игоря, высказывается вполнѣ общинное устройство, которое вдругъ завести нельзя. Въ этихъ договорахъ посольство правится отъ великаго князя князей, бояръ, купцовъ и отъ всей земли. Бытъ вполнѣ общественный. Это то же явленіе, какое мы видимъ и впослѣдствіи и которое приняло образъ Земской Думы, Земскаго Собора. Въ договорахъ этихъ выступаетъ значеніе всей земли, всего народа“.

Еще характернѣе событія, связанныя со смертью Игоря. *Древляне, сдумавши* съ княземъ своимъ Маломъ, (а не князь Малъ Самъ по себѣ) и не видя конца насиліямъ Игоря, убиваютъ послѣдняго. Послѣ этого *Древляне* (т. е. народъ) говорятъ: возьмемъ Ольгу за нашего князя Мала. *Древляне* же посылаютъ лучшихъ мужей къ Ольгѣ. Мужи эти, пришедши къ Ольгѣ, говорятъ: посла ны *Деревьска земля*“.

Когда Святославъ „жилъ въ Переяславлѣ, и Кіевъ едва былъ спасенъ воеводою Претичемъ отъ печенѣговъ, кіевляне посылаютъ сказать ему, что онъ бросилъ свою землю и ищетъ

чужой, напоминаютъ ему о матери его и дѣтяхъ, о семейныхъ его обязанностяхъ. Нечего и говорить, что тутъ между княземъ и народомъ не было никакихъ родовыхъ или патріархальныхъ отношеній".

Чѣмъ дальше отодвигается Аксаковъ отъ первыхъ князей Рюрикова дома, тѣмъ легче, понятно, ему становится находить доказательства существованія государственнаго быта въ древней Руси. И если бы его задача состояла въ томъ, чтобы доказать невѣрность теоріи родового быта, онъ бы могъ ограничиться вышеприведенными фактами, такъ какъ несостоятельность мнѣнія Кавелина, что родовой бытъ сохранился до Петра I, слишкомъ уже очевидна, а Соловьевъ и самъ признаетъ, что при Ярославѣ родовой бытъ исчезаетъ въ Россіи.

Но Константину Аксакову хочется, кромѣ того, доказать, что укладъ государственной жизни древней Россіи былъ общинно-вѣчевой. Вотъ почему онъ и приводитъ длинный рядъ выписокъ изъ лѣтописей, доказывающихъ первенствующее значеніе народной воли въ древне-русской жизни и зависимость князя отъ вѣча. Такъ, кіевляне, собравшись въ 1067 г. на вѣче и встрѣтивъ въ Изяславѣ I сопротивленіе своему намѣренію сразиться съ Половцами, освободили заключеннаго Всеслава и поставили его княземъ, а Изяславъ долженъ былъ удалиться. Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ, предлагая Олегу идти противъ Половцевъ, дѣлаютъ это въ такой формѣ: „Поиди Кыеву, да порядокъ положимъ о русьтѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ хоронили руськую землю отъ поганыхъ". Ослѣпленіе Василька совершилось лишь послѣ того, какъ Святополкъ, имѣвшій уже Василька въ своихъ рукахъ, собралъ кіевлянъ на вѣче и увѣрилъ ихъ, что Василько питаетъ разные предательскіе замыслы. Въ томъ же году, когда Володарь и Василько осадили Давида во Владиміръ (Волынскомъ), они вели переговоры не съ Давидомъ, а съ Владимірцами, которые „созваша вѣче" и заставили князя покориться своему рѣшенію. Въ 1146 году, послѣ брата своего Всеволода Ольговича, Игорь сталъ княземъ Кіевскимъ. „И неугоденъ былъ Кіяномъ Игорь", и послали они къ Изяславу и сказали послѣднему: „Пойди

княже, къ намъ, хощемъ тебѣ. Не хотимъ Ольговичей, *не хотимъ доставаться какъ бы по наслѣдству*". Сѣвши на Кіевскій столъ, Изяславъ задумалъ идти походомъ противъ Юрія, сына Владиміра Мономаха. Но кіевляне, созванные Изяславомъ для совѣта, прямо ему отвѣтили: „Князь! Ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ поднять руки на Владиміровс племя; если на Ольговичей, то готовы хоть съ дѣтьми". Изяславъ соединился тогда съ черниговскими Ольговичами, но когда тѣ затѣяли измѣну, послалъ опять къ кіевлянамъ за помощью. Кіевляне сошлись всѣ, отъ мала до велика, къ святой Софіи на дворъ, составили вѣче и на этотъ разъ, возмущенные предательствомъ Ольговичей, оказали князю содѣйствіе. Въ 1154 г. Изяславъ умираетъ. „И посадиша въ Кіевѣ Ростислава Кіяне рекуче ему: якоже братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава [1]), тако же и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой". „Здѣсь", замѣчаетъ Аксаковъ, „народъ распоряжается княжествомъ".

Ростиславъ, ставъ княземъ, затѣялъ разные походы и уѣхалъ изъ Кіева, но мужи уговаривали его вернуться туда, говоря ему: „Ты съ *людьми* (т. е. народомъ), въ Кіевѣ еще не *утвердился*; поѣзжай лучше въ Кіевъ, утвердись съ народомъ".

Еще нѣсколько, подобныхъ предыдущему, примѣровъ огромнаго значенія народной воли въ древне-русской жизни приводитъ Константинъ Аксаковъ и затѣмъ съ торжествомъ отмѣчаетъ слѣдующія въ высшей степени замѣчательныя и важныя слова лѣтописи: „*Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости) якоже на думу, на вѣча сходятся*". Слова эти „прямо указываютъ на общинное устройство во всей русской землѣ".

„Мы привели достаточно примѣровъ", говоритъ затѣмъ Константинъ Сергѣевичъ, „доказывающихъ, что въ древней Руси было общественное, именно общинное устройство,—общинный бытъ. Здѣсь нѣтъ и мѣста родовому быту. Это общинное устройство, со времени единодержавія Москвы, провозгласившей имя всей земли русской, не уничтожилось. Изъ грамотъ мы видимъ, какъ цѣлыя волости, слободы управляются выбор-

[1]) Вячеславъ былъ старшій въ родѣ и могъ бы претендовать на княжество, чего однако не дѣлалъ, довольствуясь почтительнымъ къ нему отношеніемъ Изяслава..

нымп людьми. Губные старосты, цѣловальники, выборные люди, присутствовавшіе на судахъ,—все показываетъ, что древняя основа хранилась.—Наконецъ, Земскіе Соборы, созываемые царями ото всей Земли, представляли голосъ и совѣтъ всей русской Земли, что тогда ясно чувствовалось и сознавалось.—Междуцарствіе, въ теченіе котораго разлетѣлась на время государственная облочка и обнажилась *Земля*, показываетъ намъ, что она не отвыкла отъ своего устройства: безпрестанныя совѣщанія народныя въ городахъ и селахъ, совѣщанія, на которыхъ, по обычаю русскому, всѣ сословія, весь народъ принималъ участіе, условія Земли съ воеводами троеначальниками, наконецъ, выборный отъ всей Земли русской,—все это свидѣтельствуетъ, что *община постоянно была основою русскаго общественнаго устройства*».

Заканчивается статья такъ:

„Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе: *русская Земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) Земля*".

Таковы основы выдвинутой Константиномъ Аксаковымъ общинной теоріи.

Не трудно замѣтить въ ней, при сколько-нибудь детальномъ анализѣ, рядъ частныхъ недохватокъ и тенденціозныхъ натяжекъ. Не станемъ, однако же, останавливаться на мелочахъ и укажемъ только существеннѣйшій недостатокъ Аксаковской теоріи, именно отмѣтимъ крайнюю неопредѣленность, съ которою авторъ общинной теоріи пользуется словомъ „общинный".

Подъ общиною принято понимать небольшую территоріальную или соціальную единицу, тѣсно связанную общностью непосредственныхъ житейскихъ интересовъ. Въ частности, подъ общиною въ русской экономической и политической литературѣ принято подразумѣвать общину сельскую. Между тѣмъ, К. Аксаковъ подставляетъ подъ слова „община" и „общинный" самыя разнообразныя понятія. Такъ, въ только-что приведенномъ резюме статьи о родовомъ бытѣ, онъ прямо употребляетъ какъ синонимы слова „общинный" и „общественный", а въ другихъ мѣстахъ у него понятія объ общинности сливаются съ понятіемъ о государственности, и „община" обнимаетъ собою то пространство волости, то пространство княжества, то, наконецъ, пространство всей Россіи. Разбирая, напр., I томъ исторіи Соловьева, Аксаковъ говоритъ по поводу исторической роли Москвы: „Москва первая

задумала единство государственное и начала уничтоженіе отдѣльныхъ княжествъ. Вся эта борьба княжествъ на общины не простиралась; общины были довольны, когда падали между ними государственныя перегородки. Государство, уничтожая ихъ, исполняло желаніе земли, и, стремясь къ единству государственному, содѣйствовало единству земскому. Нѣтъ ни одного примѣра, чтобы община заступилась за своего князя. Москва провозглашаетъ, наконецъ, имя всей Руси, единаго русскаго государства и единой Русской Общины, русской земли".

На пространствѣ нѣсколькихъ строкъ тутъ господствуетъ самое хаотическое смѣшеніе административно-политическихъ единицъ, и предѣлы общины до того раздвинуты, что теряется всякое реальное о ней представленіе.

И, конечно, эта неопредѣленность и смѣшеніе понятій могли бы совсѣмъ подорвать значеніе общинно-вѣчевой теоріи, если бы не здоровое зерно ея, если бы не то, что въ основѣ ея лежало глубокое пониманіе внутренняго смысла древне-русской исторіи. Теперь, когда прошло 60 лѣтъ послѣ появленія статьи Константина Аксакова, не найдется уже ни одного историка, который сталъ бы игнорировать огромную роль общинно-вѣчевого начала въ ходѣ древне-русской государственной жизни. Приведенные нами факты, на которыхъ Константинъ Аксаковъ основалъ свой взглядъ, были, конечно, хорошо извѣстны и до него. Но прежній *государственный* взглядъ на исторію настолько еще сильно владѣлъ умами историковъ русскихъ, настолько еще сильна была привычка обращать вниманіе исключительно на трактаты, походы и княжескія междоусобія, что все, касавшееся народа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, оставалось въ тѣни. Вотъ почему оставались въ тѣни и факты, такъ рѣзко выдвинутые Константиномъ Аксаковымъ на первый планъ. И факты эти, дѣйствительно, говорятъ все то, что подчеркивалось съ такимъ энтузіазмомъ восторженнымъ авторомъ общинно-вѣчевой теоріи. Они, дѣйствительно, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно необыкновеннаго развитія демократическихъ чувствъ къ древней Руси и широкихъ предѣловъ народовластія. Они, дѣйствительно, говорятъ о подставленной Конст. Сергѣевичемъ вмѣсто „рода" сельской общинѣ, какъ объ

основной соціальной единицѣ, дававшей тонъ всему укладу древне-русской жизни. И вотъ почему подборъ всѣхъ этихъ фактовъ былъ новымъ откровеніемъ для занимавшихся русскою исторіею. Съ тѣхъ поръ основныя черты Аксаковской теоріи доминируютъ въ разработкѣ древне-русскаго права. Всецѣло, со всѣми ея деталями, теорія Аксакова, правда, не принята, но во-первыхъ: теорія родового быта пала совершенно, и даже тѣ изъ изслѣдователей, которые нѣсколько отрицательно относятся къ воззрѣніямъ Константина Аксакова на древне-русскую жизнь (проф. Самоквасовъ, напр., или Забѣлинъ), не могутъ не признать, что критическая часть обсуждаемой нами статьи блистательна. Конст. Сергѣевичъ окончательно похоронилъ теорію родового быта въ томъ видѣ, какъ ее создали Эверсъ и Соловьевъ, и послѣ его статьи ни одинъ серьезный изслѣдователь не поднялъ этой теоріи, которая теперь фигурируетъ исключительно въ обзорѣ *старыхъ* воззрѣній на древне-русскій бытъ.

Но важнѣе, конечно, положительная часть теоріи Константина Аксакова. Про нее-то и можно сказать, что она доминируетъ въ современныхъ воззрѣніяхъ на древне-русское право. Если мы переберемъ взгляды главнѣйшихъ юристовъ и историковъ послѣднихъ 50 лѣтъ, то мы увидимъ, что большинство изъ нихъ и при томъ такіе люди, какъ Бѣляевъ, Лешковъ, Костомаровъ, Шпилевскій, Градовскій, всецѣло примыкаютъ къ воззрѣніямъ Костантина Сергѣевича на древне-русскій общественный укладъ. Другіе, какъ Сергѣевичъ, Владимірскій-Будановъ, принимаютъ ихъ съ нѣкоторыми оговорками. Наконецъ, третьи, выступающіе съ собственными теоріями, какъ Леонтовичъ и Бестужевъ-Рюминъ съ теоріей задруги, или Соколовскій съ теоріей волостной, по существу, все-таки тоже примыкаютъ къ направленію, созданному Константиномъ Сергѣевичемъ. Община-задруга на хорватскій образецъ и волость съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ она является напр., въ теоріи П. А. Соколовскаго—все это видоизмѣненія одного и того же общественнаго и правового института. Важна основа, а она-то именно одна и та же и въ волостной, и въ задружной и въ Аксаковской теоріи; важно, что всѣ эти теоріи съ одинаковою энергіей выдвигаютъ рѣшающее значеніе демократически-альтруистическихъ началъ, глубоко

коренящихся въ русской народной психологіи и потому окрашивающихъ въ свой цвѣтъ тотъ періодъ древне-русской жизни, когда вліяніе другихъ факторовъ было слабо. И вотъ эта-то энергія въ подчеркиваніи демократическаго характера старо-русской жизни, этотъ-то энтузіазмъ предъ основами русскаго народнаго быта и составляетъ огромную заслугу Константина Аксакова. Онъ внесъ народничество въ разработку древне-русскаго права, онъ заставилъ насъ смотрѣть на народное міровоззрѣніе и складъ народнаго характера съ тѣмъ уваженіемъ, котораго они заслуживаютъ по своему огромному вліянію на ходъ русской исторіи. Онъ пріобщилъ, такимъ образомъ, русскую историческую науку къ тому великому движенію демократическихъ идей, которое составляетъ основную черту духовной жизни русской интеллигенціи вотъ уже болѣе шестидесяти лѣтъ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по адресу проф. Самоквасова, который въ своемъ курсѣ исторіи русскаго права называетъ первымъ провозвѣстникомъ общинно-вѣчевой теоріи Бѣляева. Это невѣрно. Ошибка профессора произошла вслѣдствіе того, то онъ считаетъ, что впервые Константинъ Аксаковъ высказалъ свои мысли о родовомъ бытѣ въ обсужденной нами статьѣ, появившейся въ „Моск. Сборникѣ“ 1852 года. А такъ какъ Бѣляевъ двумя годами раньше, во „Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ 1850 г., кн. VII, помѣстилъ статью „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ“, гдѣ высказалъ идеи, весьма схожія съ тѣми, которыя проводилъ Константинъ Аксаковъ въ своей статьѣ о родовомъ бытѣ, то оно и выходитъ, какъ будто Бѣляевъ имѣетъ тутъ права первенства. Но дѣло въ томъ, что мысли свои объ общинно-вѣчевомъ началѣ древней Руси Аксаковъ только *развилъ* въ статьѣ „Моск. Сборника“ 1852 года. Въ общихъ же чертахъ всѣ эти мысли выражены имъ въ статьѣ „Родовое или общественное явленіе былъ Изгой“, помѣщенной въ началѣ 1850 года въ „Моск. Вѣд.“ (№ 97) и заключавшей въ себѣ прямое обѣщаніе „представить въ особой статьѣ доказательство того, что въ древней Руси не было родоваго быта, а былъ бытъ общественный“. Статья „Моск. Сборн.“ и явилась исполненіемъ этого обѣщанія.

Уже если говорить въ данномъ случаѣ о чьихъ-нибудь правахъ на первенство, то рѣчь можетъ идти только о Юріѣ Самаринѣ, который въ статьѣ „О мнѣніяхъ „Современника“ историческихъ и литературныхъ“, помѣщенной въ „Москвит.“ 1847 г. (ч. II, стр. 135—174), дѣйствительно, первый въ русской литературѣ, хотя очень кратко, но все-таки очень опредѣленно, заявилъ: „общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, зарыты въ его плодотворной глубинѣ“.

Только что сдѣланное указаніе принадлежитъ Пыпину и высказано имъ въ его „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“ еще въ началѣ 1870-хъ годовъ. Этимъ замѣчаніемъ почтенный изслѣдователь хотѣлъ ослабить панегирикъ Костомарова, который ставилъ Константину Аксакову въ особую заслугу провозглашеніе общиннаго начала. Мнѣ представляется, однако, что поправка Пыпина имѣетъ по преимуществу библіографическое значеніе и заслугъ Аксакова не умаляетъ. Да, дѣйствительно, *въ печати* общинную теорію первый провозгласилъ *М... З... К.* (псевдонимъ Юрія Самарина). Но вѣдь достаточно извѣстно, что славянофильскій кружокъ представлялъ собою нѣчто до такой степени сплоченное и слитное, что отдѣлять, гдѣ начинаются мнѣнія одного изъ членовъ кружка и гдѣ кончаются мнѣнія другого, является дѣломъ почти невозможнымъ. Первые славянофилы были люди, тѣсно связанные не только единствомъ духовныхъ стремленій, но и личнымъ общеніемъ. Чуть ли не ежедневно встрѣчались они другъ съ другомъ либо въ домѣ Хомякова, либо у Кирѣевскихъ, Самариныхъ, либо, наконецъ, у Аксаковыхъ и въ живомъ обмѣнѣ мыслей разрабатывали детали общаго имъ всѣмъ міросозерцанія. Иниціатива принадлежитъ тутъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Одинъ дѣлалъ намекъ, другой его подхватывалъ, третій подбиралъ доказательства и въ общемъ получался тезисъ, родительскія права на который въ одинаковой степени должны приписываться всѣмъ членамъ кружка безраздѣльно. Вотъ почему, между прочимъ, первоначальное славянофильство совсѣмъ не знаетъ фракцій. Тутъ люди до того спѣлись *предварительно*, дома, что выступали въ печать уже съ совершенно

законченнымъ міровоззрѣніемъ, вошедшимъ въ плоть и кровь каждаго изъ принимавшаго участіе въ выработкѣ его. Слѣдовательно, *печатное* первенство въ дѣлѣ возвѣщенія славянофильскихъ принциповъ можетъ имѣть исключительно библіографическій интересъ и всегда есть простая случайность. Юрію Самарину по конкретной надобности (для опроверженія идей Кавелина) пришлось говорить объ общинномъ началѣ,— онъ его и провозгласилъ. А Константину Аксакову въ 1847 г. надобности такой не было, онъ и не высказался. Но отсюда всего менѣе слѣдуетъ, чтобы Константинъ Сергѣевичъ чему-нибудь научился изъ коротенькой, чисто катехизической статейки Самарина или узналъ бы что-нибудь новое изъ нея. Все это было ему превосходно извѣстно раньше, и въ кружковыхъ дебатахъ онъ, конечно, не одно тутъ доказательство подобралъ и не одинъ разъ укрѣплялъ своимъ паѳосомъ увѣренность сочленовъ въ томъ, что дѣйствительно только общиннымъ началомъ можно уяснить себѣ явленія древне-русской и современной народно-русской жизни.

Я нѣсколько распространился по вопросу о правахъ первенства Юрія Самарина на общинную теорію, потому что тутъ идетъ рѣчь объ особенности, имѣющей значеніе для оцѣнки всѣхъ вообще идей разсматриваемаго нами писателя. Очень важно подчеркнуть, что, читая сочиненія основателей славянофильства, мы какъ будто имѣемъ предъ собою разныя редакціи одного и того же. У одного короче, у другого длиннѣе, у одного съ бо́льшимъ, у другого съ меньшимъ талантомъ, у одного суше, у другого страстнѣе, наконецъ, у одного намеки, у другого подробное развитіе. *Только этими*, почти внѣшними качествами и отличаются сочиненія славянофиловъ другъ отъ друга. Въ частности, слѣдовательно, идеи Константина Аксакова не ему одному принадлежатъ. Если же я усматриваю въ нихъ писательскую индивидуальность Константина Сергѣевича, то потому, что помимо такихъ уже чисто-индивидуальныхъ качествъ, какъ, напримѣръ, хорошее знаніе русской исторіи, древне-русскаго юридическаго быта и т. д., сочиненія Константина Аксакова рѣзко запечатлѣны его необыкновенною страстностью, благодаря которой онъ довелъ всѣ принципы славянофильства до ихъ крайняго развитія. Тамъ, гдѣ у спо-

койныхъ Кирѣевскихъ, дѣловитаго Самарина и лишеннаго *душевнаго* энтузіазма Хомякова идетъ спокойная экспозиція, тамъ Константинъ Аксаковъ, выражаясь вульгарно, рветъ и мечетъ. Онъ въ славянофильствѣ занимаетъ приблизительно такое же мѣсто, какое занимаетъ въ западничествѣ его нѣкогда закадычный другъ Бѣлинскій. И „неистовый Виссаріонъ“ проводилъ идеи, далеко не ему одному принадлежавшія, но онъ проводилъ ихъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что онѣ остались въ литературѣ съ его именемъ. У Константина Аксакова не было таланта Бѣлинскаго, но и въ его изложеніи многія славянофильскія идеи, благодаря горячей убѣжденности, запечатлѣваются рѣзче, чѣмъ въ изложенія другихъ славянофиловъ, и потому онѣ по справедливости должны быть связаны именно съ его литературною дѣятельностью.

Возвращаясь же къ проф. Самоквасову, замѣчу, что во всякомъ случаѣ, если говорить о *фактическомъ* вліяніи общинно-вѣчевой теоріи на разработку древне-русской исторіи, то честь его всецѣло принадлежитъ Константину Аксакову. Статья Бѣляева настолько мало извѣстна, что одинъ только проф. Самоквасовъ и цитируетъ ее. Всѣ же, которые поддались дѣйствію народническихъ воззрѣній на древне-русскую жизнь, взяли ихъ у Константина Сергѣевича. Это онъ ихъ зажегъ своимъ восторженнымъ энтузіазмомъ, это его стремительность опрокинула освященное прежнею историческою наукою пренебреженіе къ основамъ народнаго міросозерцанія.

XIV.

„Земля“ и государство.

Переходя ко второй основной мысли историческихъ работъ Константина Сергѣевича—о томъ, что русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятіе о „землѣ“ отъ понятія о государствѣ, не могу не замѣтить прежде всего, что, свидѣтельствуя, какъ и все когда-либо вышедшее изъ-подъ пера Константина Аксакова, о глубокомъ благоговѣніи его къ качествамъ русскаго народнаго духа, мысль эта, однакоже, весьма мало гармонируетъ съ только-что очерченной теоріей того же автора о широкомъ значеніи народовластія въ древней Руси. Читатель, конечно, замѣтилъ, съ какою энергіею Аксаковъ подбиралъ лѣтописные факты, изъ которыхъ ясно, что важнѣйшія событія государственной жизни древней Руси совершались при непосредственномъ участіи народа. Всѣ вообще усилія автора теоріи объ общинно-вѣчевомъ бытѣ только къ тому и направлены, чтобы показать, какъ въ первоначальные періоды нашей исторіи русскій народъ *государствовалъ*.

Но что же находимъ мы въ двухъ статьяхъ „*Объ основныхъ началахъ русской исторіи*“, которыя совершенно правильно ставятся во главѣ историческихъ работъ Константина Аксакова, какъ заключающія въ себѣ главныя мысли его о русской исторіи?

Авторъ даетъ въ ней очеркъ нарожденія русскаго государственнаго уклада. До Рюрика, говоритъ онъ, „славянскія племена, населявшія Россію, жили подъ условіями быта:

община, такъ устроенная, носитъ простое названіе земли, которое мы удержимъ: оно оправдается впослѣдствіи". Но вотъ землю начинаютъ тѣснить „бранные, неугомонные сосѣди", возникаетъ также вражда внутренняя. Тогда „земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, рѣшается призвать на защиту государство. Но надо замѣтить, славяне не образуютъ изъ себя государство, они призываютъ его; они не изъ себя избираютъ князя, а ищутъ его за моремъ; такимъ образомъ, они *не смѣшиваютъ земли съ государствомъ, прибѣгая къ послѣднему, какъ къ необходимости для сохраненія первой. Государство, политическое устройство—не сдѣлалось цѣлью ихъ стремленія*,—ибо они отдѣляли себя или земскую жизнь отъ государства и для сохраненія первой призвали послѣднее".

Стремленіе отдѣлить землю отъ государства такъ глубоко вкоренилось въ русскомъ характерѣ, что оно замѣтно даже у такой вольницы, какъ новгородцы. „Многіе думаютъ о Новгородѣ", говоритъ Аксаковъ, „какъ о наиболѣе мѣнявшемъ князей, что онъ былъ республика: совершенно ложно! Новгородъ не могъ оставаться безъ князя. Возьмите новгородскую лѣтопись, прочтите, съ какимъ ужасомъ говоритъ лѣтописецъ о томъ, что они три недѣли были безъ князя".

Чрезъ всю исторію Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ ея и вплоть до междуцарствія и Петра, проходитъ это рѣшительное открещиваніе отъ власти. „Государство никогда у насъ не обольщало собою народа, не плѣняло народной мечты; вотъ почему, хотя и были случаи, не хотѣлъ народъ нашъ облечься въ государственную власть, а отдавалъ эту власть избранному имъ и на то назначенному государю, самъ желая держаться своихъ внутреннихъ жизненныхъ началъ".

Можно быть разнаго мнѣнія объ исторической вѣрности только-что приведеннаго взгляда Аксакова и о степени его соотвѣтствія съ такими явленіями древне-русской жизни, какъ частые земскіе сборы или выборное замѣщеніе должностей чисто-административнаго характера, т. е. представлявшихъ собою делегацію центральной государственной власти. Но, во всякомъ случаѣ, едва ли кто станетъ отрицать коренное противорѣчіе выдвигаемаго нашимъ авторомъ открещиванія отъ власти съ общимъ характеромъ фактовъ, имъ же под-

черкиваемыхъ въ статьѣ объ общинномъ бытѣ. Тамъ объ этомъ открещиваніи и индифферентизмѣ не было ни слова. Напротивъ того, энергично указывалъ Константинъ Сергѣевичъ на то, что „голосъ и совѣтъ Русской земли“ имѣлъ огромное значеніе даже въ эпоху царскую, когда по общему представленію народовластіе исчезло окончательно. Съ энтузіазмомъ подчеркиваетъ онъ тамъ, что въ эпоху междуцарствія происходили „безпрестанныя совѣщанія народныя въ городахъ и селахъ, совѣщанія, на которыхъ, по обычаю русскому, всѣ сословія, весь народъ принималъ участіе“, что земля предъявила свои условія къ воеводамъ-троеначальникамъ и что вообще даже „единодержавіе Москвы“ ничуть не измѣнило прежняго уклада. О томъ же, что все это народовластіе носитъ тотъ особенный, мало имѣющій общаго съ обычными представленіями о народовластіи характеръ, который придаетъ ему Константинъ Аксаковъ въ своихъ стараніяхъ отдѣлить понятіе древне-русской „земли“ отъ понятія о государствѣ, обо всемъ этомъ, повторяю, авторъ статьи объ общинномъ бытѣ и не заикался. Странность тѣмъ болѣе разительная, что статья объ общинномъ бытѣ написана позже статей, трактующихъ о различіи между древне-русскою „Землей“ и государствомъ.

Странность эта, однако же, вполнѣ объяснится, если мы примемъ во вниманіе, что не an und für sich привлекали Константина Сергѣевича историческія явленія, изслѣдованіемъ которыхъ онъ отъ времени до времени занимался. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которыхъ интересуетъ предметъ изслѣдованія, какъ таковой. Публицистъ и трибунъ по натурѣ, онъ приступалъ къ историческимъ работамъ исключительно затѣмъ, чтобы обставить „фактами“ тѣ апріорные выводы, которые онъ дѣлалъ подъ диктовку общаго своего міровоззрѣнія. Въ данномъ случаѣ, вопросъ объ общинномъ бытѣ древней Руси отнюдь не по существу занималъ нашего пламеннаго патріота. Все это ему нужно было какъ средство *выставить въ идеальномъ видѣ древне-русскую жизнь*. Бытъ государственный выше патріархальнаго, и народу, стоящему на этой ступени историческаго развитія, отводится въ этнографической іерархіи болѣе почетное мѣсто—вотъ изъ чего *сердцемъ* исходилъ Константинъ Сергѣе-

вичъ и вотъ что побуждало его выдвинуть общинно-вѣчевую теорію, какъ возвеличивающую основы русскаго народнаго быта и духа. А что тутъ не было строгаго соотвѣтствія съ тѣмъ весьма ограниченнымъ народовластіемъ, которое лежитъ въ основѣ ученія Константина Аксакова о различіи между „землею“ и государствомъ—это потому мало тревожило его, что само-то ученіе о различіи „земли“ и государства есть тоже не что иное, какъ средство *выставить въ идеальномъ видѣ древне-русскую жизнь*.

О какомъ, въ самомъ дѣлѣ, высокомъ нравственномъ уровнѣ говорить эта раздѣльность, если понимать ее, а главное, объяснять ея происхожденіе такъ, какъ оно дѣлается Аксаковымъ.

„Нравственное дѣло“, говоритъ онъ, „должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы. Вполнѣ достойный путь одинъ для человѣка: путь свободнаго убѣжденія, путь мира, тотъ путь, который открылъ намъ Божественный Спаситель и которымъ шли Его Апостолы. Это путь *внутренней правды*“.

Существуетъ, однако, и „другой путь, гораздо, повидимому, болѣе удобный и простой; внутренній строй переносится во внѣ, и духовная свобода понимается только какъ *устройство*, *порядокъ*; основы, начала жизни понимаются какъ правила и предписанія. Все формулируется. Этотъ путь не внутренней, а *внѣшней правды*, не совѣсти, а принудительнаго закона“.

Послѣднимъ путемъ, „путемъ внѣшней правды, путемъ государства двинулось западное человѣчество“. Такой путь гибеленъ. „Формула, какая бы то ни была, не можетъ обнять жизни; потомъ, налагаясь извнѣ и являясь принудительною, она утрачиваетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденія и свободнаго ея признанія; потомъ далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, вооруженный принудительною силою, она усыпляетъ склонный къ лѣни духъ человѣческій, легко и безъ труда успокаивая его исполненіемъ наложенныхъ формальныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возрожденія“.

Русскій же народъ пошелъ путемъ *внутренней* правды.

„Подъ вліяніемъ вѣры въ нравственный подвигъ, возведенный на степень исторической задачи цѣлаго общества“, создался „мирный и кроткій характеръ древне-русскаго народа“, благодаря которому онъ, не желая государствовать, *добровольно* призвалъ государственную власть извнѣ. Добровольность призванія государства имѣетъ въ глазахъ Константина Аксакова особеную цѣну, потому что оно рѣзко оттѣняетъ процессъ нарожденія государства въ Россіи отъ процесса его нарожденія на Западѣ, гдѣ онъ совершился путемъ завоеванія. Вслѣдствіе добровольности призванія, въ Россіи земля и государство, хотя „и не смѣшались, а отдѣльно стояли“, все-таки находились „въ союзѣ другъ съ другомъ. Въ призваніи добровольномъ означились уже отношенія земли и государства—взаимная довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ, вслѣдствіе завоеванія, а миръ, вслѣдствіе добровольнаго призванія“.

Такъ складывался русскій государственный строй въ княжскій періодъ, такъ было и потомъ. „Явился Великій Князь и потомъ Царь Московскій и всея Руси, наслѣдственный и самодержавный. Отношеніе Земли и Государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность—были основою ихъ отношеній. Подобно тому какъ князь созывалъ Вѣче [1]), царь созывалъ Земскую Думу или Земскій Соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. Кто читалъ эти Думы, тотъ знаетъ, какъ просто излагалось въ нихъ дѣло. Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы. Здѣсь не ораторствовали, а говорили, и слово не превышало дѣла“.

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ своихъ историческихъ работъ,—тамъ, гдѣ Константину Сергѣевичу хотѣлось подчеркнуть широкіе предѣлы древне-русскаго народовластія, „созывъ“ вѣча окрашивался имъ совсѣмъ въ другой цвѣтъ. Вотъ что, напр., мы читаемъ на стр. 617: „Князь долженъ былъ заниматься дѣлами, пока вѣче не собиралось. А когда вѣче собиралось, оно было важнѣе князя и могло князя прогнать“.

Вотъ въ какихъ очертаніяхъ представлялась въ воображеніи Константина Сергѣевича древне-русская государственная жизнь, вотъ какія идиллическія соціальныя отношенія вырисовывалъ онъ съ помощью раздѣльности „Земли“ отъ Государства, которая только потому и дорога ему, что является посылкою для восторженнаго панегирика древней Руси. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, его тутъ интересовалъ вопросъ непосредственнаго историческаго изслѣдованія явленій, вѣдь не могъ же бы онъ проглядѣть и темныхъ сторонъ, которыя неизбѣжны во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ уже просто потому, что нѣтъ совершенства на землѣ. Но такъ какъ вся дѣятельность Константина Аксакова, какъ историка, имѣла въ основѣ своей исключительно-полемическія цѣли, цѣли борьбы съ „пренебреженіемъ“ западниковъ къ древне-русской жизни; такъ какъ во всѣхъ своихъ историческихъ статьяхъ онъ всегда является адвокатомъ и никогда не бываетъ судьею, то слова укоризны и не срываются никогда съ его устъ. Когда-же темныя стороны настолько рѣзки, что просто умолчать о нихъ, какъ это дѣлаетъ онъ обыкновенно, невозможно, тогда всѣ силы его пристрастной діалектики направляются къ тому, чтобы смягчить и скрасить неприглядность фактовъ, плохо вяжущихся съ картиною аркадскихъ нравовъ. Любопытнымъ образчикомъ такого желанія скрашивать—во чтобы то ни стало и не смущаясь рѣшительно ничѣмъ—можетъ служить отношеніе Константина Сергѣевича къ крѣпостному праву въ древней Руси. Казалось бы, какъ справиться съ этимъ фактомъ, столь мало говорящимъ о какомъ-то умилительномъ душевномъ согласіи „земли“ и государства? И однако же, Аксаковъ нашелъ въ себѣ достаточно пристрастности, чтобы иронически обратиться къ „милостивымъ государямъ“, „просвѣщеннымъ противникамъ древней Руси“, отъ которыхъ „часто слышишь, что безчеловѣчное крѣпостное право установлено древнею Русью“, и сказать имъ: „Кто говоритъ, милостивые государи, крѣпостное право наше—дѣло возмутительное. Но виновата-ли въ этомъ древняя Русь?“ Статья, начинающаяся такимъ ироническимъ обращеніемъ, („О состояніи крестьянъ въ древней Руси“) осталась неоконченной, слѣдовательно, вполнѣ развить свою защиту Константину Сергѣевичу не удалось. Но

на поляхъ статьи нашелся краткій конспектъ ея и тезисы. И вотъ заключительный изъ этихъ тезисовъ, въ связи съ общимъ ходомъ аргументаціи статьи, даетъ полное представленіе объ окончательномъ выводѣ ея, которымъ должны быть посрамлены злопыхательные „милостивые государи“, изъ западническаго лагеря.

„Русь не понимала рабства“, намѣчалъ въ общихъ чертахъ Константинъ Сергѣевичъ свою главную мысль, „къ тому же въ ней нѣтъ ни либерализма, ни рабства. Свободная страна. Западъ началъ съ рабства, прошелъ сквозь бунтъ, и хвастаетъ холопской дерзостью либерализма...

„Западъ имѣетъ опытность грѣха; онъ ужъ узналъ всѣ мерзости и установилъ свои отношенія. Кому же, какъ не лисѣ, всѣ лисьи норки знать? Русь не имѣла этой опытности и поневолѣ попала въ рабство. *„Большая разница между грѣхомъ и пороком. Въ древней Руси есть грѣхи, но нѣтъ пороковъ“.*

Съ особеннымъ удовольствіемъ читаешь эти нѣсколько строкъ. Въ нихъ весь Константинъ Аксаковъ, съ его почти безумнымъ обожаніемъ допетровской старины, съ его поистинѣ трогательною способностью выдвигать въ защиту древне-русской жизни такіе поражающіе софизмы, которые показываютъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло уже не съ теоретическимъ воззрѣніемъ, не съ научнымъ взглядомъ, а прямо съ какимъ-то религіознымъ экстазомъ.

Я выше старался показать, что мысли Константина Аксакова объ общинномъ бытѣ и раздѣльности „Земли“ отъ Государства, по основному назначенію своему, являются посылками для созданія величаваго образа древне-русской жизни до ея „порчи“ ненавистными Аксакову, въ періодъ окончательнаго установленія его міросозерцанія, реформами Петра Великаго. Эти посылки могутъ быть названы главными устоями историческихъ взглядовъ Константина Аксакова и потому я ихъ выдѣлилъ особо. Но ими далеко не исчерпывается число деталей, съ помощью которыхъ восторженный паладинъ древне-русскаго уклада жизни хотѣлъ сразить скептицизмъ своихъ западническихъ противниковъ, видѣвшихъ въ этомъ укладѣ не только свѣтлыя стороны, но и цѣлый рядъ фактовъ грубаго попиранія элементарныхъ основъ человѣческаго общежитія. Константинъ Сергѣевичъ, напротивъ того, то и дѣло открывалъ новыя данныя для

подтвержденія своего восторженнаго отношенія къ древней Руси.

Въ древней Руси, напримѣръ, не было аристократіи, „и не могло быть, ибо боярство не было наслѣдственно. Князья часто попадаются въ жильцахъ; все зависѣло отъ службы. Сюда, правда, входило мѣстничество; но само мѣстничество на воспоминаніяхъ службы основывало права свои. Раздѣленія на неподвижныя сословія не было. Живое начало проникало весь составъ, и нигдѣ, ни въ какомъ сословіи, не застаивалось кругообращеніе силъ государственныхъ; можно было дослужиться до боярина; изъ людей земскихъ можно было перейти въ служилые. Аристократіи западной не было вовсе".

Это отсутствіе аристократическаго начала сказалось особенно ярко въ былинахъ Владимірова цикла, разобранныхъ Константиномъ Сергѣевичемъ въ особой статьѣ, о которой упомянуто выше (стр. 57).

Тѣ же былины Владимірова цикла даютъ нашему автору матеріалъ для обрисовки высокаго общественнаго положенія славянской женщины. „Женщины былинъ часто носятъ куяки, панцыри, кольчуги, также выѣзжаютъ въ поле искать бранныхъ опасностей. Сила ихъ иногда не уступаетъ мужской. Такова Настасья Королевишна, на которой женился Дунай, сестра Афросиньи Королевишны, супруги Великаго Князя Владиміра, отличавшейся влюбчивымъ сердцемъ. Такова жена Ставра-боярина—Василиса Микулишна. Прибавимъ въ дополненіе къ этой мужественности женщинъ образъ, совершенно русскій, Царь-Дѣвицы: вспомнимъ преданія объ Амазонкахъ, о Чешской Власкѣ, и все это вмѣстѣ, утверждая за славянскою женщиною независимость и равныя права съ мужчиною даже въ ратномъ дѣлѣ, совершенно уничтожаетъ тѣмъ самымъ всякую мысль о рабствѣ или угнетеніи женщинъ у Славянъ".

Но самый жгучій энтузіазмъ возбуждаетъ въ Константинѣ Сергѣевичѣ христіанство древней Руси, причемъ исторію его водворенія на нашей родинѣ онъ представляетъ себѣ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ извѣстно изъ другихъ историческихъ данныхъ. Занимавшіеся древне-русскою писменностью знаютъ, какую огромную роль играетъ

въ ней *борьба съ двоевѣріемъ*. Принявши христіанство, предки наши не могли, конечно, отстать отъ прежнихъ вѣрованій своихъ и въ теченіе многихъ, многихъ вѣковъ примѣшиваютъ ихъ къ вѣрованіямъ новымъ. Противъ этого, какъ его назвали древне-русскіе пастыри, двоевѣрія направлена значительная часть литературы древняго періода нашей исторіи. Чтобы не останавливаться на мелкихъ явленіяхъ, отмѣтимъ проповѣди преп. Ѳеодосія Печерскаго, жившаго въ XI вѣкѣ, св. Серапіона, епископа Владимірскаго, жившаго въ XIII вѣкѣ, Максима Грека и Стоглавъ, боровшихся съ двоевѣріемъ еще въ срединѣ XVI вѣка. Да исчезло-ли и теперь двоевѣріе?

Но ничего этого знать не хочетъ Константинъ Аксаковъ. Онъ не прочь даже серьезно утверждать, что русскіе Славяне никогда собственно и не были язычниками. (Статья „О язычествѣ у древнихъ Славянъ"). „У Русскихъ Славянъ мы положительно не видимъ ни жрецовъ, ни храмовъ, не видимъ ни идоловъ, ни даже боговъ". Правда, Несторъ упоминаетъ о богахъ и кумирахъ, но, по мнѣнію Константина Аксакова, „слова Нестора объясняются какъ нельзя яснѣе", именно тѣмъ, что „идолопоклонство это была вѣра Князя и дружины". Язычество же народа „было самое чистое язычество, было при вѣрованіи въ Верховное Существо, постоянное освященіе жизни на землѣ, постоянное ощущеніе общаго высшаго смысла вещей и событій. Слѣдовательно, вѣрованіе темное, неясное, готовое къ просвѣщенію и ждавшее луча истины". Конечно, сколько-нибудь серьезныхъ доказательствъ этого удивительнаго взгляда на древне-русскую народную миѳологію, богатую цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ божествъ, нашъ авторъ и не приводитъ въ своемъ занимающемъ ровно пять страницъ обзорѣ русскаго язычества, на которыхъ онъ однако же съ такою рѣшительностью выдвигаетъ взгляды діаметрально-противоположные тому, къ чему пришла русская историческая наука. Эта рѣшительность, имѣющая своимъ единственнымъ основаніемъ *желанія* автора, составляетъ одну изъ основныхъ чертъ всѣхъ вообще историческихъ и иныхъ писаній Константина Сергѣевича, который, за исключеніемъ статьи о родовомъ бытѣ, почти всегда говорилъ *догматически*,

т. е. положеніями и утвержденіями, не подкрѣпляемыми фактическими данными.

Но возвратимся къ исторіи христіанства на Руси по представленію Константина Аксакова. Мнѣніе объ отсутствіи заправскаго язычества у нашихъ предковъ понадобилось нашему автору для того, чтобы, смѣшавши въ одно всѣ столѣтія допетровской старины,—создать одну общую характеристику древне-русскаго душевнаго настроенія. Въ результатѣ получается слѣдующая противорѣчащая исторіи картина, въ которой перепутаны такія мало имѣющія общаго между собою эпохи, какъ время Владиміра и 1612 годъ, и въ которой упущенъ фактъ лишь постепеннаго наростанія древне-русскаго благочестія. По Аксакову-же это благочестіе народилось сразу:

„При Игорѣ и Владимірѣ идолопоклонство князя и дружины начинаетъ простираться и въ народъ, но оно недолго продолжалось; скоро свѣтъ христіанскій озарилъ Русскую землю, Русскій народъ, скоро Владиміръ принялъ крещеніе. Народъ легко отдалъ принятые имъ кумиры, и также легко принялъ христіанство,—но оно глубоко проникло его душу и стало необходимымъ условіемъ всего его существованія. Христіанинъ и Русскій стали однимъ словомъ. Русь, какъ земля христіанская, именуется святою, и вся послѣдующая исторія показала, что ни соблазны, ни насилія не могутъ лишить насъ духовнаго блага вѣры.—Отдавая на терзаніе свое тѣло, русскій не отдавалъ души, и, терпѣливый во всемъ, онъ не переносилъ оскорбленія вѣры; исторія казаковъ, исторія польскаго нашествія показываютъ намъ это, являютъ намъ этотъ спасающійся на землѣ народъ, падающій, какъ грѣшникъ-человѣкъ, но не слабѣющій въ вѣрѣ, не отрывающійся, всегда кающійся и возстающій покаяніемъ. Поляки изумлялись, смотря на это во время междуцарствія; ихъ католическая вѣра была власть политическая, завоевательная, была дѣло государственное, и поэтому дѣло совсѣмъ другое. Приходя въ частныя соприкосновенія съ Русскимъ народомъ по вопросамъ государственнымъ, Поляки съ изумленіемъ говорятъ: странный народъ: онъ толкуетъ не о политическихъ условіяхъ, а о вѣрѣ. Но мы, Русскіе, этому не удивимся, а съ благоговѣніемъ слышимъ это.

Когда вспоминаешь, какъ крестился русскій народъ, невольно умиляешься душою. Русскій народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ, и христіанство озарило всю его младенческую душу. — Въ его душѣ не было воспоминаній языческихъ, не было огрубѣлой, опредѣленной лжи".

XV.

Богоизбранность русскаго народа. Ненависть къ Западу.

Мы ознакомились съ историческими взглядами Константина Аксакова, имѣющими цѣлью выставить въ идеальномъ свѣтѣ древне-русскую жизнь.

Можно ли однако сказать, что эта идеализація древней Руси есть окончательная цѣль историческихъ изслѣдованій Аксакова? Нѣтъ ли въ его историческомъ міровоззрѣніи другой, еще болѣе центральной идеи?

Мнѣ представляется, что въ такой-же степени, какъ всѣ взгляды Константина Аксакова на явленія древне-русской жизни имѣютъ своимъ назначеніемъ служить посылками для созданія величавой картины допетровской Руси, такъ, въ свою очередь, эта идеализація есть по существу тоже не что иное, какъ посылка для обоснованія теоріи *богоизбранности русскаго народа.*

Выдвигая такую формулировку учено-литературной дѣятельности Константина Аксакова, я неизбѣжно долженъ натолкнуться на оживленный протестъ приверженцевъ идей первоучителя славянофильства. Уже упреки на національной исключительности вызывали со стороны славянофиловъ заявленія о клеветѣ. А Иванъ Аксаковъ, такъ тотъ въ предисловіи ко II тому сочиненій своего брата находилъ даже, что направленныя по адресу Константина Сергѣевича обвиненія въ національной исключительности имѣютъ своимъ источникомъ „*невѣжество* противниковъ славянофиловъ“.

Очень, однако, нетрудно будетъ показать, что устремленіе

къ національной исключительности, понимая въ данномъ случаѣ этотъ терминъ какъ желаніе отвести русскому народу мѣсто, совершенно особенное въ ряду другихъ народовъ цивилизованнаго міра, лежитъ въ основѣ всѣхъ писаній какъ славянофиловъ вообще, такъ и Константина Аксакова въ частности. Протесты же въ родѣ только-что приведеннаго основаны на недоразумѣніи и на слишкомъ буквальномъ толкованіи нѣкоторыхъ выраженій основателей славянофильства. Нельзя, конечно, отрицать того, что, дѣйствительно, въ сочиненіяхъ, между прочимъ, и Константина Сергѣевича мы иной разъ наталкиваемся на подчеркиваніе „общечеловѣческихъ“ чертъ русскаго духа. Такъ, выше была приведена цитата изъ изслѣдованія Константина Сергѣевича о русскихъ глаголахъ, гдѣ авторъ столь опредѣленно говоритъ: „кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое?“ Вспомнитъ, вѣроятно, читатель диссертацію о Ломоносовѣ, основное стремленіе которой, съ одной стороны, заключается въ томъ, чтобы подсмотрѣть въ русской исторіи фазисы, установленные Гегелемъ для всего человѣчества, а съ другой, въ томъ, чтобы пропѣть восторженный дифирамбъ Петру за освобожденіе Россіи отъ *„оковъ исключительной національности“*. Правда, читатель можетъ припомнить и то, что диссертація о Ломоносовѣ не выражаетъ собою *настоящаго* Константина Аксакова, какимъ онъ былъ въ періодъ окончательнаго развитія своего міровоззрѣнія. Но мы въ данномъ случаѣ придемъ на помощь людямъ, протестующимъ противъ „навязыванія“ славянофиламъ стремленія къ національной исключительности, и укажемъ на рецензію Константина Сергѣевича о I томѣ исторіи Соловьева, въ которой авторъ, прямо отрекаясь отъ прежняго восторженнаго отношенія къ Петру, съ неменьшимъ, однако, восторгомъ подчеркиваетъ, что національная исключительность чужда и ненавистна русскому народу.

Только-что указаннаго было бы совершенно достаточно, чтобы перестать считать ученіе о богоизбранности русскаго народа характерною чертой міровоззрѣнія Константина Аксакова. Въ особенности убѣдительно то, что и въ періодъ своего фанатическаго увлеченія реформами Петра, и въ періодъ еще болѣе фанатической ненависти къ нимъ онъ, подходя

къ предмету съ діаметрально-противоположныхъ отправныхъ точекъ, тѣмъ не менѣе одинаково отрицательно относился къ національной исключительности.

Все это на первый взглядъ отрицательное отношеніе, однако же, только кажущееся, и при сколько-нибудь пристальномъ анализѣ именно тѣ-то самыя немногія мѣста произведеній Константина Аксакова, гдѣ говорится объ общечеловѣческихъ сторонахъ русскаго духа, только увеличиваютъ число посылокъ, на которыхъ покоится теорія богоизбранности русскаго народа. Начнемъ хотя бы съ цитаты, приведенной на стр. 142 настоящаго тома. Что тамъ говорится непосредственно послѣ словъ: „Кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое?“:

„Русскій народъ самъ имѣетъ на него (общечеловѣческое) прямое право, а не черезъ посредство какого-нибудь народа; оно самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ? Можетъ быть *ему болѣе, нежели другимъ, и можетъ быть міръ не видалъ еще того общаго, человѣческаго, какое явитъ великая славянская, и именно русская* природа“.

Это ли не провозглашеніе богоизбранности русскаго народа, это ли не превращеніе общечеловѣческихъ сторонъ русской духовной природы въ средство показать, что русскій народъ духовно выше, духовно совершеннѣе другихъ народовъ?

Въ такое же прославленіе *спеціально русскому народу* присущихъ доблестей неожиданно превращается, первоначально вытекшее изъ другого источника, желаніе Константина Аксакова показать, что національная исключительность чужда русскому духовному складу. Восторженное одобреніе этой чертѣ русской народной психологіи, высказанное Константиномъ Сергѣевичемъ въ вышеупомянутой рецензіи на I томъ исторіи Соловьева, конечно, исключило бы, какъ уже сказано, возможность видѣть въ нашемъ писателѣ провозвѣстника идеи богоизбранности русскаго народа. Но въ томъ-то и дѣло, что идея русскаго превосходства такъ переполняетъ его, желаніе видѣть въ народѣ русскомъ избранный сосудъ Господень такъ велико, что, начавши съ аплодированія идеѣ общности народовъ, онъ незамѣтно для самого себя переходитъ на почву преимуществъ русскаго народа

передъ другими. „Исключительности національной не было никогда въ допетровской Россіи“, читаемъ мы сперва, и вслѣдъ за этимъ идутъ историческія доказательства. „Духъ нашего народа есть христіанско-человѣческій“, провозглашаетъ на слѣдующей страницѣ Константинъ Сергѣевичъ, идя въ томъ же направленіи. И вдругъ, въ одинъ моментъ, вся постановка вопроса совершенно мѣняется и мы читаемъ слѣдующія слова, направленныя противъ гордыни европейскихъ народовъ, но на самомъ дѣлѣ обличающія національную гордыню ихъ автора:

„И теперь ни къ нѣмцамъ, ни къ полякамъ въ простомъ народѣ нѣтъ никакой ненависти. *Но этотъ высокій христіанскій взглядъ нашего народа былъ недоступенъ народамъ другимъ*, гордымъ народамъ Запада, которые только теперь, и то въ избранныхъ своихъ, въ нѣкоторыхъ сословіяхъ, дошли до человѣческаго взгляда русскаго народа, да и то больше какъ космополиты,—слѣдовательно, впали въ новую ошибку“.—

Опять, значитъ, русскій народъ выше всѣхъ, опять онъ исключительное вмѣстилище нравственныхъ началъ.

Такъ вотъ къ чему сводятся два, три мѣста въ произведеніяхъ Константина Аксакова, которыя на первый взглядъ какъ будто противорѣчатъ нашему формулированію центральной идеи его учено-литературной дѣятельности. Диссертаціи о Ломоносовѣ мы не должны сейчасъ принимать въ разсчетъ. Читатель, достаточно ознакомленный выше съ тѣмъ, какъ нужно смотрѣть на эту послѣднюю отрыжку гегеліанства юныхъ дней Константина Сергѣевича, не увидитъ тутъ упущенія съ моей стороны.

А теперь, послѣ того, какъ мы устранили тѣ немногія препятствія, которыя могли бы помѣшать моей формулировкѣ, задача становится до-нельзя простою. Изъ отдѣльныхъ формулировокъ Аксакова можно составить цѣлую хрестоматію, цѣлую мозаику цитатъ, настолько рѣзкихъ и опредѣленныхъ, что одно приведеніе ихъ, безъ всякихъ комментаріевъ, ярко обрисовываетъ идею русской богоизбранности.

Оставляетъ ли, напр. какія-нибудь сомнѣнія такая фраза: „*Русская Исторія имѣетъ значеніе Всемірной Исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія святыхъ*“ (стр. 625).

Спѣшу прибавить, что, настаивая на терминѣ „бого-

избранность", я просилъ-бы понимать его отнюдь не въ переносномъ смыслѣ, а непремѣнно въ буквальномъ. Да, по глубокому убѣжденію Константина Аксакова, Господь Богъ, въ своей неисчерпаемой благости, взыскалъ Россію своею особенною милостію и въ награду за его *смиреніе* поставилъ русскій народъ превыше всѣхъ буйныхъ и кичливыхъ своею суетною мудростью народовъ Запада.

Съ мыслями Константина Сергѣевича о смиреніи русскаго народа, собственно говоря, слѣдовало-бы ознакомить читателя выше, когда шла рѣчь о доблестяхъ древне-русскихъ по представленіямъ нашаго писателя. Но ученіе о русскомъ смиреніи такъ тѣсно переплетено у Константина Аксакова съ ученіемъ о русской богоизбранности, что ихъ трудно разсматривать отдѣльно. Одно другое дополняетъ и одно изъ другого вытекаетъ.

„Русская исторія", читаемъ мы на стр. 18 (т. 1), „въ сравненіи съ исторіей Запада Европы отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ. Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной позы, ни одного красиваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ русской исторіи играетъ вовсе не большую роль: принадлежность личности—необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея—и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго, щегольского драматизма страстей".

Въ приведенныхъ покамѣстъ словахъ нѣтъ еще ничего специфически славянофильскаго. Рѣчь идетъ о той составляющей основу русскаго національнаго характера симпатичной простотѣ и безыскуственности, передъ которымъ западничество прекланяется не меньше славянофильства. Кто рѣзче Тургенева въ „Запискахъ Охотника" оттѣнилъ полное отсутствіе въ коренномъ русскомъ человѣкѣ рисовки и театральности?

Но простое уваженіе къ этой чертѣ русскаго характера не удовлетворяетъ Константина Аксакова. И вотъ создается знаменитая теорія русскаго „смиренія", которою такъ грубо злоупотребляли люди, ничего общаго не имѣвшіе съ высотою помысловъ и чистотою намѣреній восторженнаго славя-

нофила, но отлично понявшіе, что „смиреніе“—удивительно удобная почва для проповѣди застоя и китайщины.

Обрисовавъ „театральный“ характеръ западной исторіи, Константинъ Сергѣевичъ переходитъ къ исторіи русской:

„Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, что христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры. Не отъ недостатка силъ и духа, не отъ недостатка мужества возникаетъ такое кроткое явленіе! Народъ русскій, когда бывалъ вынужденъ обстоятельствами явить свои силы, обнаруживалъ ихъ въ такой степени, что гордые и знаменитые храбростію народы, эти лихіе бойцы человѣчества, падали въ прахъ предъ нимъ, смиреннымъ и тутъ же, въ минуту побѣды, дающимъ пощаду. Смиреніе, въ настоящемъ смыслѣ, несравненно большая и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрашная доблесть. Вотъ съ какой стороны—со стороны христіанскаго смиренія, надо смотрѣть на Русскій народъ и его исторію. *Въ такомъ народѣ не прославляется человѣкъ съ его дѣлами, прославляется одинъ Богъ.* Чтобы въ этомъ увѣриться, стоитъ только припомнить нашу исторію. Русскіе одерживаютъ невѣроятную побѣду; и, говоря о ней безъ всякаго слова похвалы или гордости, приписываютъ ее помощи Божіей: не чувство побѣднаго тріумфа одушевляетъ ихъ, а чувство благодарности къ Богу. Налетаютъ татары или поляки,—народъ говоритъ: это за грѣхи наши, мы прогнѣвали Господа—кается и выходитъ на неизбѣжную брань. Побѣждены татары, взята Казань, разбиты рыцари, освобождена Москва, Русскій народъ не ставитъ памятниковъ ни дѣлу, ни человѣку, а строитъ церкви и учреждаетъ крестные ходы. Скажемъ здѣсь кстати о Русскомъ народѣ, что до христіанства онъ былъ уже добрая почва, и что слово Божіе, упавшее на него, какъ на добрую почву, возрасло во благѣ. Поэтому (согласно и съ духомъ Русскаго народа, согласно и съ вѣчными началами Вѣры, которыми по благости Божіей былъ онъ просвѣтленъ) исполнена такой глубокой простоты Русская исторія; поэтому не встрѣтите вы въ ней ни одной этой красивой лжи, которая заставляетъ человѣка любоваться собою въ своемъ собственномъ порывѣ, говорить фразы, щеголять нарядомъ тѣла и души. Въ Русскомъ мірѣ нѣтъ ничего гордаго, ничего блестящаго, ни единаго эффекта. Все просто. Слово скупо; вы встрѣтите его столько, сколько нужно для дѣла. Совершаются великія дѣла—безъ щегольства и хвастливости. Собирается Земская Дума или Соборъ безъ всякихъ театральныхъ обстановокъ, а просто для дѣла. Идутъ освобождать Москву, зовутъ другъ друга на общій подвигъ, искренно и просто. И все кажется некрасиво и невидно для неглубокаго взгляда тому, кто не замѣтитъ великости смиренія и внутренней силы, для того нужной. А кто замѣтитъ, кто увидитъ его, передъ тѣмъ поблѣднѣютъ всѣ иллюстрированныя картинки, которыми такъ богаты исторіи другихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ тамъ быть красивость и блескъ, гдѣ нѣтъ

поклоненія человѣку, гдѣ человѣкъ не любуется самъ собой, гдѣ онъ христіанинъ, постоянно сознаетъ себя грѣховнымъ и недостойнымъ и смиряется, молясь, передъ Богомъ. Здѣсь высшая духовная красота, не многимъ понятная. Но русскій народъ не впалъ и въ другую гордость, въ гордость Вѣрою, т. е. онъ не возгордился тѣмъ, что онъ имѣетъ Вѣру. Нѣтъ, это народъ христіанскій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствующій свою грѣховность. *Исторія Русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни*" (т. I, стр. 19).

Курсивъ послѣднихъ словъ принадлежитъ Аксакову. Онъ, значитъ, хотѣлъ, чтобы они особенно запечатлѣлись въ представленіи читателя, чтобы они особенно крѣпко засѣли въ находящихся „подъ игомъ Запада" умахъ нашихъ „верхнихъ классовъ". Болѣе рѣзкой постановки идеи богоизбранности и представить себѣ нельзя. Древнееврейскіе пророки не говорили въ болѣе восторженныхъ выраженіяхъ о богоизбранности своего народа. А не забудемъ, что древніе евреи были единственнымъ народомъ Востока, дошедшимъ до идеи Единобожія, между тѣмъ какъ Константинъ Аксаковъ строитъ свои параллели не на сравненіяхъ съ язычниками, а на сравненіяхъ съ народами, поклоняющимися тому же Христу, что и русскіе, и притомъ еще освѣщенными благодатью христіанскаго ученія на много вѣковъ раньше русскаго народа. И вотъ, если принять во вниманіе эту весьма капитальную разницу, то мы неизбѣжно приходимъ къ убѣжденію, что ученіе Константина Аксакова о богоизбранности русскаго народа проникнуто гораздо бо́льшою національною исключительностью, чѣмъ то древне-еврейское ученіе о богоизбранности Израиля, которое считается крайнимъ проявленіямъ исключительности и національной гордыни. Не забудемъ, также, что библейскіе пророки, говорившіе такъ страстно и восторженно о любви Господа къ Израилю, были столь же страстны въ нападкахъ на недостатки своего народа, на его отступленія отъ шествованія по стезѣ богобоязненности и добродѣтели. Съ устъ же Константина Аксакова слова укоризны не срываются никогда по отношенію къ тому ядру русской націи, которое онъ считаетъ „настоящимъ" русскимъ народомъ. Онъ безпощаденъ только въ нападкахъ на „оторванную" отъ „почвы" интеллигенцію, созданную реформами

Петра. О народѣ же допетровскомъ Константинъ Сергѣевичъ можетъ говорить не иначе, какъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ. Правда, послѣ приведеннаго выше курсивомъ утвержденія, что русскій народъ „есть единственный во всемъ мірѣ“ образецъ истинно-христіанскій жизни, Константинъ Сергѣевичъ прибавляетъ:

„Да не подумаютъ, чтобы я считалъ исторію русскую исторіею народа святого! О, я тѣмъ бы нарушилъ и свое мнѣніе о немъ, и святыню его смиренія! Нѣтъ, конечно, это народъ грѣшный: безгрѣшнаго народа быть не можетъ“.

Но вся эта оговорка, противорѣчащая, впрочемъ, выше цитированному афоризму: „Русская исторія читается, какъ житія Святыхъ“ въ концѣ концовъ ведетъ все-таки къ прославленію безпримѣрныхъ качествъ русскаго народа: онъ хотя и

„народъ грѣшный (безгрѣшнаго народа быть не можетъ), но постоянно, какъ христіанинъ, падающій и кающійся—не гордящійся грѣхами своими, не имѣющій именно тѣхъ блестящихъ суетныхъ сторонъ той славы, величанія и гордости земной другихъ народовъ, которыя показываютъ уже не христіанскій путь. Грѣхъ былъ для русскаго народа всегда грѣхомъ, а не добродѣтелью; онъ въ немъ каялся, а не хвалился имъ. Начало всей его жизни, отъ котораго, по слабости человѣческой, онъ въ поступкахъ и отклонялся иногда, никогда его не отвергая, не переставая къ нему стремиться и сознавая въ такомъ случаѣ себя виновнымъ,—есть Вѣра Православная. Не даромъ Русь зовется Святая Русь“ (стр. 20).

Но если духовныя качества русскаго народа такъ высоки, если Святая Русь есть такое безпримѣрное вмѣстилище доблести и богобоязненности, то какая ей за все это уготована награда? Извѣстно вѣдь, что всякое ученіе о богоизбранности или по крайней мѣрѣ то, съ которымъ мы знакомимся по Ветхому Завѣту, очень краснорѣчиво въ описаніи благъ и милостей, которыми Господь осыпаетъ народы, имъ излюбленные особо.

По отношенію къ ученію Константина Аксакова, казалось бы съ перваго раза, что эта награда должна быть исключительно духовная. Онъ такъ часто тщательно подчеркиваетъ противоположность между спеціально-нравственнымъ духовнымъ складомъ народа русскаго и грубо-матеріальнымъ другихъ народовъ, что казалось бы, что и награду русскому народу за его смиреніе и шествованіе по

стезѣ добродѣтели онъ долженъ былъ видѣть въ какихъ-нибудь исключительно-духовныхъ благахъ.

Къ удивленію, оно не такъ. Восторженный апологетъ русскаго смиренія, беззавѣтнаго служенія истинѣ и безкорыстнаго духовнаго совершенствованія съ тѣмъ же паѳосомъ, съ которымъ древне-еврейскіе пророки говорили о роскошныхъ пажитяхъ и виноградникахъ Израиля, рисуетъ такую картину *матеріальнаго* могущества Россіи:

„И Господь *возвеличилъ* смиренную Русь. Вынуждаемая своими драчливыми сосѣдями и пришельцами къ отчаянной борьбѣ, она *поваляла*(!) ихъ всѣхъ одного за другимъ. Ей дался просторъ на землѣ. Въ трехъ частяхъ свѣта ея владѣнія, седьмая часть земного шара принадлежитъ ей одной. Въ ея предѣлахъ невыносимое знойное лѣто и невыносимая вѣчная зима; въ ея предѣлахъ солнце восходитъ на одномъ концѣ и заходитъ на другомъ въ одно и то же время. И вотъ гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ея духовной силы, увидѣла страшное могущество силы матеріальной, и для нея понятной ,—и снѣдаемая ненавистью, въ какомъ-то тайномъ ужасѣ, смотритъ она на это страшное, полное жизни, тѣло, души котораго понять не можетъ“.

Всего поразительнѣе, конечно, въ этой тирадѣ то, что въ ней говорится о территоріальномъ расширеніи Россіи, которое, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, происходило при Петрѣ и его преемникахъ, т. е. въ тотъ ненавистный Константину Сергѣевичу *петербургскій* періодъ, когда, по ученію славянофиловъ, истинно-русскія начала были попраны и тлетворныя вліянія Запада исказили характеръ русской государственной жизни.

Остается теперь, чтобы покончить съ ученіемъ Константина Аксакова о богоизбранности русскаго народа, указать на одну изъ наиболѣе характеристичныхъ особенностей этого ученія, которую, при всемъ желаніи остаться въ предѣлахъ строгой объективности, нельзя не назвать одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ міровоззрѣнія Константина Сергѣевича. Я говорю о его фанатической ненависти къ Западу, о его ничѣмъ не оправдываемомъ стремленіи *для вящшаго прославленія русскаго народа унижать и поносить другіе народы цивилизованнаго міра*. Хочу надѣяться, что читатели настоящаго этюда не упрекнутъ меня въ проявленіяхъ партійнаго чувства. Принадлежа къ другому

лагерю, я, все-таки, съ искреннимъ уваженіемъ комментировалъ экзальтированный патріотизмъ Константина Сергѣевича, потому что видѣлъ его источникъ въ *обиліи любви* и въ богатствѣ энтузіазмомъ, т. е. въ такихъ чувствахъ, которыя могутъ привести къ ложнымъ и невѣрнымъ выводамъ, но всегда согрѣваютъ сердце читателя возвышенностью своего полета и потому будятъ въ немъ хорошіе инстинкты. Константинъ Сергѣевичъ, напр., выставляетъ древне-русскую жизнь въ такомъ идеальномъ свѣтѣ, который имѣетъ весьма мало общаго съ трезвою правдою другихъ, болѣе хладнокровныхъ и менѣе одностороннихъ изслѣдователей нашего прошлаго. Не соглашаешься поэтому съ нимъ *умомъ*. *Сердцемъ* же чувствуешь невольную симпатію къ такой удивительной любви и преданности. Константинъ Аксаковъ затѣмъ неоднократно протестуетъ противъ нѣмецкой духовной опеки и нѣмецкихъ взглядовъ на русскую жизнь. Можно, опять-таки, не соглашаться съ вредоносностью нѣмецкой опеки и указать на длиннѣйшій рядъ явленій русской духовной жизни, когда нѣмцы и русскіе, воспитанные на нѣмецкихъ воззрѣніяхъ, являлись истинными благодѣтелями русскаго народа, разсѣевая мракъ окружавшаго его невѣжества и внося блага духовнаго совершенства въ грубость первобытныхъ нравовъ. Но, все-таки, стремленіе къ самостоятельности и нежеланіе быть подъ опекою—чувства самыя законныя, и не имѣетъ никто права ставить ихъ кому бы то ни было въ укоръ. Наконецъ, можно даже простить Константину Сергѣевичу его провозглашеніе идеи русской богоизбранности, пока она покоится только на отысканіи у русскаго народа совершенно безпримѣрныхъ добродѣтелей. Это идея, конечно, совершенно нелѣпая, потому что всѣ люди и народы равны передъ Богомъ, и только младенчествующая мысль можетъ серьезно предаваться подобнымъ наивнымъ иллюзіямъ. Несомнѣнно, шокируетъ также грубое хвастовство величиною и силою „повалившаго“ своихъ супротивниковъ кулака русскаго, хвастовство—болѣе достойное охотнорядскихъ молодцевъ, нежели такого возвышеннаго идеалиста, какъ Константинъ Сергѣевичъ. И все-таки, въ общемъ, идея русской богоизбранности не оскорбляетъ нравственнаго чувства, потому что источникъ ея, повторяю, есть *обиліе*

любви, переполняющей духовное существо Константина Аксакова, т. е. такой источникъ, о которомъ, всегда можно сказать: лучше больше, чѣмъ меньше.

Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другую окраску, разъ Аксаковъ изъ человѣка, защищающаго величіе своей родины отъ высокомѣрнаго презрѣнія къ ней заправскихъ и домашнихъ европейцевъ, самъ превращается въ фанатическаго ругателя всего европейскаго. Тутъ уже, значитъ, не любовь является подкладкою, а *вражда*, и вражда, къ тому же, совершенно, ненужная для тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится Константинъ Аксаковъ. Если ему хочется непремѣнно доказать, что „Россія—земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейскія государства и страны“ и что „очень ошибаются тѣ, которые прилагаютъ къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судятъ о ней“ (стр. 7), то для доказательства этой мысли было бы достаточно установить *разницу* между Россіею и Европою и ихъ взаимную противоположность, а не было рѣшительно никакой надобности поносить Европу. Зачѣмъ было затемнять такое свѣтлое и возвышенное чувство, какъ патріотизмъ, человѣконенавистничествомъ, зачѣмъ было поддаваться такому нехристіанскому побужденію, какъ униженіе ближняго?

А сильно и стремительно было это побужденіе. Просто до смѣшного доходила у Константина Аксакова вражда къ Западу. Чего, чего только не приписывалъ онъ ему!

Ужасно прошлое Запада:

„Въ основаніи государства западнаго лежало: *насиліе, рабство и вражда*“ (курсивы К. А.) и „если тамъ и была тишина, какъ явленіе, въ основѣ все-таки лежала вражда“ (стр. 8). Въ то время, какъ „благодать сошла на Русь и Православная Вѣра была принята ею, Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе, но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный, дался и ложный путь Вѣры: первый—Руси, второй—Западу“ (стр. 9). Пошедши по ложному пути, Западъ являетъ „страшныя преступленія, превосходящее всякую мѣру звѣрство, предательство, всевозможныя гнусности“. Правда, Константинъ Сергѣевичъ не можетъ отрицать того, что и въ „русской исторіи встрѣчаются преступленія,

но они лишены этого страшнаго, нечеловѣческаго характера по которому человѣкъ становится въ разрядъ животныхъ, какъ новый, совершеннѣйшій видъ его, и которымъ отличаются кровавыя дѣла Запада“ (стр. 22).

Немногимъ лучше прошлаго Запада его настоящее:

„Западъ весь проникнутъ ложью внутренней, фразой, и эффектомъ онъ постоянно хлопочетъ о красивой позѣ, картинномъ положеніи. Картинка для него все. Покуда онъ былъ молодъ, картинка еще была хороша и красива сама по себѣ; красивъ былъ рыцарь въ желѣзныхъ латахъ, красивъ былъ хитрый, безжалостный монахъ; красивы были художники XV столѣтія. Но когда молодость его прошла, когда исчезли кипящія силы жизни, и осталась одна только картинка, одна фраза даже безъ пылкости юношеской, тогда это становится въ высшей степени жалкимъ и—сказать ли?—*отвратительнымъ явленіемъ*. Таковъ Западъ теперь въ своихъ смутахъ, безъ всякой внутренней жизни, даже безъ кипѣнія крови. Таковы теперешнія его борьбы и волненія, волненія борьбы безъ малѣйшаго убѣжденія, безъ малѣйшей искренности, безъ малѣйшаго увлеченія, совершающіяся въ страшной апатіи, вялыя, несмотря на напряженность. Скука и безучастіе, отсутствіе энергіи во всѣхъ кровопролитіяхъ и смятеніяхъ. Старческія мечты Запада, мечты, лишенныя своей единственной правды, кипѣнія молодой крови, мечты, которыми разгорячалъ онъ себя такъ долгое время, подѣйствовали на него, какъ раздражительное средство, и привели въ механическое движеніе его ослабшій организмъ. Если нѣтъ духа, то нѣтъ и истинной жизни“ (т. I, стр. 22).

И такъ-таки ни *единой свѣтлой точки* не усматриваетъ грозный обвинитель въ духовной и государственной жизни „одряхлѣвшаго“ Запада. Что тутъ, впрочемъ, эта „дряхлость“ ни при чемъ, видно изъ того, что и молодая Америка весьма мало симпатична нашему пламенному ненавистнику всего непохожаго на Россію и русскіе порядки. У него даже хватаетъ ослѣпленія усматривать неполноту въ американской гражданской свободѣ:

„Въ Соединенныхъ Штатахъ вмѣсто живого народа государственная машина изъ людей. Отношенія тамъ становятся политическими: миръ и спокойствіе основаны не на любви, а на взаимной выгодѣ. Какъ ни блестящъ внѣшній порядокъ, но блескъ его наружный; какъ ни строенъ онъ кажется, но это строй машины, какъ ни кажется онъ свободенъ, но это свобода—личный взаимно-ограниченный произволъ. *Нѣтъ, свобода не тамъ*“ (стр. 58).

Гдѣ же истинная свобода?—полюбопытствуетъ читатель.—Въ Россіи,—совершенно серьезно отвѣчаетъ Аксаковъ,—„идѣ же духъ Господень“.

Нужно ли серьезно доказывать *умственную* несостоятельность этого удивительнаго отношенія ко всему западному? Неужели кто-либо повѣритъ Аксакову, хотя бы на единую минуту, что ничего, кромѣ „нечеловѣческаго звѣрства“ въ пропломъ и „лжи“ въ настоящемъ, нельзя усмотрѣть въ ходѣ европейской исторіи, неужели „ложью“ объясняется реформація, о которой почему-то ни единымъ словомъ не упоминаетъ нашъ прокуроръ, такъ что можно подумать, что все человѣчество исповѣдуетъ католичество? Неужели въ Шиллеровскомъ „Донъ-Карлосѣ“ можно видѣть однѣ только, „старческія мечты, лишенныя кипѣнія молодой крови“, неужели „безъ малѣйшей искренности“ дѣйствовали пуритане, ушедшіе въ Новую Англію, неужели отъ „скуки и безучастія“ горѣли на кострахъ и сгнивали въ тюрьмахъ Джордано Бруно, Галилей, итальянскіе патріоты и сотни имъ подобныхъ мучениковъ стремленія къ истинѣ, нравственному совершенству и духовной красотѣ? Неужели, наконецъ, „ослабшій организмъ“ можетъ породить такое могучее литературное, научное и художественное движеніе, которымъ ознаменована европейская духовная жизнь послѣднихъ трехъ столѣтій, и неужели этого движенія долженъ чураться всякій „настоящій“ русскій человѣкъ?

Нѣтъ, впрочемъ, никакой охоты продолжать опроверженіе и серьезно доказывать умственную несостоятельность совершенно непонятнаго по своей парадоксальности отношенія Константина Аксакова къ Западу. Это отношеніе достаточно дискредитируетъ уже одна огульность его и исключительное употребленіе чернѣйшей краски, благодаря чему, вмѣсто картины, съ разнообразными деталями, получается сплошное мрачное пятно, ни о чемъ не дающее понятія.

Но мнѣ сейчасъ было бы интересно подчеркнуть вотъ какія двѣ вещи: во-первыхъ, изолированность фанатической ненависти Константина Сергѣевича даже къ средѣ славянофильства и, во-вторыхъ, *нравственную несостоятельность ея*.

Съ обычною своею необузданностью, съ обычною односторонностью своей незнающей удержу, какъ въ симпатіяхъ такъ и въ антипатіяхъ страстной натуры, Константинъ Аксаковъ, не взлюбивъ Западъ, быстро дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ національныхъ увлеченій. Дурное отношеніе къ Западу

не есть что-либо спеціально Константину Аксакову принадлежащее. Но никто изъ другихъ славянофиловъ не доходилъ, все-таки, до такихъ крайностей, какъ Константинъ Аксаковъ. Современное „гніеніе“ Запада не мѣшало имъ, однако, признавать по крайней мѣрѣ огромныя *историческія* заслуги нерусской Европы предъ человѣчествомъ, и Хомяковъ, напр., говорилъ о Западѣ не иначе, какъ о

. . . . . странѣ святыхъ чудесъ.

А затѣмъ, что касается даже современнаго состоянія европейскихъ народовъ, то, усматривая въ немъ начала разложенія, большинство славянофиловъ не думало, однако, отрицать значеніе такихъ, напр., свѣтлыхъ явленій, какъ быстрый прогрессъ европейской науки и высокій уровень европейской литературы и искусства. Конечно, нельзя сомнѣваться ни единой минуты въ томъ, что если бы къ Константину Аксакову приступить съ категорическимъ запросомъ относительно европейской науки, онъ бы не причислилъ ее къ „отвратительнымъ зрѣлищамъ“. Но тѣмъ непростительнѣе, значитъ, огульность его характеристики.

Однако же мы все еще стоимъ на почвѣ фактической невѣрности характеристики Запада, сдѣланной Константиномъ Аксаковымъ, т. е. на умственной несостоятельности ея, слишкомъ уже очевидной. Между тѣмъ гораздо любопытнѣе подчеркнуть нравственную несостоятельность фанатической ненависти Константина Сергѣевича, несостоятельность которая не отпадаетъ, *если даже стать на славянофильскую точку зрѣнія*. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, болѣе всего гордится славянофильство? Если при столкновеніи съ вопросами практической жизни славянофилы сплошь да рядомъ становились за сильнаго противъ слабаго, сплошь да рядомъ симпатизировали тенденціямъ застоя и сплошь да рядомъ оказывали поддержку идеямъ человѣконенавистничества, то все-таки въ теоріи славянофильство всегда было искренно воодушевлено совсѣмъ иными стремленіями и убѣжденно писало на своемъ знаменіи: миръ, любовь, гармонія. Мы въ этомъ могли убѣдиться изъ ознакомленія и съ идеями Константина Сергѣевича. Его стремленія превратить древнюю Русь въ какую-то Аркадію, гдѣ „въ основаніи лежали: *добровольность, свобода и миръ*“

(курсивы автора), его пламенная любовь къ общинному началу, его преклоненіе предъ русскимъ смиреніемъ и кротостью, все это можетъ быть недостаточно фактически обосновано, но все это проникнуто свѣтомъ духовной красоты и согрѣто самыми лучшими намѣреніями. Но въ томъ, что говоритъ Константинъ Аксаковъ о Западѣ, и добрыхъ намѣреній нѣтъ. Слова его дышутъ только ненавистью и слѣпымъ озлобленіемъ, они проникнуты только враждою и безцѣльнымъ униженіемъ всего, что не есть русское. И вотъ почему я придаю значеніе своему замѣчанію. Оно оттѣняетъ крупное противорѣчіе въ системѣ міровоззрѣнія разсматриваемаго нами писателя и выясняетъ въ немъ детали, столь же смѣшныя, сколько и антипатичныя. Единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить то, что страстныя филиппики Константина Сергѣевича писались въ самый разгаръ партійной полемики. Въ тѣ времена національное самосознаніе было такъ мало развито и въ обществѣ, и въ литературѣ, полное поклоненіе Западу въ ущербъ всему русскому было такимъ общимъ явленіемъ, что было дѣйствительно съ чего озлобиться и изъ чувства протеста начать гнуть въ діаметрально-противоположную сторону.

XVI.

Непосредственно-публицистическая дѣятельность.

Въ главѣ VI былъ изложенъ совершенно обособленно стоящій въ литературной біографіи Константина Аксакова эпизодъ сотрудничества въ „Молвѣ“ 1857 г. Теперь закончимъ нашъ обзоръ литературной дѣятельности Константина Аксакова нѣсколькими замѣчаніями о другихъ *непосредственно*-публицистическихъ сторонахъ ея. Подчеркиваю слово „непосредственно“, потому что, какъ я уже имѣлъ случай не одинъ разъ сказать, все, что когда-либо писалъ Константинъ Сергѣевичъ, представляетъ собою и по намѣреніямъ, и по способу исполненія публицистику чистѣйшей воды. Говоритъ ли онъ о призваніи Варяговъ, характеризуетъ ли подвиги Ильи Муромца, объясняетъ ли значеніе суфикса *s*, знакомитъ ли читателя съ языкомъ Ломоносова, обозрѣваетъ ли современную литературу, наконецъ, сочиняетъ ли стихи и драмы — все это онъ дѣлаетъ только затѣмъ, чтобы обосновать тезисы своей общественно-политической программы. И желаніе это настолько ясно сквозитъ въ каждой строкѣ, что вы изъ чтенія по виду „историческихъ“, „критическихъ“, „филологическихъ“ и „беллетристическихъ“ произведеній Константина Аксакова выносите совершенно опредѣленное представленіе объ общественно-политическихъ идеалахъ автора. Вотъ почему изъ непосредственно-публицистическихъ страницъ сочиненій Константина Сергѣевича, т. е. тѣхъ, гдѣ не намеками и общимъ смысломъ, а прямо и опредѣленно авторъ говоритъ о своихъ общественныхъ идеалахъ, мы не

узнаемъ ничего новаго. И если я нѣсколько остановлюсь на этихъ непосредственно-публицистическихъ сторонахъ литературной дѣятельности Константина Аксакова, то опять-таки только затѣмъ, чтобы рельефнѣе формулировать основные пункты его общественно-политическаго міросозерцанія.

Во главѣ ихъ, конечно, слѣдуетъ поставить требованіе „*самобытности*".

Лучшая страна въ мірѣ, обитаемая единственнымъ во всемъ свѣтѣ истинно-христіанскимъ народомъ, исповѣдующая лучшую религію, имѣющая лучшій образъ правленія, само собою разумѣется, не должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія „европейскихъ шаблоновъ". Все въ ней, не исключая даже такой нейтральной области, какъ наука, должно быть строго-самобытно, должно въ точности соотвѣтствовать тѣмъ исконнымъ началамъ русскаго духа, которыя, по мнѣнію Аксакова, пронесены русскимъ народомъ во всей ихъ неприкосновенности чрезъ все тысячелѣтнее историческое существованіе его.

„Надо воротиться къ началамъ родной земли, путь Запада ложенъ, постыдно подражаніе ему, Русскимъ надо быть Русскими, идти путемъ Русскимъ, путемъ вѣры, смиренія, жизни внутренней, надо возвратить самый образъ жизни, во всѣхъ его подробностяхъ, на началахъ этихъ основанный, и слѣдовательно, *надо освободиться совершенно отъ Запада, какъ отъ его началъ, такъ и отъ направленія, отъ образа жизни, отъ языка, отъ одежды, отъ привычекъ, обычаевъ его,* именно отъ этого свѣта и свѣтскости, вошедшихъ къ намъ, однимъ словомъ, отъ *всего, что запечатлѣно печатію его духа, что вытекаетъ даже какъ малѣйшій результатъ* изъ его направленія" (т. I, стр. 24).

Вотъ оно такъ! самобытность, такъ уже самобытность. Коль рубить, такъ ужъ съ плеча.

Но приглядимся еще разъ, чѣмъ обусловливаетъ Константинъ Аксаковъ свое требованіе самобытности. Такое требованіе самобытности можетъ вытекать изъ очень различныхъ источниковъ. Извѣстно, напр., что есть воззрѣніе, всего менѣе восторгающееся русскими порядками, но полагающее, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы еще не „доросли" до Европы и потому должны пробавляться своими, доморощенными общественно-политическими учрежденіями. Есть затѣмъ воззрѣніе, полагающее, что на свѣтѣ нѣтъ ничего абсолютнаго, и въ томъ числѣ нѣтъ ни абсолютно-хорошаго, ни абсолютно-дурного

общественнаго устройства, а есть просто нормы, *соотвѣтствующія* или *несоотвѣтствующія* культурному состоянію того или другого народа и потому желательныя или нежелательныя. Такое воззрѣніе тоже требуетъ самобытности, но, руководствуясь принципомъ: что русскому здорово, то нѣмцу смерть, *и наоборотъ*.

Ни подъ одно изъ этихъ воззрѣній не могутъ быть подведены требованія Константина Аксакова. Онъ далеко не потому только добивается торжества русскихъ началъ, что они *свои, родныя*, а потому что они *самыя лучшія на свѣтѣ*. И вотъ почему для него не существуетъ простого констатированія историческихъ явленій. Такъ, мы уже знаемъ, что Константинъ Сергѣевичъ со свойственною ему настойчивостью указываетъ на исконное нежеланіе русскаго народа государствовать. Всякій другой историкъ на его мѣстѣ ограничился бы этимъ констатированіемъ. Историкъ-публицистъ, пожалуй, прибавилъ бы къ такому констатированію, что согласно этой чертѣ русскаго народнаго характера должна складываться и современная русская государственная жизнь. Но нашему апостолу русской богоизбранности нужно не констатированіе, а непремѣнно апоѳеозъ, и вотъ почему онъ, вслѣдъ за выясненіемъ русскаго отношенія къ государствованію, рѣзко осуждаетъ непохожіе на него государственные порядки Запада. На Западѣ,—говоритъ онъ,—

„внѣшнее начало, законъ, сперва жестокій, почти непремѣнно дѣйствующій при завоеваніи и порабощеніи, долженъ былъ усилиться, развиться и одинъ стать высоко въ глазахъ человѣка. Такъ и случилось. Вопросъ жизни и исторіи былъ рѣшенъ для западныхъ народовъ: государство, учрежденіе (институтъ), централизація, власть внѣшняя стала ихъ идеаломъ; народъ (земля) отказался отъ внутренняго, свободнаго, нравственнаго общественнаго начала и вкусилъ плоды начала внѣшняго, государственнаго; народъ (земля) захотѣлъ государственной власти. Отсюда—революціи, смуты и перевороты, отсюда—насильственный внѣшній путь къ насильственному внѣшнему порядку вещей. Народъ на Западѣ плѣняется идеаломъ государства. Республика есть попытка народа быть самому государствомъ, перейти ему всему въ государство; слѣдовательно, попытка бросить совершенно нравственный, свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внѣшній, государственный. Самое крайнее выраженіе такой попытки, самое *гибельное* (sic) государствованіе народа видимъ въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ“ (т. 1, стр. 57).

Сопровождаемое подобнымъ отношеніемъ ко всему нерусскому, требованіе самобытности уже не есть простое желаніе устраивать свою жизнь по собственному усмотрѣнію. Тутъ уже деспотическое желаніе *подчинить* русскому міросозерцанію міросозерцанія всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ и объявить истину исключительною монополіею русскаго духа. Тутъ уже не русскій патріотизмъ, а панруссизмъ, стремящійся устроить все человѣчество по своему образцу.

Не есть ли, напр., доведенный до крайнихъ предѣловъ панруссизмъ другой пунктъ общественно-политической программы Константина Аксакова — его нелюбовь къ писанной конституціи? Только потому, что историческія изслѣдованія выработали въ немъ тотъ взглядъ на роль Земскихъ Соборовъ, который намъ извѣстенъ изъ предыдущаго изложенія Аксаковъ объявляетъ *противонравственнымъ* учрежденіемъ всѣ существующіе на Западѣ договоры между властью и народомъ.

„Намъ скажутъ", восклицаетъ онъ, „или народъ или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантія нужна! — Гарантія не нужна! *Гарантія есть зло.* Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра, пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощью зла" (стр. 9).

Можно было бы признать извѣстную логическую стройность за этой наивнѣйшей политической маниловщиной, если бы она была редактирована такъ: „*Въ Россіи* не нужны гарантіи". Въ ней заключался бы отвѣтъ русскимъ конституціоналистамъ, она носила бы характеръ опроверженія, основаннаго на провѣркѣ европейскихъ нормъ данными русской дѣйствительности. Но теперь Константинъ Аксаковъ дѣлаетъ какъ разъ то же самое, противъ чего борется. Конституціоналисты считаютъ писанную хартію *всеобщей панацеей*, годной для всѣхъ странъ и народовъ, а Константинъ Сергѣевичъ только всего и дѣлаетъ, что одну *всеобщую* панацею замѣняетъ другою, съ тою, однако, весьма существенною разницею, что противники его основываютъ свои стремленія на опытѣ *многихъ* европейскихъ народовъ, а онъ выводитъ свою государственную теорію изъ наблюденій надъ жизнью *одного* народа.

Теоріи, противъ которыхъ борется Константинъ Аксаковъ, отнюдь не считаютъ свои положенія идеаломъ человѣческаго

благоустройства. Онѣ только считаютъ ихъ лучшимъ изъ золъ, обусловленныхъ стремленіемъ сильныхъ подчинить себѣ слабыхъ. Аксаковъ же не знаетъ, какъ достаточно восторгаться русскимъ соотношеніемъ государственныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, мы должны прійти къ тому же формулированію публицистическихъ стремленій Конст. Аксакова, къ которому привело насъ изученіе историческихъ его произведеній: русскій народъ есть носитель спеціально ему одному присущихъ высокихъ доблестей, которыя отводятъ ему особое, высокое и безпримѣрное положеніе во всемірной исторіи, онъ—народъ богоизбранный, и горе тѣмъ народамъ, которые не хотятъ заимствовать у него начала духовной и государственной жизни. Ихъ ждетъ гибель.

Но если все это такъ, если Россія такъ безмѣрно возвышается надъ гнилымъ Западомъ, то какія проклятія достаточно сильны для тѣхъ „отступниковъ“, для тѣхъ „рабовъ“ европейскаго просвѣщенія, которые въ умственной слѣпотѣ своей преклонились предъ мишурнымъ блескомъ западной цивилизаціи?

Съ которыхъ поръ идетъ это отступничество?

Съ реформъ Петра и основанія Петербурга, отодвинувшаго на второй планъ настоящую столицу Россіи—Москву. Удивительно ли, что то и другое одинаково ненавистны Константину Сергѣевичу?

Мы уже знаемъ, что отношеніе Аксакова къ реформамъ Петра пережило два діаметрально-противоположныхъ другъ другу фазиса. Въ первомъ изъ нихъ онъ посвятилъ все обширное предисловіе диссертаціи о Ломоносовѣ прославленію энергическаго стремленія великаго царя „освободить Россію отъ оковъ исключительной національности“, во второмъ фазисѣ онъ, со свойственною ему прямотою, заявлялъ, что „напрасно“ занимался такимъ прославленіемъ (т. I., стр. 42).

Собственно говоря, взгляды Константина Аксакова на реформы Петра должны были быть разсмотрѣны нами въ обзорѣ историческихъ работъ его. Но дѣло въ томъ, что эти взгляды такъ тѣсно переплетаются съ отношеніемъ

нашего писателя къ современной ему жизни, что скорѣе должны быть причислены къ непосредственной публицистикѣ. Аксаковъ всего менѣе считаетъ Петровскую эпоху законченною. Для него она все еще продолжается, онъ съ горечью видитъ что „обезьяничаніе“ въ полномъ ходу, что „измѣна“ русскимъ началамъ не прекратилась, и потому-то петровскія реформы для него не тема для историческаго изслѣдованія, а предметъ для негодованія чисто-публицистическаго.

Къ тому же Константинъ Аксаковъ въ историческихъ сочиненіяхъ своихъ настолько отрывочно и эпизодически говорилъ о Петрѣ, что наиболѣе цѣльнымъ выраженіе его *отрицательныхъ* мнѣній о дѣятельности великаго преобразователя можетъ считаться *стихотвореніе* „Петру“, напечатанное впервые въ „Руси“ 1881 г. Стихотвореніе всего менѣе блещетъ поэтическими достоинствами, но зато оно представляетъ собою какъ бы сводъ славянофильскихъ воззрѣній на реформу Петра и связаннаго съ ними москвофильства. Приводимъ его цѣликомъ:

Великій геній, мужъ кровавый
Вдали на рубежѣ родномъ,
Стоишь ты въ блескѣ страшной славы,
Съ окровавленнымъ топоромъ.
Съ великой мыслью просвѣщенья
Въ своей отчизнѣ ты возникъ
И страшныя подъялъ мученья
И казни страшныя воздвигъ.
Во имя пользы и науки,
Добытой изъ страны чужой,
Не разъ твои могучи руки
Багрились кровію родной.
Ты думалъ,—быстротою взора,
Предупреждая времена,—
Что, кровью политыя, скоро
Взойдутъ науки сѣмена!
И вкругъ она лилась обильно,
И воплямъ Руси не внемля,
Упорство ты сломилъ, о, сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному слѣду,
Куда ты ей сказалъ: „Иди“!
Она пошла. Ты могъ побѣду

Торжествовать, но погоди!
Ты много снесъ головъ стрѣлецкихъ,
Ты много крѣпкихъ рукъ сломилъ,
Сердецъ ты много молодецкихъ
Ударомъ смерти поразилъ.
Но въ часъ невзгоды удалися,
Скрывъ право вѣчное свое,
Народа духъ живетъ, таяся,
Храня родное бытіе.
И ждетъ завѣтнаго онъ часа,
И вожделѣнный часъ придетъ,
И снова звукъ родного гласа
Народа волны соберетъ;
И снова вспыхнетъ взоръ отважный
И вновь подвигнется рука,
Порывъ младой и помыслъ важный
Взволнуетъ духъ, нѣмой пока.
Тогда къ желанному предѣлу
Борьба достигнетъ, и конецъ
Положитъ начатому дѣлу
Достойный, истинный вѣнецъ!
Могучій мужъ, желалъ ты блага,
Ты мысль великую питалъ,
Въ тебѣ и сила, и отвага,
И духъ великій обиталъ.
Но, истребляя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давилъ.
На самобытный трудъ стремленье,
Не вызывалъ народъ ты свой,
Въ его не вѣрилъ убѣжденья
И весь закрылъ его собой.
Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ,
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла.
Отринулъ ты Москву жестоко
И отъ народа ты вдали
Построилъ городъ одинокій:—
Вы вмѣстѣ жить ужъ не могли!
Ты граду далъ свое названье,
Лишь о тебѣ гласитъ оно,
И—добровольное сознанье—
На чуждомъ языкѣ дано.
Настало время зла и горя,
И съ чужестранною толпой

Твой градъ, пирующій у моря,
Сталъ Руси тяжкою грозой.
Онъ сокъ народа истощаетъ,
Названный именемъ твоимъ,
Объ русской онъ землѣ не знаетъ
И духомъ движется чужимъ.
Грѣхъ Руси далъ тебѣ побѣду,
И Русь ты смялъ. Но не всегда
По твоему ей влечься слѣду
Пу́темъ блестящаго стыда.
Такъ, будетъ время, Русь воспрянетъ,
Разсѣетъ долголѣтній сонъ
И на неправду дружно грянетъ—
Въ неправдѣ подвигъ твой свершенъ!
Народный духъ подниметъ крылья,
Отступниковъ обниметъ страхъ,
Созданья лжи, дѣла насилья
Падутъ, разсыплются во прахъ!
И вновь оправданный судьбою
Возстанетъ къ жизни твой народъ,
Съ своею древнею Москвою—
И жизнь свободный приметъ ходъ.
Все отпадетъ, что было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,
Отчизна зацвѣтетъ счастливо—
И твой народъ тебя проститъ.

Предвозвѣщаемая второю частью стихотворенія побѣда славянофильскихъ принциповъ составляетъ одну изъ любимыхъ темъ Константина Аксакова, къ которой онъ возвращается весьма часто. Онъ увѣренъ въ грядущемъ торжествѣ своей партіи и потому всегда говоритъ о ней въ мажорномъ тонѣ.

„Наступаетъ борьба“, резюмируетъ онъ свой обзоръ „петербургскаго“ періода русской исторіи. „Москва начинаетъ и продолжаетъ дѣло нравственнаго освобожденія, поднимаетъ вновь знамя русской самобытности, русской мысли. Въ наше время среди верхнихъ, отъ народа оторванныхъ классовъ пробуждается сознаніе ложности направленія иностраннаго и стыдъ обезьянства. Русская мысль начинаетъ освобождаться изъ плѣна; вся дѣятельность ея въ Москвѣ и изъ Москвы, и окончаніе долгаго испытанія, а вмѣстѣ и торжество, и возникновеніе истинной Руси и Москвы, кажется приближается“ (стр. 49).

Къ стремленіямъ же противниковъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ всякій фанатикъ, конечно, ничего, кромѣ глубочайшей антипатіи, чувствовать не можетъ и, на каждомъ шагу расточая своей партіи самые лестные эпитеты, не находитъ ни одного привѣтливаго слова для западничества. Соотношеніе славянофильства и западничества ему рисуется въ такомъ видѣ:

„Надъ русскимъ простымъ народомъ и надъ его священнымъ миромъ и тишиною, въ обществѣ, Русскимъ началамъ измѣнившемъ, идетъ вражда и борются два направленія. Одно силится поддержать свою неправду—измѣны всему Русскому и покорности западнымъ уставамъ. Другое искренно жаждетъ возстановленія Русскихъ святыхъ началъ Вѣры, Русскаго основного образа жизни, всего Русскаго духа, Русскаго ума и христіанскихъ добродѣтелей, по крайней мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ. Съ одной стороны: всякое упорство и желаніе, поблажающее удобной лѣни, остаться безъ труда подражателями Запада, пользоваться всѣми его политическими благами, повторять за нимъ слова и дѣйствія и не знать труда самостоятельной жизни; съ другой стороны: добрая надежда и дѣятельное стремленіе возвратиться къ святымъ началамъ Русской жизни. Нужно ли говорить, что такое стремленіе есть право и законное и спасительное?

Зародилось это стремленіе въ Москвѣ. Зародилось не случайно. Москва, по мнѣнію славянофиловъ вообще и Константина Аксакова въ частности, имѣетъ своимъ провиденціальнымъ назначеніемъ быть средоточіемъ русскаго духа. И какъ въ былыя времена не одинъ разъ первопрестольная спасала Россію отъ разныхъ иноземныхъ нашествій, такъ и въ наши дни она выдвинула славянофильство, которое раскрыло „верхнимъ классамъ“ тайники русскаго духа. Раскрыло именно потому что въ Москвѣ эти тайники доступнѣе, явственнѣе, неотразимѣе дѣйствуютъ чѣмъ въ „Санктпетербургѣ“...

Москвофильство Константина Аксакова должно быть названо однимъ изъ главныхъ устоевъ его міровоззрѣнія, одною изъ существеннѣйшихъ деталей его желанія порвать всякія связи съ послѣпетровскою Россіей. Всего цѣльнѣе это москвофильство, въ видѣ отдѣльныхъ фразъ и изреченій разбросанное по всѣмъ писаніямъ Константина Сергѣевича, выразилось въ статейкѣ „Семисотлѣтіе Москвы“, изъ которой и приводимъ наиболѣе существенныя выдержки:

„Москва, безъ сомнѣнія, выразила въ себѣ общее всерусское значеніе, и для насъ, во всякомъ случаѣ, является она представительницей общей Русской жизни, жизни всей Русской земли, жизни *земской* (собственно народной), говоря словомъ, такъ часто встрѣчающимся въ лѣтописяхъ и грамотахъ, со времени возвышенія Москвы на степень Русской столицы. Были ли довольны князья, или нѣтъ—это по крайней мѣрѣ вопросъ; но народъ былъ доволенъ. Москва выражала собою не власть надъ Русскою землею, но власть Русской земли; и если Москва принимала участіе въ войнахъ и не рѣдко коварныхъ поступкахъ удѣльнаго времени, если она виновата въ томъ, въ чемъ былъ виноватъ каждый городъ Русскій,—то она загладила вину свою, храня святую Русь и терпя за нее, выражая въ себѣ общую всерусскую жизнь. Успѣхъ, ей одной изъ всѣхъ городовъ принадлежащій, основывается на ея общемъ значеніи.

. . . . . .

Въ Москвѣ раздался голосъ Русской земли, зовущій подняться противъ Татаръ; въ нее стеклось и въ ней собралось ополченіе изъ многихъ городовъ Русскихъ; изъ нея пошло оно на Куликово поле. Съ тѣхъ поръ она всегда привлекала на себя удары врага, и самая лютая доля бѣдствій доставалась ей на часть; ей назначалось страданіе за Русскую землю—самое важное неоспоримое ея право и свидѣтельство, что она истинная столица Русская.—Въ нее, при Іоаннѣ IV, созвана была первая *Земская дума* изъ городовъ и вообще изъ земли Русской; Іоаннъ IV, свирѣпый къ боярамъ, но милостивый къ народу и соблюдавшій права его, хранилъ областную жизнь; тому доказательствомъ являются многія его грамоты, напечатанныя въ драгоцѣнныхъ актахъ, изданныхъ Археографическою Комиссіей. Въ свирѣпостяхъ является его личность; въ этомъ же благомъ дѣйствіи духъ Москвы и Руси, что одно. Борисъ, покоряя Сибирь, въ грамотѣ своей писалъ, чтобы спрашивать Остяковъ: какъ имъ лучше. Но всего важнѣе, важнѣе всѣхъ возможныхъ доказательствъ и взысканій, сильнѣе всѣхъ сужденій и теорій—голосъ народа, голосъ Божій, который призналъ Москву своею столицею, назвалъ ее матерью Русскихъ городовъ, корнемъ Русскаго царства и возвѣстилъ къ ней народную любовь.

. . . . . .

Когда Дмитрій Самозванецъ взошелъ на престолъ и хотѣлъ перемѣнить русскую вѣру, хотѣлъ покрыть русскую народность, то дальновидные іезуиты совѣтовали ему оставить Москву, уничтожить ее, какъ столицу, и основать новую столицу: безъ этого, говорили они ему, ты нисколько не успѣешь къ своихъ намѣреніяхъ.

. . . . . .

Въ эпоху междуцарствія сзывали другъ друга на враговъ, сзывали къ Москвѣ; тутъ-то называется она матерью городовъ русскихъ и корнемъ русскаго царства. Вотъ слова одной окружной грамоты: „Будьте съ нами обще за одно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и дерево

неподвижно: только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться! Здѣсь образъ Божія Матери, вѣчныя заступницы крестьянскія, Богородицы ея же Евангелистъ Лука написалъ; и великіе свѣтильники и хранители: Петръ, Алексѣй и Іона чудотворцы".

До Петра Великаго существовала въ Москвѣ такая перекличка стрѣльцовъ, когда вечеромъ въ 8 или 9 часовъ запирались ворота Кремлевскія:

Близъ собора Успенскаго часовой сторожъ первый начинаетъ протяжно и громогласно, какъ бы на роспѣвъ, возглашать: *Пресвятая Богородица, спаси насъ!* Затѣмъ второй въ ближнемъ притинѣ возглашаетъ: *Святые Московскіе Чудотворцы, молите Бога о насъ!* Потомъ 3-й: *Святой Николай Чудотворецъ, моли Бога о насъ!* Потомъ 4-й: *Вси Святые, молите Бога о насъ!* 5-й: *Славенъ городъ Москва!* 6-й: *Славенъ городъ Кіевъ!* 7-й: *Славенъ городъ Владиміръ!* 8-й: *Славенъ городъ Суздаль!* и такъ поименуютъ: Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и проч.

Многозначительное свидѣтельство! Въ этой перекличкѣ раздается голосъ Русской земли: слышишь, какъ она сама себя чувствуютъ, сама себя называетъ и сознаетъ въ городахъ своихъ, въ общемъ чувствѣ себя самой, единымъ совершеннымъ цѣлымъ. Въ этомъ непридуманномъ народномъ голосѣ слышишь, что царствующій градъ Москва помнилъ всѣ города Русскіе, всю Русскую землю.

. . . . . .

Но въ 1703 году была основана новая столица, городъ Санктпетербургъ... Какой же послѣ этого удѣль Москвы? Имѣетъ ли она еще прежнее значеніе? Въ Петербургъ, какъ извѣстно, было перенесено все управленіе... Прежде нежели станемъ отвѣчать на нашъ вопросъ, взглянемъ на самыя событія съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ сталъ столицею.—Спасенная, соединенная и укрѣпленная Москвою, Россія представляла много силъ, и съ этими силами были ведены войны и завоевывались разныя страны; но вотъ чрезъ столѣтіе снова собралась гроза, неожиданная, невѣроятная. Съ Запада шельеНаполеонъ и велъ безжалостныя побѣдоносныя войска. Въ эту минуту бѣдъ, когда все смущалось предъ страшною грозою, въ эту минуту явилась Москва, опять со всѣмъ своимъ значеніемъ столицы, какъ и прежде, и приняла на себя тяжелый ударъ новѣйшаго врага. Какъ въ 1612-мъ, такъ въ 1812-мъ она вновь объялась пламенемъ; по всей Русской землѣ раздалось вновь ея имя: Москва! Москва! И на это имя снова поднялся Русскій народъ и спасъ Русскую землю.—Такое явленіе обнаружило внутри-сокровенное и, кажется, навсегда утвердило значеніе Москвы, вѣчной столицы земли руской, столицы народной. Здѣсь опять встрѣчаемъ сужденіе великаго иностранца. Наполеонъ сказалъ въ разговорѣ съ Тучковымъ: „Столица ваша Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденція Государя".

. . . . . .

Ясно для насъ и для всѣхъ истинно Русскихъ вѣчное значеніе Москвы. Она жива, къ ней любовь Русскаго народа, и будетъ вѣчно

живо и то и другое: бытіе ея неразлучно съ бытіемъ святой Руси. На нее крестясь смотритъ крестьянинъ; сильно движетъ она и образованнаго русскаго въ чужестранной одеждѣ, въ комъ пробудилось Русское народное чувство. Но болѣе всего любитъ и разумѣетъ ее народъ. Онъ называетъ ее матушкой; повторяемъ съ нимъ это слово.

Любовь къ Москвѣ есть любовь къ Русской землѣ, потому что Москва имѣетъ въ себѣ не мѣстное, а общее значеніе. и единство всей земли Русской.

Да здравствуетъ Москва!

XVII.

Записка 1855 года.

Только-что приведенными выдержками я могъ-бы закончить обзоръ непосредственно-публицистическихъ взглядовъ Константина Аксакова. Правда, можно было бы привести еще очень много другихъ непосредственно-публицистическихъ мѣстъ разбросанныхъ по разнообразнымъ писаніямъ Константина Сергѣевича. Но этого не стоитъ дѣлать. Мы бы уже не узнали ничего новаго. Опять поношеніе западно-европейской „лжи“, опять восхваленіе русскаго превосходства, опять упреки интеллигенціи за „оторванность“ и предвозвѣщеніе грядущаго торжества славянофильства и, наконецъ, опять восторженное преклоненіе предъ современнымъ крестьянствомъ, какъ единственнымъ представителемъ „истинно-русскихъ“ началъ—вотъ къ чему сводятся всѣ „лирическія отступленія“ Константина Сергѣевича. И не могутъ не сводиться, потому что только этими думами и было наполнено его духовное существо, только ими онъ и тѣшилъ себя въ своей аскетической жизни, ничего не знавшей, кромѣ умственныхъ интересовъ.

Я сдѣлаю исключеніе только для одного произведенія Константина Сергѣевича—его замѣчательнѣйшей записки „О внутреннемъ состояніи Россіи“, поданной въ 1855 г. чрезъ графа Блудова только-что вступившему тогда на престолъ Императору Александру II [1]). Сдѣлаю это не потому, что записка

[1]) Въ печати появилась въ „Руси“ 1881 года.

ознакомляетъ насъ съ какими-нибудь новыми сторонами міровоззрѣнія Константина Сергѣевича, а потому, что она представляетъ собою единственное его произведеніе, гдѣ съ высотъ заоблачнаго идеализма онъ спускается на почву практическихъ совѣтовъ. И высоко-поучительно прислушаться къ этимъ совѣтамъ! Ярко они выясняютъ, что въ сущности разница между „западниками“ и *честными* славянофилами, т. е. такими, для которыхъ славянофильство не есть красивое прикрытіе самого низменнаго сервилизма, совсѣмъ не такъ велика, что, строго говоря, разница только въ теоретическомъ обоснованіи. Приглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, къ тезисамъ записки, которую я сейчасъ приведу, отбросьте въ нихъ теоретическія посылки и вы увидите, что не только одна и та же цѣль воодушевляла и западниковъ и искреннихъ славянофиловъ—счастье и благоденствіе Россіи, но что и пути достиженія этого счастья всего менѣе расходились между собою. Подъ практическою частью записки съ величайшимъ удовольствіемъ подписались бы самые передовые изъ тогдашнихъ западниковъ; въ 1855 г., по крайней мѣрѣ, ихъ мечтанія не шли дальше. „Благодѣтельная гласность“ долго составляла единственное опредѣленное требованіе западническаго лагеря. А между тѣмъ Константинъ Аксаковъ пошелъ дальше этого требованія.

Записка раздѣляется на три части: вступленіе, изложеніе взгляда автора на сущность русскаго государственнаго уклада и тезисы.

Во вступленіи Константинъ Сергѣевичъ объясняетъ, почему именно теперь онъ нашелъ нужнымъ представить свою записку:

„Государь! ты вступилъ на престолъ. Эти первыя минуты драгоцѣнны и важны не только для тебя, но и для твоихъ подданныхъ. Облекшись многовенно въ санъ царскій, ты еще не привыкъ быть Царемъ. Внутренній слухъ твой имѣетъ всю свою свѣжесть и тонкость, внутреннее зрѣніе—всю остроту и дальновидность; скажу болѣе: и слухъ твой и зрѣніе напряжены въ эти первыя минуты царствованія сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Надѣемся, что ты постоянно будешь напрягать всѣ силы души для узнанія истины, ко благу своего народа; но всякое мгновеніе

имѣетъ свой смыслъ и свою честь, собственно ему подобающіе; таковы и эти первыя минуты власти царской, свѣжесть и чуткость которыхъ не можетъ повториться.

Благое употребленіе этихъ минутъ, конечно, будетъ имѣть для тебя и, слѣдовательно, для твоихъ подданныхъ, важное значеніе".

Вслѣдъ за вступленіемъ идетъ изложеніе достаточно извѣстныхъ намъ взглядовъ Константина Сергѣевича на русскую государственную жизнь, на раздѣльность „земли" и государства и т. д. Первоначально теоретизированіемъ записка и ограничивалась. Но, чувствуя всю абстрактность и практическую непригодность подобнаго пріема, самъ сознавая, что въ его запискѣ „недостаетъ сосредоточеннаго вывода, извлеченнаго изъ общихъ указаній и необходимаго для надлежащей ясности и для ощущительнаго показанія дѣйствительнаго жизненнаго и въ этомъ смыслѣ практическаго ихъ значенія", Константинъ Сергѣевичъ представилъ дополненіе къ запискѣ, которое заканчивалось слѣдующими тезисами:

I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамѣнъ того, Русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа,—можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому)—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству,—это *мнѣніе* (слѣдовательно, сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той, и съ другой стороны.

VII. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдовательно, при вмѣшательствѣ народа въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней духовной свободы и силы—и непремѣнно портится нравственно.

VIII. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы

жизни и духа,—неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

IX. Начало русскаго гражданскаго устройства не были нарушены въ Россіи со стороны народа (ибо эта его коренныя народныя начала), но были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло такимъ образомъ въ душевный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа и, наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ наконецъ свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь. И тотъ и другой исходъ ужасны, ибо тотъ и другой гибельны, одинъ въ матерьяльномъ и нравственномъ, другой въ одномъ нравственномъ отношеніи.

X. Итакъ нарушеніе, со стороны правительства, русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы однимъ словомъ: отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ—вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

XI. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію,—оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства,—оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству—неограниченная власть государственная, народу—полная свобода нравственная—свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона; народу—право мнѣнія и слѣдовательно, слова.

Вотъ единственный, существенно жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

XIII. Но какъ же его привести въ исполненіе? Отвѣтъ на это находится въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.

XIV. Итакъ, свобода слова: вотъ что нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльное, что свобода слова есть начало (принципъ) и явленіе (фактъ).

XV. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а потому и общественное мнѣніе, существуетъ, привительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи, и созывали для того *Земскіе соборы*, на которыхъ были выбор-

ные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой земскій соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, котораго государь можетъ принять и не принять.

Итакъ, изъ всего сказаннаго въ моей „Запискѣ“ и объясненнаго въ этомъ „Дополненіи“, вытекаетъ ясное, опредѣленное, прилагаемое къ дѣлу и, въ этомъ смыслѣ *практическое*, указаніе: что нужно для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ и внѣшнее ея состояніе,

Именно:

Полная *свобода слова* устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно, и *Земскій соборъ*, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны.

Внутренній общій союзъ жизни,—сказалъ я въ своей „Запискѣ“,—до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней до того отдалились другъ отъ друга, вслѣдствіе полуторастолѣтней деспотической системы правительства, что Земскій соборъ въ настоящую минуту не могъ бы принести своей пользы. Я говорю: *въ настоящую минуту*, т. е. немедленно. Земскій соборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно пройти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать Земскій соборъ.

Открыто возвѣщаемое общественное мнѣніе—вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства Земскій соборъ; но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ съ полною пользою для себя и народа Земскій соборъ.

XVIII.

Общелитературное значеніе Константина Аксакова.

Закончу свой этюдъ нѣсколькими словами о томъ значеніи, которое, какъ мнѣ представляется, имѣетъ Константинъ Аксаковъ въ русской литературѣ послѣдняго полустолѣтія. Я старался до сихъ поръ очертить его роль въ славянофильствѣ—роль огромную, потому что всякое ученіе вербуетъ себѣ послѣдователей только энтузіазмомъ, только тою глубокою вѣрою въ непреложность своихъ принциповъ, которою дышетъ каждая строчка Константина Сергѣевича. Но имѣетъ ли его литературная дѣятельность какое-нибудь значеніе внѣ тѣсной сферы славянофильства? Поучительно ли чтеніе его сочиненій для людей, которымъ думается, что полное осуществленіе идеаловъ Аксакова отодвинуло-бы Россію куда-то очень далеко отъ общечеловѣческаго просвѣщенія?

Мнѣ кажется, что и для такихъ людей изученіе Константина Аксакова имѣетъ въ себѣ нѣчто высоко-привлекательное и поучительное. Не было ли бы, въ самомъ дѣлѣ, проявленіемъ крайней узости оцѣнивать писателей съ точки зрѣнія соотвѣтствія или несоотвѣтствія ихъ взглядовъ и убѣжденій съ нашими? Не значитъ ли это упираться въ стѣну, которая закрываетъ намъ широкія перспективы истинно-научной критики, не одобряющей и не порицающей, а всего только анализирующей и констатирующей? Не смѣшно ли вообще брать на себя задачу опредѣлять, насколько тѣ или другія убѣжденія „правильны“? Гдѣ мѣрило „правиль-

ности“ и не разлетаются ли всѣ такія оцѣнки, какъ дымъ, какъ только вы подойтете къ нимъ съ противоположными симпатіями? Все „правильно“, что честно надумано и искренне прочувствовано, все хорошо и поучительно, въ чемъ вы видите высокій полетъ и широкій размахъ.

Да, эти два критерія не призрачны и не разлетаются, какъ дымъ, съ какой бы точки зрѣнія вы къ нимъ не подошли. Полетъ и искренность—это свойства, нравственная цѣна которыхъ останется неизмѣнной для васъ, къ какому бы вы направленію не принадлежали.

И вотъ, если съ такими критеріями подойти къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Константина Аксакова,—значеніе ея несомнѣнно будетъ крупное. Со стороны интелектуальной нельзя не оцѣнить высоты полета и широты размаха мысли Константина Сергѣевича. Его идеи свидѣтельствуютъ объ умѣ большомъ, онѣ безусловно *значительны* и открываютъ новые горизонты, можетъ быть призрачные, но безспорно обширные. Для людей, которыхъ увлекутъ взгляды Константина Аксакова, они являются новымъ откровеніемъ; для людей, которые не согласятся съ ними, они послужатъ могущественнымъ ферментомъ, способнымъ напречь всѣ силы ихъ ума и привести въ движеніе всѣ запасы ихъ знаній: легко ли въ самомъ дѣлѣ побѣдить такого вооруженнаго съ головы до ногъ противника, какъ Константинъ Сергѣевичъ?

Но, конечно, всего крупнѣе становится значеніе Константина Аксакова, когда вы приступаете къ оцѣнкѣ чистоты его помысловъ и искренности его намѣреній. Въ этомъ отношеніи мы, кромѣ Бѣлинскаго, не найдемъ ни одного человѣка въ поколѣніи сороковыхъ годовъ, котораго можно было бы поставить съ нимъ рядомъ. Какъ намъ извѣстно, знавшіе лично Константина Аксакова утверждаютъ, что всякій разъ послѣ того, какъ имъ приходилось сталкиваться съ нимъ, они чувствовали себя чище и нравственнѣе. То же ощущеніе испытываетъ и каждый, изучающій Константина Аксакова по даннымъ его біографіи и литературной карьеры. Невольно умолкаетъ въ васъ тотъ желчный пессимизмъ, то горькое и обидное чувство, которое назрѣваетъ въ историкѣ литературы по мѣрѣ того, какъ онъ ближе присматривается къ разнымъ установившимся литературнымъ репутаціямъ. Если

пессимизмъ есть неизбѣжный удѣлъ всякаго вообще, кто ближе знакомится съ людьми, то еще горшее разочарованіе ждетъ насъ, если эти люди не кто-нибудь такіе, а писатели, глашатаи добра по профессіи, пророки правды по основному назначенію своему. Сколько ложныхъ репутацій, сколько мишуры вмѣсто золота, сколько фразерства вмѣсто дѣйствительныхъ убѣжденій, сколько праздной болтовни и драпировки вмѣсто дѣйствительнаго желанія слѣдовать проповѣдуемымъ принципамъ!

Но ни къ одной изъ этихъ категорій даже близко не подходитъ Константинъ Аксаковъ. Въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ пророкомъ настоящимъ, до мозга костей воодушевленнымъ своими идеями, съ глашатаемъ правды, понимаемой имъ, конечно, по своему, но исповѣдуемой съ такою горячею искренностью, съ такою святою чистотою, что онѣ будятъ хорошія чувства въ каждомъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе. И вотъ почему литературная дѣятельность Константина Аксакова не замыкается, тѣснымъ кругомъ славянофильской доктрины, а имѣетъ значеніе для всей русской литературы вообще. Главное назначеніе литературы—порождать честныя стремленія, а въ какихъ формахъ разъ пробужденныя, стремленія впослѣдствіи проявятся—это, право, детали второстепеннаго значенія. Истинно-честные и добрые люди, не прикрывающіе разными принципами какія-нибудь низменныя побужденія, всегда приносятъ пользу, къ какой „партіи“ они бы ни принадлежали и къ какому „толку“ они бы себя ни причисляли. Люди, искренне-желающіе добра своей родинѣ, всегда сумѣютъ столковаться и, стремясь къ нему даже съ разныхъ *теоретическихъ* точекъ зрѣнія, на *практикѣ* придутъ къ однимъ и тѣмъ же вѣковѣчнымъ началамъ, которыми живо и движется впередъ человѣчество. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу, гдѣ честные славянофилы, въ родѣ Юрія Самарина, расходясь въ частностяхъ, въ общемъ шли къ той же цѣли, что и люди „крайняго“ и западническаго „Современника“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова“ или „Мертвыя Души“ [1]).

Мы нисколько не беремъ на себя важнаго труда отдать отчетъ въ этомъ новомъ, великомъ произведеніи Гоголя, уже ставшаго высоко предыдущими созданіями; мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, чтобы указать на точку зрѣнія, съ какой, намъ кажется, надобно смотрѣть на его поэму.

Многимъ, если почти не всякому, должна показаться странною его поэма; явленіе ея такъ важно, такъ глубоко и вмѣстѣ такъ ново-неожиданно, что она не можетъ быть доступною съ перваго раза.—Эстетическое чувство давно уже не испытывало такого рода впечатлѣнія, міръ искусства давно уже не видалъ такого созданія,—и недоумѣніе должно было быть у многихъ, если не у всѣхъ, первымъ, хотя и минутнымъ, ощущеніемъ; мы говоримъ о людяхъ, болѣе или менѣе одаренныхъ чувствомъ изящнаго.

Такъ глубоко значеніе, являющееся намъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя. Предъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ предъ нами. Объяснимся.

Древній эпосъ, основанный на глубокомъ простомъ созерцаніи, обнималъ собою цѣлый опредѣленный міръ во всей неразрывной связи его явленій: и въ немъ, при этомъ созерцаніи все обхватывающемъ, столь зоркомъ и все видящемъ, представляются всѣ образы природы и человѣка, заключенныя въ созерцаемомъ мірѣ, и,—соединенныя чудно, глубоко

---

[1]) Объ этой рѣдчайшей брошюрѣ см. выше, стр. 119.

и истинно, шумятъ волны, несется корабль, враждуютъ и дѣйствуютъ люди; ни одно явленіе не выпадаетъ и всякое занимаетъ свое мѣсто, на все устремленъ художническій, ровный, и спокойный, безстрастный взоръ, переносящій въ область искусства всякій предметъ съ его правами и, чуднымъ творчествомъ, переносящій его туда, каждый съ полною тайною его жизни: будь это человѣкъ великій, или море, или шумъ дождя, бьющаго по листьямъ. Всемірно-историческій интересъ, великое событіе, эпоха становится содержаніемъ эпоса; единство духа—та внутренняя связь, которая связуетъ всѣ его явленія. (Мы говоримъ здѣсь про этотъ элементъ эпоса, про необходимый объективный характеръ не входя подробно въ разборъ его; дальнѣйшему развитію не противорѣчатъ слова наши). Этотъ древній эпосъ перенесенный изъ Греціи на Западъ, мелѣлъ постепенно; созерцаніе измѣнялось и перешло въ описаніе и вмѣстѣ въ украшеніе; мало по малу блѣднѣли фальшивыя краски, болѣе и болѣе выдвигалось то, что и безъ помощи ихъ, и само по себѣ имѣетъ интересъ—голое событіе, которое въ такомъ видѣ (т. е. какъ голое событіе) или, будучи историческимъ, должно быть отнесено къ исторіи, или, будучи частнымъ, сдѣлаться анекдотомъ про себя.—Исторія укрыла наконецъ свои великія событія отъ недостойнаго уже взора, столько разъ ихъ оскорблявшаго; людямъ самимъ стало смѣшно и они отошли отъ исторіи: названіе поэмы сдѣлалось укорительно-насмѣшливымъ именемъ. Все болѣе и болѣе выдвигалось происшествіе, уже и мелкое и мелѣющее съ каждымъ шагомъ, и наконецъ сосредоточило на себѣ все вниманіе; весь интересъ устремился на происшествіе, на анекдотъ, который становился хитрѣе, замысловатѣе, занималъ любопытство, замѣнившее эстетическое наслажденіе; такъ снизошелъ эпосъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти.—Мы потеряли, мы забыли эпическое наслажденіе; нашъ интересъ сдѣлался интересомъ интриги, завязки; чѣмъ кончится,—объяснится такая-то запутанность, что изъ этого выйдетъ. Загадка, шарада стала наконецъ нашимъ интересомъ, содержаніемъ эпической сферы, повѣстей и романовъ, унизившихъ и унижающихъ за исключеніемъ свѣтлыхъ мѣстъ, древній эпическій характеръ.

Мы не вдаемся въ подробности, не упоминаемъ о произведеніяхъ, въ которыхъ есть достоинство и мелькаютъ части или блѣдные оттѣнки эпическаго созерцанія, но это только отрывки: само же эпическое созерцаніе съ своей цѣлостью, столь важнымъ условіемъ, ибо сама цѣлость его есть вмѣстѣ ручательство за него, было потеряно и унижено.—Романы и повѣсти имѣютъ свое значеніе, свое мѣсто въ исторіи искусства поэзіи; но предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ распространиться объ этомъ предметѣ и объяснить ихъ необходимое явленіе и вмѣстѣ ихъ смыслъ и степень ихъ достоинства въ области поэзіи, при ея историческомъ развитіи.

И вдругъ среди этого времени возникаетъ древній эпосъ съ своею глубиною и простымъ величіемъ—является поэма Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и все-видящій эпическій взоръ, тоже всеобъемлющее эпическое созерцаніе. Какъ понятно, что мы, избалованные въ нашемъ эстетическомъ чувствѣ въ продолженіи вѣковъ, мы съ недоумѣніемъ, не понимая, смотримъ сначала на это явленіе; мы ищемъ: въ чемъ же дѣло, перебираемъ листы, желая видѣть анекдотъ, спѣшимъ добраться до нити завязки романа, увидѣть уже знакомаго незнакомца, таинственную, часто понятную, загадку, думаемъ нѣтъ ли здѣсь, въ этомъ большомъ сочиненіи, какой нибудь интриги помудренѣе; но на это на все молчитъ его поэма; она представляетъ вамъ цѣлую сферу жизни, цѣлый міръ, гдѣ опять, какъ у Гомера, свободно шумятъ и блещутъ воды, всходитъ солнце, красуется вся природа, и живетъ человѣкъ,—міръ, являющій намъ глубокое цѣлое, глубокое, внутри лежащее содержаніе общей жизни, связующій единымъ духомъ всѣ свои явленія. Но намъ не того надо: намъ нужно внѣшняго содержанія, анекдота, шарады,—и дичится давно избалованное эстетическое чувство, какъ ребенокъ, котораго сажаютъ за дѣло. Въ поэмѣ Гоголя является намъ тотъ древній, Гомеровскій эпосъ; въ ней возникаетъ вновь его важный характеръ, его достоинство и широкообъемлющій размѣръ. Мы знаемъ, какъ дико зазвучатъ во многихъ ушахъ имена Гомера и Гоголя, поставленныя рядомъ; но пусть принимаютъ, какъ хотятъ, сказанное нами теперь твердымъ голосомъ; впрочемъ, мы хотимъ

предупредить здѣсь одно недоразумѣніе: только неблагонамѣренные люди могутъ сказать, что мы „Мертвыя Души“ называемъ Иліадой; мы не то говоримъ; мы видимъ разницу въ содержаніи поэмъ; въ Иліадѣ является Грецiя съ своимъ міромъ, съ своею эпохою и слѣдовательно содержаніе само уже кладетъ здѣсь разницу [1]); конечно, Иліада именно, эпосъ, такъ исключительно нѣкогда обнявшій все, не можетъ повториться; но эпическое созерцаніе Гоголя—древнее, истинное, тоже, какое и у Гомера; и только у одного Гоголя видимъ мы это содержаніе, только онъ обладаетъ имъ, только съ Гоголемъ, у него, изъ подъ его творческой руки возстаетъ наконецъ древній, истинный эпосъ, надолго оставлявшій міръ,—самобытный, полный вѣчно свѣжей, спокойной жизни, безъ всякаго излишества. Чудное, чудное явленіе. Къ новому художественному наслажденію призываетъ оно васъ, новое глубокое чувство изящнаго современно будитъ оно васъ, и невольно открывается впереди прекрасная даль.

Такое-то явленіе видимъ мы въ поэмѣ Гоголя: „Мертвыя души“. Вотъ точка зрѣнія, съ которой должны мы смотрѣть на Гоголево произведеніе, какъ намъ кажется. Предъ нами въ этомъ произведеніи, предстаетъ, какъ мы уже сказали, чистый, истинный древній эпосъ, чуднымъ образомъ возникшій въ Россіи; предстаетъ онъ предъ нами, затемненными цѣлымъ безчисленнымъ множествомъ романовъ и повѣстей, давно отвыкшими отъ эпическаго наслажденія. Какія новыя струны наслажденія искусствомъ разбудилъ въ насъ онъ. Разумѣется этотъ эпосъ, эпосъ древности, являющійся въ поэмѣ Гоголя „Мертвыя души“ есть въ то же время явленіе въ высшей степени свободное и современное. Полнѣйшее объясненіе какъ, какимъ образомъ могъ онъ возникнуть, именно у насъ, и что знаменуетъ, какое значеніе имѣетъ его явленіе вообще, и въ цѣломъ мірѣ искусства;—это, разумѣется длинное объясненіе—до другого раза, а теперь прибавимъ нѣсколько замѣчаній, которыя будутъ служить подтвержденіемъ нами сказаннаго.

---

[1]) Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ душъ“.

Нѣкоторымъ можетъ показаться страннымъ, что лица у Гоголя смѣняются безъ особенной причины; это имъ скучно; но основаніи упрека лежитъ опять въ избалованности эстетическаго чувства, у кого оно есть. Именно эпическое созерцаніе допускаетъ это спокойное явленіе одного лица за другимъ, безъ внѣшней связи, тогда какъ одинъ міръ объемлетъ ихъ, связуя ихъ глубоко и неразрывно единствомъ внутреннимъ. Конечно, мы понимаемъ, что интрига со всею путаницей менѣе заставляетъ двинуться всѣмъ внутреннимъ силамъ человѣка, менѣе, несравненно менѣе глубоко заставляетъ его если только онъ можетъ почувствовать, принять впечатлѣніе; интрига, анекдотъ занимаютъ любопытство и до такой степени унизили эпосъ въ романахъ и повѣстяхъ, что не нужно эстетическаго чувства, чтобъ понимать ихъ, интересоваться ими: это можетъ всякій любопытный недуракъ; а охотнѣе человѣкъ принимается за то, что легче, что не требуетъ большого напряженія внутреннихъ его силъ. Какая-же интрига, между тѣмъ, какая завязка въ Иліадѣ. Происшествіе все въ двухъ словахъ и открыто; какая завязка, интрига въ Божіемъ мірѣ, полномъ жизни и единства *). Въ поэмѣ Гоголя явленія идутъ однѣ за другими, спокойно смѣняя другъ друга, объемлемыя великимъ эпическимъ созерцаніемъ, открывающимъ цѣлый міръ, стройно предстающій съ своимъ внутреннимъ содержаніемъ и единствомъ, съ своею тайною жизни.—Однимъ словомъ, какъ мы уже сказали и повторяемъ: древній, важный эпосъ является въ своемъ величавомъ теченіи.

И точно, созерцаніе Гоголя, таково (не говоря вообще о его характерѣ), что предметъ является у него, не теряя нисколько ни одного изъ правъ своихъ, является съ тайною своей жизни, одному Гоголю доступной; его рука переноситъ въ міръ искусства предметъ, не измявъ его нисколько; нѣтъ, свободно живетъ онъ тамъ, еще выше поставленный; не видать на немъ слѣдовъ его перенесшей руки, и поэтому

*) Намъ скажутъ, можетъ быть, что есть повѣсти, въ которыхъ нѣтъ почти содержанія. Точно, такія есть: за то въ нихъ однѣ описанія; это только показываетъ, что онѣ, при отсутствіи эпической силы, не имѣютъ и анекдотическаго интереса.

узнаешь ее. Всякая вещь, которая существуетъ, уже поэтому самому имѣетъ жизнь, интересъ жизни, какъ бы мелка она не была, но постиженіе этого доступно только такому художнику, какъ Гоголь; и въ самомъ дѣлѣ: все, и муха, надоѣдающая Чичикову, и собаки, и дождь, и лошади отъ засѣдателя да чубарый, и даже бричка—все это, со всею своею тайною жизни, имъ постигнуто и перенесено въ міръ искусства (разумѣется творчески создано, а не описано, Боже сохрани; всякое описаніе скользитъ только по поверхности предмета); и опять только у Гомера можно найти такое творчество.

Интересъ, разумѣется, есть; но не интересъ анекдота, занимающій въ романахъ и повѣстяхъ; интересъ эпоса, поэмы. Я думаю ясно, какой это интересъ послѣ того, что мы говорили о самомъ эпосѣ. Прочтя первую часть чувствуешь необходимость второй, чувствуешь живой интересъ, но совсѣмъ не потому, чтобы узнать, какъ разгадается такая-то загадка, какъ распутается такая-то интрига; занимаетъ то, какъ разрѣшится такое-то происшествіе; но то, какъ разрѣшится самый эпосъ, какъ явится и предстанетъ полное, все созданіе, какъ разовьется міръ, предъ нами являющійся, міръ, носящій въ себѣ глубокое содержаніе тѣмъ болѣе, что по словамъ Гоголя, раздвинуться должна широкая повѣсть.

Какой смыслъ получаетъ теперь, послѣ всего, нами сказаннаго, названіе поэмы, стоящее въ заглавіи книги. Да, это поэма, и это названіе вамъ доказываетъ, что авторъ понималъ, что производилъ; понималъ всю великость своего дѣла.

Если сказать нѣсколько словъ о самомъ произведеніи, то первый вопросъ, который намъ бы сдѣлали, будетъ: какое содержаніе. Мы сказали, что здѣсь нечего искать содержанія романовъ и повѣстей; это поэма, и разумѣется, въ ней лежитъ содержаніе поэмы. И такъ насъ могутъ спросить, что же въ ней заключается, что, какой міръ объемлетъ собою поэма. Хотя это только первая часть, хотя это еще начало рѣки, дальнѣйшее теченіе которой, Богъ знаетъ, куда приведетъ насъ и какія явленія представитъ,—но мы, по краней мѣрѣ, можемъ, имѣемъ даже право думать, что въ этой поэмѣ обхватывается широко Русь, и уже не тайна ли Рус-

ской жизни лежитъ, заключенная въ ней, не выговорится ли она здѣсь художественно.—Не входя подробно въ раскрытіе первой части, въ которой во всей, разумѣется, лежитъ одно содержаніе, мы можемъ указать, по крайней мѣрѣ, на ея окончаніе, такъ чудно, такъ естественно вытекающее. Чичиковъ ѣдетъ въ бричкѣ, на тройкѣ; тройка понеслась шибко, и кто бы ни былъ Чичиковъ, хоть онъ и плутоватый человѣкъ, и хотя многіе и совершенно будутъ противъ него, но онъ былъ Русскій, онъ любилъ скорую ѣзду,—и здѣсь тотчасъ это общее народное чувство, возникнувъ, связало его съ цѣлымъ народомъ, скрыло его такъ сказать; здѣсь Чичиковъ, тоже Русскій, исчезаетъ, поглощаетъ, сливаясь съ народомъ въ этомъ общемъ ему чувствѣ. Пыль отъ дороги поднялась и скрыла его; не видать, кто скачетъ,—видна одна несущаяся тройка. И когда здѣсь, въ концѣ первой части, коснулся Гоголь общаго субстанціальнаго чувства Русскаго, то вся сущность (субстанція) Русскаго народа, тронутая имъ, поднялась колосально, сохраняя свою связь съ образомъ, ее возбудившимъ. Здѣсь проникаетъ наружу и видится Русь, лежащая, думаемъ мы, тайнымъ содержаніемъ всей его поэмы. И какія эти строки, что дышетъ въ нихъ и какъ, не смотря на мелочность предыдущихъ лицъ и отношеній на Руси,—какъ могущественно выразилось то, что лежитъ въ глубинѣ, то сильное, субстанціальное, вѣчное, неисключаемое нисколько предыдущимъ. Это дивное окончаніе, повершающее первую часть такъ глубоко связанное во всемъ предыдущимъ, которое многимъ покажется противорѣчіемъ,—какимъ чуднымъ звукомъ наполняютъ оно грудь, какъ глубоко возбуждаются всѣ силы жизни, которую чувствуешь въ себѣ разлитою вдохновенно по всему существу.

Указывать ли на мѣста. Но безъ полнаго созерцанія это значитъ вырывать ихъ Все, отъ начала до конца, полно одной неослабной, неустающей, живой жизни, той жизни, которою живетъ предметъ, перенесенный весь и свободно безъ малѣйшей утраты, въ область искусства; жизнь всюду, въ каждой строкѣ, и потому медленно надо читать Гоголя; содержаніе предлагается въ каждомъ словѣ, каждая глава много, много наполнитъ человѣка и изящное его чувство много, много насладится; нечего бояться потерять изъ виду внѣш-

нюю связь происшествія: здѣсь нечего сшивать въ памяти, какъ бы ниткою, обстоятельства, какъ мы дѣлаемъ это во многихъ повѣстяхъ, романахъ, гдѣ часто разыгрываемъ роль судей, посланныхъ на слѣдствіе; но здѣсь не то, здѣсь нечего бояться за память, нечего бояться потерять единство: оно не внѣшнее, оно всегда тутъ; связуетъ не наружно, но внутренно всѣ предметы между собою; все оживлено однимъ духомъ, глубоколежащимъ внутри и являющимся въ гармоническимъ разнообразіи, и какъ въ Божіемъ мірѣ. Мы не можемъ не сказать, что есть мѣста, наиболѣе открывающія сущность вещи и духъ самаго автора; кто читалъ ихъ вѣрно помнитъ эти вдохновенныя, торжественныя мѣста; мы же не хотѣли и не станемъ входить въ подробности, ограничивая статью нашу только нѣсколькими словами, общимъ взглядомъ и отдѣльными замѣчаніями [1]).

Вѣроятно нѣкоторые станутъ нападать на слогъ, но тутъ будетъ совершенная ошибка; слогъ Гоголя не образцовый, и слава Богу: это былъ бы недостатокъ. Нѣтъ, слогъ у Гоголя составляетъ часть его созданія; онъ подлежитъ тому же акту творчества, той же образующей рукѣ, которая вмѣстѣ даетъ и ему форму и самому произведенію, и потому слога нельзя у него отдѣлить отъ его созданія, и онъ въ высшей степени хорошъ (мы не говоримъ о частностяхъ и бездѣлицахъ). Это наша вина, если мы не вдругъ его постигаемъ; если можно не вдругъ понять красоту произведенія, то также не вдругъ понять и слогъ и оборотъ, вполнѣ выражающій, что надо; пора перестать смотрѣть на слогъ, какъ на какое-то платье, сшитое извѣстнымъ и общимъ для всѣхъ образомъ, въ которое всякій долженъ точно рядить свои мысли; напротивъ, слогъ не кроеная, не шитая вещь, не платье; онъ живъ, въ немъ играетъ жизнь языка его, и не заученные формулы и пріемы, а только духъ сливаетъ его съ мыслію; тѣмъ болѣе слогъ языка Русскаго, имѣющаго въ себѣ неизсякаемые источники силъ, бездну едва уловимыхъ оттѣнковъ и совершенно

---

[1]) Такіе тѣсные предѣлы не позволятъ намъ сказать о многомъ, развить многое и дать заранѣе полныя объясненія на недоумѣніе и вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи нашей статьи. Но надѣемся, что они разрѣшатся сами собою.

свободный, но не произвольный синтаксисъ. Надобно только постичь духъ и законы языка, и Гоголь постигъ это своимъ творческимъ геніемъ.

Въ „Мертвыхъ Душахъ“ мы находимъ одну особенность, о которой мы не можемъ умолчать, которая невольно выдается и невольно приводитъ намъ на мысль Иліаду. Это тогда, когда, встрѣчаются сравненія; сравнивая, Гоголь совершенно передается предмету, съ которымъ сравниваетъ, оставляя на время тотъ, который навелъ его на сравненіе; онъ говоритъ, пока не исчерпаетъ весь предметъ, приведенный ему въ голову. Всякій, кто читалъ Иліаду, вѣрно вспомнитъ Гомера, читая сравненія Гоголя; вспомнитъ, какъ Гомеръ, тоже, оставляя сравниваемый предметъ, предается тому, съ которымъ сравниваетъ; и это насъ всегда невольно останавливало даже и у Гомера: потому, что мы далеко отодвинуты отъ полнаго эпическаго созерцанія; но этотъ характеръ сравненія необходимъ при всеобъемлющемъ эпическомъ взглядѣ; у поэта-эпика не можетъ быть намековъ, онъ не можетъ просто указать на предметъ, и удовольствоваться; нѣтъ взоръ его видитъ его вполнѣ; со всею его жизнью, въ которой находитъ сродство съ жизнію повѣствуемаго предмета, и взглядъ его объемлетъ его вполнѣ, и онъ вполнѣ, независимо, самобытно, не утрачивая сколько нибудь своей жизни, потому что онъ взятъ какъ сравненіе, предстаетъ предъ читателемъ. Если мы останавливаемся при такихъ мѣстахъ и смущаемся, то ошибаемся мы; не просвѣтлѣло еще наше эстетическое чувство, не вполнѣ раскрылось оно, чтобы обнять созданіе.

Общій характеръ лицъ Гоголя тотъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ ни тѣни односторонности, ни тѣни отвлеченности, и какой бы характеръ въ немъ не вызказывался, это всегда полное, живое лицо, а не отвлеченное качество (какъ бываетъ у другихъ, такъ что надъ однимъ напиши: скупость, надъ другимъ: вѣроломство, надъ третьимъ: вѣрность и т. д.); нѣтъ всѣ стороны, всѣ движенія души, какія могутъ быть у какого бы то ни было лица, всѣ не пропущены его взоромъ, видящимъ полноту жизни; онъ не лишаетъ лицо, отмѣченное мелкостью, низостью, ни одного человѣческаго движенія; всѣ воображены въ полнотѣ жизни: на какой бы низкой степени не стояло лицо у Гоголя, вы всегда признаете

въ немъ человѣка, своего брата, созданнаго по образу и подобію Божію. Это видишь во всѣхъ его сочиненіяхъ. Вспомнимъ „Ивана Федоровича Шпоньку“: человѣкъ, кажется, пустой въ высшей степени, дурачекъ, большею частью лежащій на кровати, скинувши мундиръ; вспомнимъ, какъ онъ пріѣхавши въ свою деревню, выѣхалъ на сѣнокосъ: на него дѣйствуетъ природа, онъ соединенъ съ нею, тутъ онъ чувствуетъ, но чувство выказалось въ немъ столько, сколько должно и могло выказаться. Говорить-ли о „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“, въ которыхъ столько глубоко человѣческое значеніе открылъ взоръ Гоголя, тамъ гдѣ другіе увидали бы только пошлость и животность; онъ открылъ и проложилъ путь сочувствію—человѣческому и къ этимъ людямъ и къ этой жизни. Въ „Мертвыхъ душахъ“ видимъ тоже. Напр. „Маниловъ“, при всей своей пустотѣ и притворной сладости, имѣющій свою ограниченную, маленькую жизнь, но все-же жизнь,—и безъ всякой досады, безъ всякаго смѣха, даже съ участіемъ, смотришь, какъ онъ стоитъ на крыльцѣ, куря свою трубку, а въ головѣ его и Богъ знаетъ что воображается, и это тянется до самаго вечера. Или „Плюшкинъ“, скупецъ, но за которымъ лежатъ иначе проведенные годы, который естественно и необходимо развился до своей скупости; вспомните то мѣсто, когда прежняя жизнь проснулась въ немъ, тронутая воспоминаніемъ, и на его старомъ, безжизненномъ лицѣ мелькнуло выраженіе чувства. Однимъ словомъ: вездѣ у Гоголя, такое совершенное отсутствіе всякой отвлеченности, такая всесторонность, истина и вмѣстѣ полнота жизни, не теряющей ни малѣйшей частицы своей отъ явленій природы: мухи, дождя, листьевъ и пр. до человѣка,—какая составляетъ тайну искусства, открывающуюся очень, очень немногимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у кого встрѣтимъ мы такую полноту, такую конкретность созданія (отчего не употребить этого слова). Скажемъ здѣсь не обинуясь наше мнѣніе. Да, очень у немногихъ: только у Гомера и Шекспира встрѣчаемъ мы тоже; только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этою тайною искусства. Опять неблагонамѣренные люди скажутъ, что мы ставимъ Гоголя совершенно рядомъ съ Гомеромъ и Шекспиромъ; но мы опять устранимъ недоразумѣніе. Гоголь не сдѣлалъ того теперь (кто знаетъ что будетъ впередъ), что сдѣлали

Гомеръ и Шекспиръ, и потому, въ отношеніи къ объему творческой дѣятельности, къ содержанію ея, мы не говоримъ, что Гоголь тоже самое, что Гомеръ и Шекспиръ; но въ отношеніи къ акту творчества, въ отношеніи къ полнотѣ самаго созданія Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ. Мы далеки оттого, чтобы унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но, въ отношеніи къ акту созданія, они ниже Гоголя. Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ: поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, но во всемъ его совершенствѣ, во всей свободѣ его жизни, другой создастъ великаго человѣка, взявши большее содержаніе, но только намѣтитъ его общими чертами; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества. Итакъ, этимъ сравненіемъ (хотя вообще сравненія объясняютъ неполно, но что-бы не писать длинной статьи) надѣемся мы пояснить наши слова: въ отношеніи къ акту творчества. Но Боже насъ сохрани, чтобы миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ зданій Гоголя: мы хотимъ только сказать, что онъ обладаетъ тою-же тайною, какою обладали Шекспиръ и Гомеръ, и только они; что онъ совершитъ еще, имѣя ее, послѣ того, что онъ уже сдѣлалъ,—будущее покажетъ; но онъ уже много сдѣлалъ, и уже, наконецъ, является великая поэма, такъ много намъ съ собой принесшая.

И такъ повторимъ наши слова, какъ бы онѣ странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можемъ мы встрѣтить такую полноту созданій, какъ у Гоголя; только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ великою, одною и тою же тайною искусства. И потому велико всякое созданіе Гоголя, и мы съ наслажденіемъ смотримъ на его творческую дѣятельность, такъ могущественно идущую впередъ и уже такъ много намъ давшую. Кромѣ его художественныхъ повѣстей, которыя такъ знакомы всякому образованному Русскому, кромѣ всего остального, онъ далъ намъ комедію, истинную комедію, какой нигдѣ нѣтъ; онъ даетъ намъ поэму; онъ можетъ дать намъ трагедію.

Мы знаемъ, многимъ покажется страннымъ слова наши;

но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что касается до мнѣнія Петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что они подумаютъ (впрочемъ исключая можетъ быть От. Зап., которыя хвалятъ Гоголя); но не о Петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы; напротивъ, мы о нихъ и не говоримъ; развѣ въ Петербургѣ можетъ существовать кругъ ихъ дѣятельности...

Еще одно важное обстоятельство сопряжено съ явленіемъ Гоголя: онъ изъ Малороссіи. Глубоко въ ней лежащій, художественный ея характеръ высказывается въ ея многочисленныхъ, мягкихъ звуками пѣсняхъ, живыхъ и нѣжныхъ, округленныхъ въ своихъ размѣрахъ; не таковъ характеръ Великорусской пѣсни. Но Малороссія—живая часть Россіи, созданной могущественнымъ Великорусскимъ духомъ; подъ его сѣнію можетъ она явить свой характеръ и войти какъ живой элементъ въ общую жизнь Руси, объемлющей ровно всѣ свои составы и не называющейся Великоруссіею (такъ бы она удержалась въ своей односторонности, и прочія части относились бы къ ней, какъ побѣжденные къ побѣдителю), но уже Россіею. Разумѣется, единственно вытекло изъ Великорусскаго элемента; имъ данъ общій характеръ; за нимъ честь созданія; при широкомъ его размѣрѣ свободно можетъ развиться все, всякая сторона,—и онъ сохранилъ свое законное господство, какъ законно господство головы въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ; но все тѣло носитъ названіе человѣка, а не головы; такъ и Россія зовется Россіей, а не Великоруссіей. Разумѣется, только пишучи по Русски (т. е. по Великорусски), можетъ явится поэтъ изъ Малороссіи; только Русскимъ можетъ и долженъ явиться онъ, будучи такимъ же гражданиномъ общей всѣмъ Россіи, съ собою принося ей свой собственный элементъ, и новую жизнь вливая въ ея члены. Теперь, съ Гоголемъ, обозначился ходожественный характеръ Малороссіи изъ ея прекрасныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ, ея прекраснаго художественнаго начала, возникъ, наконецъ, уже Русскій геній, когда общая жизнь государства обняла всѣ свои члены и дала ему обнаружиться въ колоссальномъ объемѣ; новый элементъ искусства втекъ широко въ жизнь искусства въ Россіи. Гоголь, принесшій намъ этотъ новый элементъ, который возникъ изъ страны, составной части многообъемлющаго отечества, и слѣдовательно, такъ много выразившій, оправ-

давшій (не въ смыслѣ: извинившій, но объяснившій) эту страну, Гоголь-Русскій, вполнѣ Русскій, и это наиболѣе видно въ его поэмѣ, гдѣ содержаніе Руси, всей Руси занимаетъ его, и вся она, какъ одно исполинское цѣлое, колоссально является ему. И такъ, важно это явленіе Малороссійскаго элемента уже Русскимъ, живымъ элементомъ общерусской жизни, при законномъ преимуществѣ Великорусскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, элементъ Малороссійскаго языка прекрасно внесенъ Гоголемъ въ нашъ Русскій.

А Великорусская пѣснь, пѣснь Русская, какъ называется она, и справедлива: ибо стало это племя, не имѣетъ односторонности, когда могла создать все государство и слить во живое едино всѣ, съ перваго взгляда, разнородные, враждующіе члены; имя „Русскій“ осталось за нимъ и вмѣстѣ за Россіей. Когда хотятъ говорить отдѣльно о дѣйствіяхъ другихъ племенъ, то придаютъ имъ ихъ племенное имя, потому что, отдѣльно взятыя, онѣ представляютъ, каждое, односторонность, отъ которой освобождаются, становясь Русскими, съ помощью Великорусскаго элемента. А Великорусское племя, слѣдовательно, не имѣло этой односторонности, или уничтожило ее самобытно, въ своей собственной жизни, когда создало цѣлое государство и дало въ немъ развиться свободно всѣмъ частямъ. И такъ имя: „Русскій“ слилось съ этимъ племенемъ, духомъ котораго живетъ и движется Государство; названіе: Русская пѣсня, осталось преимущественно, и по праву, за пѣснію Великорусскою. А Русская пѣсня, которую такъ часто вспоминаетъ Гоголь въ своей поэмѣ, Русская пѣсня! Что лежитъ въ ней. Какъ широкъ напѣвъ ея. Кажется духъ и образъ великаго, могучаго пространства, о которомъ такъ прекрасно говоритъ Гоголь, лежитъ въ ней. Нѣтъ ей конца, безконечная пѣсня, какъ называетъ ее онъ же. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сказать, что Русская пѣсня оканчивается; она не оканчивается, но уносится. Когда слушаешь, какъ широкія волны звуковъ раздаются слабѣе и наконецъ звуки Русской пѣсни—нѣтъ, она не кончилась, она унеслась, удалилась только и гдѣ-то поется, вѣчно поется.

Москва,
іюня 16, 1842 года.

Константинъ Аксаковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

Сочиненія К. С. Аксакова.

А.

Вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ или оттисками.

1) *Стихи*, читанные въ день празднованія учрежденія Имп. университета. 12-го янв. 1835 г. М. Тип. университ. 1835 4°. 4 стр.

2) *Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя* „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души". М. 1842.

3) *Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка.* Разсужденіе кандидата Московскаго университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философскаго факультета, перваго отдѣленія. М. Тип. Н. Степанова 1846. 3+517 стр. Ц. 3 р. 50 к.

4) *Освобожденіе Москвы въ 1612 г.* Драма въ 5 дѣйств. М. Тип. Николая Степанова. 1848. 8°. 6+212 стр. Ц. 1 р. 50 к.

5) *Родовое или общественное явленіе былъ изгой.* Оттискъ изъ № 87 „Моск. Вѣдом." 1850 г. М. Тип. университ. 1850. 8°. 16 стр.

6) *О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности.* (По поводу мнѣній о родовомъ бытѣ). М. Тип. Ал. Семена 1852. 8°. 91 стр. (Оттискъ изъ „Москов. Сборника").

7) *О русскихъ глаголахъ.* М. Тип. Л. Степановой. 1855. 8°. 47 стр. Ц. 50 к.

8) *Князь Луповицкій или пріѣздъ въ деревню.* Ком. въ двухъ дѣйств. съ прологомъ (Писано въ 1851 г.). М. Тип. Л. Степановой. 1856. 8°. 88 стр. Приложеніе къ „Рус. Бесѣдѣ" т. I.

а) Тоже. Лейпцигъ. У Франца Вагнера. 1857. 87 стр.

9) *Олегъ подъ Константинополемъ.* Драматич. пародія, съ эпилогомъ, въ трехъ дѣйств., въ стихахъ. (Изд. любителя). Спб. Тип. П. А. Кулиша. 1858 8°. IV+96 стр. Ц. 75 к.

10) *Замѣчанія о Псковской рядной записи* XIII в. (Оттискъ изъ I тома Извѣстій Арх. общества). СПБ. 1858. 8°. 7 стр. Ц. 50 к.

11) *Опытъ русской грамматики*, Ч. I. М. Тип. Л. Степановой 1860. 4°. IV+176 стр. Ц. 50 к.

12) *Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи.* Лейпцигъ. 1861.

13) **Полное собраніе сочиненій** Константина Сергѣевича Аксакова, изданное подъ редакціей И. С. Аксакова. **Т. I.** Сочиненія историческія. М. Тип. П. Бахметева. 1861. 8°. VII+632+12+II стр. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: 1) Объ основныхъ началахъ русской исторіи. 2) О томъ же. 3) О русской исторіи. 4) Родовое или общественное явленіе былъ изгой. 5) По поводу I тома Исторіи Россіи г. Соловьева. 6) О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенности. 7) По поводу IV тома Исторіи Россіи г. Соловьева. 8) Замѣчанія на статью г. Соловьева: Шлецеръ и анти-историческое направленіе. 9) По поводу той же статьи г. Соловьева. 10) По поводу VII тома Исторіи Россіи г. Соловьева. 11) По поводу VIII тома Исторіи Россіи г. Соловьева. 12) Краткій историческій очеркъ Земскихъ Соборовъ. 13) О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенности на основаніи обычаевъ, преданій и пѣсенъ. 14) Замѣчаніе на статью Шепинга: Купала и Коляда. 15) О богатыряхъ временъ Владиміра по русскимъ пѣснямъ. 16) О различіи между сказками и пѣснями русскими. 17) Замѣтки о значеніи Ильи Муромца. 18) О состояніи крестьянъ въ древней Россіи. 19) По поводу Бѣлевской Виблioѳики, изданной Н. А. Елагинымъ. 20) Замѣчанія на лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку. 21) Замѣчанія на акты Археографической Экспедиціи. 22) Русская исторія для дѣтей. 23) Семисотлѣтіе Москвы. 24) Замѣчанія о псковской рядной записи XIII вѣка. 25) Варіантъ къ статьѣ по поводу VI тома Исторіи Россіи г. Соловьева. 26) Началс Русской Исторіи, разсказанное для дѣтей. (писано для племянницы). 27) Отдѣльныя замѣтки.

а) Тоже, Изд. 2-ое М. 1889. Тип. унив. 8°. VII+599. (1200экз.) Ц. 2 р. 25 к.

Т. II. *Сочиненія филологическія.* М. Унив. тип. 1875. 8°. XII. 660 стр. (800 экз.) Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: 1. Отъ издателя (И. Аксакова). 1) О грамматикѣ вообще, по поводу грамматики г. Бѣлинскаго. 2) Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. 3) Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи. 4) О русскихъ глаголахъ. 5) Критическій разборъ Опыта исторической грамматики русскаго языка Ѳ. И. Буслаева. 6) Замѣтка къ предыдущему. 7) Письмо къ П. А. Безсонову.

Т. III. *Сочиненія филологическія.* (ч. II). Опытъ русской грамматики. М. Унив. тип. 1880. 8°. XXXVI+VIII+III+470+151 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: 1) Отъ издателя (И. Аксакова). 2) Отъ редактора (П. А. Безсонова). 3) Предисловіе къ 1 вып. опыта р. грам. К. С. Аксакова. 4) Примѣчаніе къ 1 вып. Его же. 5) Введеніе въ грамматику. 6) Раздѣленіе. 7) Часть I. Имя (первый выпускъ, изданный при жизни автора). 8) Имя (второй выпускъ подъ ред. П. А. Безсонова). 9) Языки индоевропейскіе. 10) Языки славянскіе. 11) Прибавленіе П. А. Безсонова. 12) Конспектъ послѣднихъ двухъ отдѣловъ первой части Рус. Грамматики: Прилагательное, Предлогъ.

14) *О современномъ человѣкѣ.* Оттискъ изъ „Братск. помощи“. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 1876. стр. 48.

15) *Собраніе Стихотвореній.* М. 1909. 8°. Тип. „Общ. распр. полез. книгъ". стр. 74. Ц. 80 к.

Въ эту книжку вошло только 27 стихотвореній: А. Н. Попову. Первое Мая. Толпѣ Эмпириковъ. Urbi. Сонъ. Союзникамъ. Поэту - укорителю. Возвратъ. Петру. Безмолвна Русь. Семилѣтнему Л—у. Опять къ землѣ родной. Совѣтъ. Гуманисту. Къ Славянамъ. Новгородъ. Свободное слово. Лже-духъ. Весна. Я не знаю, что солнце сгинетъ. Литераторы-натуралисты. Былина. Олегъ. Тѣни. Разуму. Веселью. Въ Россію вѣруя.

16) *Воспоминаніе Студентства.* Съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. СПБ. изд. Т-ва „Огни" 1911. 8°. стр. 42. Ц. 60 к.

Б.

Произведенія и письма К. С. Аксакова, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ.

1835.

Воспоминаніе (Стих.), подпись *К. Евріпидинъ*, „Телескопъ" ч. 27, 465.

Скала (Стих.) подп. *К. Евріпидинъ*. Ibid. 467.

Русская легенда (Стих.), подп. *К. Эврипидинъ-Бюргеровъ*. Ibid. ч. 29, стр. 230.

Степь (Стих.), подп. *К. Эврипидинъ-Бюргеровъ*. Ibid., 236.

Орелъ и поэтъ (Стих.), подп. *К. Эврипидинъ-Бюргеровъ*. Ibid., 238.

Гроза (Стих.), подп. *К. Эврипидинъ-Бюргеровъ*. Ibid., 240.

1836.

Жизнь въ мечтѣ (повѣсть), подп. —*кс*— „Телескопъ" 1836 г., т. XXXIII, стр. 169—209.

Орелъ и поэтъ (Стих.) „Литер Прибл. къ Рус. Инв.", № 92 и 93.

Гроза (Стих.). Ibid.

Степь (Стих.). Ibid.

1838.

Новая любовь, новая жизнь (изъ Гете), „Моск. Наблюд.", ч. XV I Изящ. Слов., 45—46.

На озерѣ (изъ Гете). Ibid., 92—93.

Утреннія жалобы (изъ Гете), ibid., 268—270.

Идеалы (изъ Шиллера), ibid., 542—545.

Магадэва и Баядера, индійская легенда (изъ Гете), „Моск. Набл.", ч. XVII, Изящ. Словесность, 16—19.

Тайна (изъ Шиллера). „Моск. Наблюд.", ч. XVIII, Изящ. Слов., стр. 19—20.

Встрѣча (изъ Шиллера), ibid., 304—305.

1839.

Вечеръ (изъ Шиллера). „Москов. Наблюд.“, ч. 1, Изящ, Слов., 12.

Тишина на морѣ (изъ Гете), ibid., 15—16.

Счастливый путь (изъ Гете), ib. 24.

Рыбакъ (изъ Гете), ib. 32—33.

О грамматикѣ вообще (по поводу грамматики г. *Бѣлинскаго*), ib., Науки, стр. 1—26. Вошло во II т. соч.

Стремленіе (изъ Вецеля) „Моск. Набл.“, ч. II, Изящ. Слов., 8—9.

Пѣснь Маргариты (изъ Гете). „Отеч. Зап.“ т. IV, отд. III, 82.

Изъ „Фауста“. „Отеч. Зап.“, т. IV, отд. III, 241.

Отрывокъ изъ I-го дѣйствія „Фауста“. Ibid., V, отд. III.

1840.

Изъ Гейне. „Отеч. Зап.“, т. XII, отд. III, 226.

Пѣвецъ (Изъ Гете), „Одес. Альманахъ“ на 1840 г. Одесса 1840.

Ночное посѣщеніе (Изъ Вецеля), Ibid.

1845.

Москвѣ (Стих.). „Москвит.“, ч. 1. № 2, стр. 108.

1846.

Семисотлѣтіе Москвы. „Москов. Вѣд.“, № 39. Въ собр. соч. т. I 598—605.

Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи. „Москов. литер. и ученый сборникъ“. М. 1846, стр. 297—324.

1847.

Три критическія статьи Г-на Имрекъ. (I. Вчера и сегодня, литерат. сборникъ, сост. Гр. *В. А. Соллогубомъ*. Кн. I. II. Опытъ исторіи Рус. литературы. Соч. проф. СПБ. ун. *А. Никитенко*. III. Петербургскій сборникъ, изд. *Некрасовымъ*). „Моск. лит. и ученый сборникъ на 1847 г.“ М. 1847, стр. 1—44.

1850.

Родовое или общественное явленіе былъ изгой. „Москов. Вѣд.“, № 97.

1852.

О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у русскихъ въ особенности. „Москов. Сборникъ“, т. I. Въ собр. соч. т. I. въ болѣе полномъ видѣ.

О различіи между сказками и пѣснями русскими. „Моск. Вѣд. 1852 г., № 153. Соч. т. I.

1854—1855.

Орелъ Россіи. Стих. „Моск. Вѣд.“, 1854, № 22.

Тостъ на юбилеѣ Щепкина. „Москвитянинъ“ 1855.

1856.

О Русскомъ воззрѣніи (подп. *К. А.*) „Рус. Бесѣда“ ,т. I. Смѣсь, 84—86.

Князь Луповицкій или пріѣздъ въ деревню, комедія въ 2 дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Приложеніе къ I т. „Рус. Бесѣды“.

Литераторы-Натуралисты. (Стихотвореніе) „Рус. Бес.“ т. II, стр. 58—61.

Еще нѣсколько словъ о Русскомъ воззрѣніи. „Рус. Бесѣда“ т. II., Смѣсь, стр. 139—147.

Богатыри временъ Великаго Князя Владиміра, по Русскимъ пѣснямъ. „Рус. Бесѣда“, т. IV, Науки 1—67. Въ I т. соч. съ нѣкоторыми допол.

Исторія Россіи съ древнихъ временъ, соч. С. Соловьева, т. VI. „Рус. Бесѣда“ т. IV, Критика, 1—53. Въ I т. соч. въ болѣе полномъ видѣ.

1857.

Обозрѣніе Современной Литературы. „Рус. Бесѣда“ кн. 5, Обозрѣніе, стр. 1—39. Тоже въ Собр. Соч. т. I.

Замѣчанія на статью г. Соловьева „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“. „Рус. Бесѣда“, кн. 7, Критика, стр. 104—140, соч. т. I.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Сергѣя Соловьева, кн. 10, Критика, стр. 1—33.

Бѣлевская Вивліовика, издаваемая Н. А. Елагинымъ. „Рус. Бесѣда“ кн. 11, Критика, стр. 14—46. Соч., т. I.

О повѣсти г-жи Кохановской: „Послѣ обѣда въ гостяхъ“. „Рус. Бесѣда“, кн. 12. Смѣсь, стр. 141—144.

Замѣтка по поводу перевода г. Кронебергомъ лѣтописи Кая Тацита. „Рус. Бесѣда“, кн. 12, Смѣсь, стр. 152—154.

Статьи и стихотворенія, помѣщ. въ „Молвѣ“ 1857 г.

Передовыя статьи не подписаны, подъ стихотвореніями и другими статьями либо полная подпись, либо иниціалы *К. А.*, либо псевдонимъ *Имрекъ*.

Передовыя статьи въ № 1—14, 16—22.

Веселья. Стих., № 1.

Библіографія (разборъ романа въ стихахъ П. Жандра „Свѣтъ“),№ 4.

Два слова „Рус. Вѣстн.“, № 5.

Письмо къ редактору, № 6.

Замѣчаніе (о статьѣ Соловьева „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“), № 8.

Два слова о статьѣ г. Буслаева. „Древняя русская словесность“, № 9.

О статьѣ г. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи“, № 10.

Библіографія. Сочиненія В. Жуковскаго. № 11 и 14.

Объявленіе (О томъ, что К. С—чу принадлежатъ передовыя статьи безъ подписи.), № 19.

Два слова о народномъ обученіи, № 31.

Разсказъ изъ деревенской жизни, №№ 35 и 36.

Замѣчанія на „Замѣтку“ г. Даля, № 35.

Толпѣ Эмпириковъ (стих.), № 36.

Семилѣтнему Л—у (стих.), № 36.

Благотворительность частная и общественная, № 36.

Разуму (стих.), № 38.

Отвлеченные люди. Отрывокъ изъ неоконченной комедіи, № 37 и 38.

Кромѣ этихъ статей, такъ или иначе подписанныхъ, К. Аксаковъ напечаталъ въ „Молвѣ“ безъ подписи:

Обозрѣніе современныхъ журналовъ, № 2. Что статья эта принадлежитъ К. С—чу видно изъ объясненія, подписаннаго *К. А.* въ № 5.

Опытъ синонимовъ. Публика—Народъ. № 36.

По разнымъ внутреннимъ признакамъ, думается, можно приписать К. Аксакову еще:

Олегъ (стих.), № 31.

Весна (стих.), № 35.

Подлинникъ и списокъ, № 38.

Передовыя статьи перепечатаны цѣликомъ въ „Рус. Арх.“ 1890 г. № 11, подъ заглавіемъ „Ученіе Славянофиловъ по статьямъ газеты „Молва“ 1857 г., и частично въ книгѣ И. Л. Бродскаго, „Ранніе Славянофилы“ М. 1910.

1858.

Замѣчанія о Псковской рядной записи XIII в. „Извѣстія Имп. Археол. Общ. III т.“. Соч. I.

По поводу VII тома исторія Россіи, г. Соловьева. „Рус. Бесѣда“. II, соч. т. I.

1859.

Совѣты (стих.). Подъ стих. дата *„1847 года“*, „Рус. Бесѣда“ IV Изящ. слов., 2.

Опытъ исторической грамматики Русскаго языка, Ѳ. Буслаева. М. 1852 г. Статья первая. „Рус. Бесѣда“, V, Критика, 65—155. Вошло въ соч., т. II.

Народная повѣсть о бражникѣ, сообщ. *Н. Я. Аристовымъ*, съ примѣчаніемъ *К. Аксакова*. „Рус. Бесѣда“ VI, Науки, стр. 184—188.

Опытъ Исторической Грамматики Русскаго языка. Ѳ. Буслаева (окончаніе). „Рус. Бесѣда“, Критика, стр. 1—114. Соч., т. II.

1860.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Сергѣя Соловьева, т. VIII. „Рус. Бесѣда“ I, Критика, стр. 1—134. Въ соч., т. I, съ нѣкоторыми дополненіями.

О драмѣ г. Писемскаго: Горькая Судьбина. Ibid. Смѣсь. стр. 117—118.

Замѣтка о значеніи Ильи Муромца. Въ I вып. „Пѣсенъ, собр. П. В. Кирѣевскимъ“, изд. Общ. люб. Рос. Словесности; соч. I. Соч., т. II.

1862.

Наша литература. „День„ № 1. (Конецъ 1859 г.).

Гуманисту. (Стих.) „День“, № 8.

Прошли года тяжелые разлуки. „День“, № 12. (1843 г.).

Къ Славянамъ. „День“, № 12.

Краткій историческій очеркъ Земскихъ Соборовъ (перепечатка изъ I т. соч. К. А.).

Новгородъ. (Стих.) „День“, № 14, (напис. въ 1852 г.).

Воспоминаніе Студентства 1832—1835 гг., „День“ № 39, 40.

Лже-духъ. (Стих.) „День“, № 41.

Мнѣніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ. „День“, № 45.

1863—1879.

О воспитаніи. „День“, 1863 № 1.

Оиять къ землѣ родной любовь. (Стих.) „День“ 1863, № 1. (писано въ 1847).

Нѣсколько мыслей объ отношеніи зла и добра. „День“ 1863, № 2. (писано въ 1856).

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью. (Стихи; приведены въ передовой статьѣ Ивана Аксакова). „День“ 1865, № 31.

Съ залогомъ Славы. (Стих.). Рѣчи и Стихотворенія, чит. въ публич. зас. Общ. Люб. Рос. Слов., 20 мая 1866 г. въ честь Славянъ. „Бесѣды въ Общ. Рос. Слов.“, вып. 2. 1867., стр. 20—21.

О современномъ человѣкѣ. Въ Сборникѣ „Братская помощь“ 1876. Также въ „Руси“ 1883 г. № 8, 12, 13.

1880—1889.

Стихотворенія Константина Сергѣевича Аксакова. „Рус. Арх.“ 1879, № 2, стр. 215—225. (А. Н. Попову. Союзникамъ. Первое Мая. Поэту-укорителю. Возвратъ. Гуманисту. Къ Славянамъ).

Urbi. (Граду). „Рус. Арх.“ 1879, № 4, стр. 521—522.

„Свободное слово“. „Русь“ 1881, № 1. (Стихи).

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью. (Стих.) Ibid, № 5.

Тѣни. (Стих.) Ibid, № 6.

Весна. (Стих.) Ibid, № 7, (перепечатано изъ „Молвы“ 1857).

Петру. (Стих.) Ibid. № 8.

Безмолвна Русь. (Стих.) Ibid. № 11.

Возвратъ. (Стих.) Ibid. № 24.

Записка, представленная Имп. Александру II въ 1855 году. „Русь“ 1881 г. № 26—28, перепеч. въ книгѣ И. Л. Бродского „Ранніе Славянофилы“ (М. 1910).

Дополненіе къ запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи, представленной Импер. Александру II, Ibid. № 28.

Былина о народномъ пиршествѣ. Ibid. № 52. (Шуточное стихотв.).

Сонъ. (Стих.) Ibid. № 59.

Лже-духъ. (Стих.) Ibid. № 59.

Значеніе столицы. „Русь“ 1881 г., № 1 и 2.

1890—1911.

Письмо къ А. С. Хомякову. „Русь“ 1883 г. № 3.

Письмо къ кн. Черкасскому отъ 1859 г. Ibid. № 32.

Замѣчанія на доклады редакціонныхъ Комиссій. „Русь“ 1883 г., 3, 45.

О современномъ литературномъ спорѣ. „Русь“ 1883 г., 7.

О современномъ человѣкѣ. „Русь“ 1883, № 12, 13.

Письмо къ кн. В. А. Черкасскому. „Рус. Старина“, т. 54, стр. 210—213.

Письмо къ Н. В. Гоголю. „Рус. Арх.“ 1890, 1. 1., 153—159.

Я не знаю, найду-ли иль нѣтъ. (Стих.) „Рус. Арх.“ 1890, № 2, 325.

Письмо къ Гоголю (въ статьѣ Сергѣя Тимофеевича „Мое знакомство съ Гоголемъ“). „Рус. Арх.“ 1890, № 8, стр. 85—88.

Застольное Слово на обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ Графу Д. Е. Сакену. „Рус. Арх.“ 2. 5., 119—120.

Письма изъ заграничной поѣздки 1838 г. „Космополисъ“ 1898 г. №№ 1—4.

Императору Александру Николаевичу (Написано въ 1855 г.), „Рус. Арх.“ 1898.

Письма къ А. И. Кошелеву. Приложеніе ко II тому соч. *Колюпанова*, Біографія А. И. Кошелева М. 1892.

Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ въ И. С. Тургеневу. „Рус. Обозр.“ 1894, №№ 8—12.

А. С. Хомякову. (Стих.) „Рус. Арх.“ 1897, V. стр. 143—144.

Письмо къ кн. Черкасскому. „Рус. Ст.“ 1903, т. 120, стр. 706—710.

О современномъ человѣкѣ. „Рус. Арх.“ 1903, кн. 2.

Первое Мая. (Стих.) „Рус. Арх.“ 1904, кн. 2.

Петру. (Стих.) „Рус. Арх.“ 1905, кн. 3.

Письмо къ А. И. Кошелеву. „Рус. Арх.“ 1907, кн. 1.

Письма изъ чужихъ краевъ въ Москву. 1860 годъ. „Рус. Арх.“ 1910, № 1 и 2.

Письмо къ кн. В. А. Черкаскому. „Рус. Арх" 1910, № 6.

Н. Д. Свербееву. (Стих.). Приложено къ „Воспоминанію Студентства" К. С. А. (М. 1911). Написано, приблизительно, въ 1850 г.

Указанія на произведенія К. С. Аксакова, въ печати не появившіяся.

1) Въ письмѣ отъ 10 ноября 1845 г. изъ Калуги (Переписка, т. I, стр. 281) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ пишетъ:

„Каково, Костя уже навалялъ *повѣсть*! Молодецъ, въ письмѣ своемъ онъ пишетъ объ этомъ такъ-же коротко и равнодушно, какъ-будто написалъ свою пятидесятую повѣсть! Пожалуйста сообщите мнѣ объ этомъ подробнѣе, мнѣ очень хочется прочесть ее".

Видимо объ этой-же повѣсти Иванъ спрашиваетъ родителей въ письмѣ отъ 30 апр. 1846 г.: „Довольны-ли Вы разсказомъ Кости" (Пер., I, 318).

2) Изъ письма Ивана отъ 1 февр. 1847 г. изъ Калуги:

„*Стихи Константина къ Соловьеву* прекрасны, очень хороши. *Письмо* также, должно быть, искусно написано, хотя, признаюсь, какъ-то въ немъ мало толку. (Пер. т. I, 417).

3) Къ 1850 г. относится какая-то *Статья о народномъ образованіи*, подробный разборъ которой имѣется въ письмѣ Ивана отъ 19 февр. 1850 г. (Переписка, т. II, стр. 286—291).

4) Большой успѣхъ имѣла въ 1854 г. какая-то рукописная статья Конст. Аксакова, видимо политическаго содержанія, о которой Сергѣй Тимофеевичъ давалъ Ивану такое разъясненіе:

„Полученная тобою статья Константина есть не что иное, какъ его *Письмо къ Дмитрію Оболенскому*, писанное для прочтенія *нѣкоторымъ* (курсивъ С. Т-ча) лицамъ. Только впослѣдствіи мы узнали, что это письмо получило большую гласность".

5) Въ 1854 г. К. С. написалъ стихотвореніе *„Къ Россіи"*. Главное управленіе цензуры нашло, что „Стихотвореніе Аксакова, содержащее въ себѣ неумѣстно рѣзкія и какъ бы понудительныя воззванія объ освобожденіи Россіи отъ турецкаго владычества единовѣрныхъ намъ племенъ, съ выраженными заранѣе укоризнами, въ случаѣ неисполненія этого, къ печати не одобрить". („Рус. Старина" 1903, т. 117, стр. 443).

6) Избранный въ 1858 г. членомъ проснувшагося отъ долголѣтней летаргіи общества любителей Россійской словесности, К. С. принялъ живое участіе въ его дѣятельности. Онъ внесъ на обсужденіе членовъ цѣлыхъ *пять записокъ*:

а) О точномъ опредѣленіи тѣхъ условій, которыми члены, при предложеніи кандидатовъ, могли бы руководствоваться (засѣданіе 28 янв. 1859).

б) О предметахъ дѣятельности общества и о необходимости занятій по составленію Русскаго словаря (зас. 11 февр. 1859).

в) О составленіи обществомъ собранія особенностей областной рѣчи (зас. 16 янв. 1860).

г) Объ отношеніяхъ жизненной цѣльности къ условности отвлеченной среды, въ особенности въ примѣненіи къ дѣятельности общества (тогда же).

д) Мнѣніе по поводу предложенія д. ч. И. В. Селиванова объ устройствѣ публичнаго чтенія въ пользу общества для пос. нужд. лит и ученымъ, (засѣд. 23 февр. 1860). Характерно, что въ своемъ озлобленіи противъ всего, что исходило изъ либеральныхъ сферъ Петербурга, Аксаковъ былъ противъ устройства вечера въ пользу возникавшаго тогда литературнаго фонда!

7) Въ засѣданіи 6 февр. 1860 г. прочиталъ отрывокъ изъ *„Опытнаго словаря“*, составленіемъ котораго былъ занятъ. Онъ прочелъ объясненіе словъ: „алый, алѣть, ау и аристократія“ (Барсуковъ, т. XVII, стр. 417.

Изъ **драматическихъ** произведеній К. С. остался ненапечатаннымъ водевиль *„Почтовая карета“*, поставленной въ 1845 г. (см. переписку Ив. Аксакова, т. I, стр. 294).

Литература о Константинѣ Аксаковѣ.

Аксаковы, (дѣдъ и бабушка К. С-ча), переписка „Рус. Арх.“ 1894, т. III, 100—136.

Вѣра Серг. Аксакова, Дневникъ, въ „Минув. Годахъ“ 1908. № 8 и 12.

Иванъ Сер. Аксаковъ въ его письмахъ. 4 т. М. 1888—96.

Иванъ Аксаковъ, письма къ А. О. Смирновой, въ „Рус. Арх.“ 1895, № 12.

Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ, Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, „Рус. Арх.“ 1890 и отд.

Андреева, И. С. Тургеневъ въ кругу фр. литераторовъ, „Починъ“, т. 2, стр. 559.

Анненковъ, Воспоминанія, т. III, ст. „Замѣчат. десятилѣтіе“. стр. 86, 97,—98.

Анненковъ и его друзья. Спб. 1892, стр. 51, 90, 534, 538, 539.

Анофріевъ, В. въ „Рус. Вѣд.“ 1895, № 2231 (о могилѣ К. С. Аксакова).

Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина. Во множествѣ мѣстъ, отмѣченныхъ въ указателѣ.

П. Бартеневъ, „Руск. Арх.“ 1893, т. I, 297; 1898, т. II, 514; 1910, № 1, 134.

Безсоновъ, Предисловія и прим. къ Собр. Соч. Аксакова (т. II и III).

Березинъ, Энцикл. Словарь.

Березинъ-Ширяевъ. Матеріалы, VII, 5.

Бестужевъ-Рюминъ, „Славянофильское ученіе и его судьбы въ рус. литературѣ“. „Отеч. Зап.“ 1862, № 2—4.

Н. Бицынъ (Н. М. Павловъ). „Воспоминанія“, „Рус. Арх.“ 1885, № 3, стр. 371—415.

Гр. А. Д. Блудова, „Заря“ 1871, № 3 и 1872, № 1.

Гр. А. Д. Блудова, Воспоминанія, „Рус. Арх.“ 1889, т. I, 65.

Боденштедтъ, Воспоминанія, „Рус. Ст.“ 1887, т. 55.

Бодянскій, Письма къ Шевыреву. „Рус. Арх.“ 1878, I, стр. 131; № 5, 61—64: № 6, 206—210, 215, 269.

Бродскій, И. Л. Раннія славянофилы. М. 1911.

Брокгаузъ-Ефронъ, Энцикл. Словарь и Новый Энц. Словарь (ст. *А. Пръснякова*).

Буслаевъ, Ѳ. И. О двухъ священно-служителяхъ при рус. посольствѣ за границей. „Починъ“ т. 2, стр. 31—32.

Бѣлинскій, Письма къ К. Аксакову, въ „Руси“ 1881 г., № 8.

Бѣлинскій, Сочиненія.

Бѣльскій, Л. П. Поэзія и жизнь Щербины. „Починъ“, т. 2, стр. 592.

В. въ „С.-Пет. Вѣд.“ 1862 г., № 13 и 14 (о I т. соч.).

М. В. въ „Рус. Мысли“ 1889, № 5, стр. 130 („Къ вопросу о паденіи Польши“).

Венгеровъ, Критико-біогр. Словарь, т. I, стр. 201—318.

Венгеровъ, Источники Словаря рус. писателей, т. I.

Венгеровъ, Русскія Книги, т. I.

Венгеровъ, Очерки по исторіи рус. литературы (ст. „Передовой боецъ славянофильства“).

Алексѣй Веселовскій, въ „Вѣст. Евр.“ 1882, кн. 5.

Алексѣй Веселовскій, Западное вліяніе въ рус. лит.

Вольфзонъ (Wilhelm Wolfsohn, нѣм. драматургъ и изслѣдователь рус. литературы) вывелъ К. Аксакова въ своей пьесѣ „Eine Seele“ (см. переписку Ив. Аксакова т. III, 355).

Кн. Вяземскій, П. А., Письмо къ К. Аксакову, „Рус. Арх.“ 1879, № 1, 0404—0406.

Кн. П. А. Вяземскій, Замѣчанія на стихи К. С. Аксакова, „Петру“. „Рус. Арх.“ 1892 г. т. III, 237—238.

„Вѣст. Европы“ 1895, № 5, стр. 431—435 (по поводу переписки Тургенева съ Аксаковымъ).

„Время“ 1862, № 3, ст. 79—88.

Г. Г., „Университетскія воспоминанія“, „День“ 1863, № 42.

Галлерея рус. писателей. Изд. Скирмунта подъ ред. *И. Н. Игнатова* М. 1901 съ портр.

Гербель, Русскіе поэты.

Герценъ, Сочиненія, („Былое и Думы“, Дневникъ и др.).

Гильфердингъ, „С.-Пет. Вѣд.“ 1861, № 19, (былъ отд. оттискъ).

Гиляровъ-Платоновъ, „Возрожденіе Общ. Любит. Рос. Словесности“. „Починъ“ 1891 г., стр. 146—152.

Гоголь. Переписка, изд. Шенрока, (см. по указателю).

Аполлонъ Григорьевъ, Сочиненія, т. I, стр. 552, 568, 643.

Голохвастовъ, П. Д. Боярское кормленіе, „Рус. Арх.“ 1890, № 6.

Головачева-Панаева, Рус. писатели и артисты, гл. 3.

Градовскій, А. Д. Сочиненія т. VI.

Гранатъ, Энцикл. Словарь.

Я. К. Гротъ, Переписка съ П. А. Плетневымъ (См. по указателю).

Державинъ, Соч. подъ ред. Я. К. Грота, т. II, 715,

Дмитріевъ-Мамоновъ, Славянофилы. „Рус. Арх.“ 1873 г.

Добролюбовъ, Соч., (см. указатель въ изд. Лемке).

Ю. Елагинъ (Говорухо-Отрокъ). „Рус. Вѣст.“ 1892, № 1. стр. 340.

„Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1857, № 6, стр. 189—192 (О „Богатыряхъ временъ В. Кн. Владиміра“).

С. И. Загоскинъ, Записки „Истор. Вѣст.“ 1900, № 1 и 4.

Ивановъ-Разумникъ, Исторія рус. общественности, т. I.

Иконниковъ, Рус. Исторіографія.

„Иллюстрированная Недѣля“ 1875, № 50.

Д. Иловайскій, „Рус. Арх.“ 1889, т. I, 362.

„Историч. Вѣст.“ 1898, т. LXXIV, стр. 226, 227, LXXV, 506; XCVIII 694—695.

Истринъ, Письма къ академику. П. С. Билярскому, Одесса, 1906, стр. 6.

Кизеветеръ, въ „Рус. Мысли“ 1895, № 10, стр. 69—71.

Ключевскій, въ „Рус. Мысли“ 1890, № 1, стр. 158.

Князевъ, въ жур. „Космополисъ“ 1898, янв. — апрѣль.

„Книжки Недѣли“ 1895, № 7,2226

Колюпановъ. Очеркъ философ. системы Славянофиловъ. „Рус. Обозр.“ 1894, № 7—11.

Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, М. 1889—92. Во II т. переписка К. С. А. съ Кошелевымъ.

Костомаровъ, О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по русской исторіи, „Рус. Слово“ 1861 г., № 3 и „Годичный актъ въ Имп. Спб. Унив., бывш. 3 февр. 1861“. Спб. 1861.

Костомаровъ, Автобіографія.

Котляревскій, А. А., Соч. т. 4 „Опытъ“, стр. 350, 351, 358.

Кулишъ, письма къ Бодянскому, „Кіев. Старина“ 1897, № 12, стр. 469.

Касторъ Лебедевъ, Записки, „Рус. Арх.“ 1889, т. I, 152; 1893, т. I, 349.

Лемке, М. К. Очерки по исторіи рус. цензуры. Спб. 1904.

Лемке, Николаев. жандармы. Спб. 1908.

Ленскій (актеръ). Привѣтственные стихи по поводу „Освобожд. Москвы“ (1850) „Рус. Арх.“ 1895, III, 451, 52.

Линниченко, И. А. Младшій изъ старшихъ Славянофиловъ. „Одес. Новости“ 1911, 12 сент. Были отд. оттиски.

А. М., „Основа“ 1861, № 2, стр. 254—55.

Леонидъ Майковъ, переписка Тургенева съ Аксаковымъ. М. 1894.

Павелъ Матвѣевъ, Тургеневъ и Славянофилы. „Рус. Ст.“ 1903, т. 118

Мезьеръ, Русская словесность съ XI по XIX ст., ч. II.

Ор. Миллеръ, Русскіе писатели послѣ Гоголя, т. 3, стр. 56.

Ор. Миллеръ, Ученіе первоначальныхъ Славянофиловъ. „Рус. Мысль“ 1880, № 1.

„Москов. Город. Листокъ“ 1847, № 57 (о диспутѣ).

„Москов. Вѣд.“ 1860, № 60.

Мюнстеръ, Портретная Галлерея (съ портр.).

„Мѣсяцесловъ“ на 1862 г., стр. 124—125.

Н. Новиковъ, въ „Рус. Арх.“ 1887, II, 8, стр. 524—27.

„Новый Свѣтъ“ 1883, № 3, съ портр.

„Отеч. Зап.“ 1862, т. CXL (№ 1), отд. I, стр. 355—57.

Общество Любителей Россійской Словесности. Историч. записка М. 1911.

Словарь Членовъ Общества Любителей Россійской Словесности М. 1911.

Максимовичъ, Ученіе первыхъ Славянофиловъ. К. 1907.

Надеждинъ, Н. И. (письма), „Рус. Арх.“ 1885, II, 580, 583.

К. П., Аксаковы. Спб. 1886, (8 стр.).

Павловъ, Н. М., „Рус. Арх.“ 1888, III, 9, стр. 163—164. См. выше *Бицынъ*.

Павловъ, Н. М. Гоголь и Славянофильство. „Рус. Арх.“ 1890, № 1.

Павловъ, Н. М. Полемика Герцена съ Катковымъ. „Рус. Обозр.“ 1895, № 5.

Панаевъ, въ „Современникѣ“ 1861 г. № 1 („Замѣтки Новаго Поэта“) стр. 141—42. и въ Соч.

Панаевъ, Литер. воспоминанія, ч. II, гл. I.

Пановъ, Славянофильство, какъ философ. ученіе. „Жур. М. Н. Пр.“ 1880, 11.

К. П. Петровъ, Славянофильское ученіе. „Ист. Вѣст.“ 1901 т. LXXXV, 897—918.

Писаревъ, Сочиненія. По изд. Павленкова т. II, 223.

Погодинъ, въ „Рус. Бесѣдѣ“ 1860, № 2, кн. 20, стр. 2.

Погодинъ, Письма къ Максимовичу. „Сбор. II отд. Акад. Наукъ“ 1883. т. XXXI.

Е. И. Попова. Изъ русской жизни 40-хъ годовъ. Дневникъ. Спб. 1911.

М. Протопоповъ, „Сѣв. Вѣст.“ 1888, № 10, отд. II, стр. 31—33.

Пыпинъ, Характеристики лит. мнѣній.

Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Во множествѣ мѣстъ.

Пыпинъ, К. Аксаковъ, „Вѣст. Евр.“ 1884, № 3 и 4.

Пыпинъ, Исторія рус. этнографіи, (См. по указателю).

Пыпинъ, Исторія рус. литературы (См. по указателю).

Al. v. Reinholdt въ „Unsere Zeit“ 1888, 7.

Гр Растопчина, „Рус. Ст.“ 1885, стр. 682- 83.

„Русская Бесѣда“ 1856 г. № 2, стр. 139—147.

„Русская Рѣчь“ 1861 г., № 3.

„Рус. Стар.“ 1875 г., т. XIV, стр. 373—374;

„Рус. Старина“ 1903, т. 113, 117, 118, 120. Статья „Цензура въ царствованіе Имп. Николая I“.

„Рус. Старина“ 1905, X, 5, 392—403, статья „Аксаковы и цензура 1852 года“.

„Русскій Архивъ“ 1880, т. II, 241—330.

„Рус. Арх.“ 1890, III, 12, стр. 566; 1892, III, 10, 237—38; № 12.

„Рус. Арх.“ 1894, т. I, 128; 1899, т. II, 242, 243;

„Рус. Біогр. Словарь“ (ст. *С. Трубачева*).

Ю. Самаринъ, Сочиненія и переписка.

Ю. Самаринъ, Письмо къ К. Аксакову. „Рус. Ст.“ 1890, т. 65 февр., стр. 421—425.

Свербѣевъ, Воспоминанія. „Рус. Архивъ“ 1875, № I, стр. 69 и II, стр. 373.

„Свѣточъ“ 1861 г., № 2, стр. 3—5, отд. „Рус. Хроника“.

Свѣдѣницевъ, Н., Два слова о Славянофилахъ. Въ „Свѣточѣ“ 1862, № 7.

Семевскій, В. И., Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Спб. т. II. Спб. 1888, гл. XIII.

Скабичевскій, Сочиненія.

Скабичевскій, Очерки по исторіи цензуры.

Современ. лѣтопись „Рус. Вѣст.“ 1861, № 1, стр. 23.

Смирнова, А. О., Записки, въ „Рус. Арх.“ 1895, II, 460; III, 9, стр. 78—81.

Смирновъ, см. Евг. Соловьевъ.

Евг. Соловьевъ, Аксаковы. („Біограф. библ.“ Павленкова) Спб. 1895

„Современникъ“ 1862, № 1 и 2. Статья подъ заглавіемъ „Москов. Словенство“.

Станкевичъ, Н. В. Переписка. М. 1857.

А. Станковичъ, Клочки воспоминаній, „Рус. Мысль“ 1898, № 2, 94.

„С.-Пет. Вѣд.“ 1862, № 13 и 14.

гр. *Алексѣй Толстой*, Переписка, „Вѣст. Евр. 1897, № 5, стр. 267.

Тургеневъ, его переписка съ семьею Аксаковыхъ, „Рус. Обозр.“ 1894, № 8, 9.

Тургеневъ, Письма, въ „Вѣст. Евр.“ 1894 г. № 1, 2.

Филлиповъ, М. М., Судьбы рус. философіи. („Рус. Бог.“ 1894, № 9, стр. 152, 175.

Хомяковъ, Письмо къ К. Аксакову, „Рус. Арх.“ 1884, 3(5), стр. 218—219.

Хомяковъ, Письмо къ А. Н. Попову. „Рус. Арх.“ 1884, 2 (4). 281—86.

Хомяковъ, въ „Рус. Бесѣдѣ“ 1860, № 1. (кн. 19) отд. 1.

Хомяковъ, Письмо къ И. С. Аксакову, „Рус. Арх.“ 1893, т. III, 208.

Хомяковъ, Сочиненія.

Чернышевскій, Очерки Гоголевскаго періода.

Чижовъ, Ф. В. въ „Историч. Вѣст.“ 1883, февр., стр. 259.

Кн. Н. В. Шаховской, въ „Рус. Обозр.“ 1895 г., дек. стр. 509.

Шепингъ, въ „Москвитянинѣ“ 1853 г., ч. I, стр. 50, отд. II.

Шевыревъ, С. Исторія моск. унив., стр. 572, 574.

Шелгуновъ, въ „Рус. Мысли“ 1889, № 12, стр. 211, и въ Сочин., („Очерки рус. жизни“).

Шенрокъ, С. Т. Аксаковъ и его семья. „Жур. Мин. Нар. Пр.“ 1904. № 10 и 11.

Шенрокъ В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя.

Южаковъ, Соціологическіе Этюды, т. 2.

Н. Энгельгардтъ, Очеркъ исторіи р. цензуры.

Съ большею или меньшею обстоятельностью о К. Аксаковѣ говорится во всѣхъ курсахъ и обзорахъ новой рус. литературы: *Андреевича—Соловьева*,

Когана, т-ва „Міръ“ (подъ ред. *Овсянико-Куликовскаго*), *К. Петрова*, *Нелидова*, *Скабичевскаго*, *Энгельгардта* и др.

Отзывы объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ:

Объ „*Освобожденіи Москвы*“:

1) „Лит. Газ.“ 1848 г., № 21.

2) *М. Погодинъ* въ „Москвит.“ 1848 г., ч. III, № 5, стр. 27.

3) „Современ.“ 1848 г., т. IX, отд. III, № 5, стр. 49—54.

4) „Отеч. Зап.“ 1848 г. т. 58, отд. VI, стр. 1.

5) К. П. (Ксеноф. Полевой) въ „Спб. Вѣд.“ 1848 г., № 105.

О статьѣ „*О древнемъ бытѣ у Славянъ*“: „Современ.“ 1852 г., т. XXXIII, стр. 10, отд. IV.

Объ „*Олегѣ подъ Константинополемъ*“:

1) „Московск. Обозр.“ 1859 г., № 1, отд. III, стр. 25—26.

2) „Отеч. Зап.“ 1859 г., т. 122, стр. 101—102.

3) „Русс. Слово“ 1859 г., № 5, стр. 68—74.

Книга „*О русскихъ глаголахъ*“:

1) Ѳ. Буслаевъ въ „Отеч. Зап.“ 1855 г., № 8, отд. III, стр. 23—46.

2) И. Срезневскій, въ „Извѣст. Имп. Акад. Наукъ“, вып. 7.

3) Я. Турунов въ „Русс. Инв.“ 1855 г., № 170.

4) „Совр.“ 1855 г., № 7, стр. 14, отд. IV.

О ст.: „*Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи*“: „Отеч. Зап.“ 1846, т. 47, отд. VI, стр. 22.

Объ „*Опытѣ русской грамматики*“:

1) „Русс. Инв.“ 1860 г., № 207. Ст. Я. Т. [*урунова*?].

2) „Спб. Вѣд.“ 1860 г., № 125.

3) „Изв. Имп. Акад. Наукъ“ 1860 г., т. IX, вып. 1.

4) „Русс. Бесѣда“ 1860, № 1, кн. 19, стр. 1—40.

5) Бывшій учитель, Замѣчанія на книгу: „Опытъ русс. грамматики“. Спб. 1860 г., тип. Н. Греча, 8°, 28 стр.

6) П. Безсоновъ, Предисловіе къ III т. сочин. К. Аксакова.

7) Гаттала въ „Часописѣ“ чешскаго музея 1860-хъ гг.

О брошюрѣ: *Нѣсколько словъ о поэмѣ „Похожденія Чичикова“*: „Библ. для Чт.“ 1842 г., т. 54 отд. VI, стр. 12. „Отеч. Зап.“ 1842 (Бѣлинскій).

Труды проф. С. А. Венгерова.

Собраніе сочиненій. Т. I. Героическій характеръ рус. литературы. Цѣна 1 р.
" " Т. III. Константинъ Аксаковъ. Ц. 1 р. 50 к.
" " Т. V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій. Цѣна 1 р. 50 к.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Критико-біографическій этюдъ. СПб. 1875—77. Цѣна 2. р. (*Распродано*).

Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій. Критико-біографическій этюдъ. СПб. 1884. Ц. 1 р. (*Распродано*).

Рудольфъ Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. *С. А. Венгерова*. М. 1885. Ц. 4 р. 50 к.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, съ критико-біографическими статьями, библіографич. примѣч. и портретами. Т. I (вып. 1—6). XVIII вѣкъ. СПб. 1897. Съ 23 портр. Ц. 8 р. Вып. VII, ц. 1 р.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція *С. А. Венгерова*. Изданіе *Г. В. Юдина*. СПб. 1896—1898. Вышло 3 тома (А—Вавиловъ). Ц. кажд. тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Основныя черты исторіи русской литературы. Изд. 2-е. Съ приб. этюда: *„Побѣдители или побѣжденные?"*. Ц. 40 к. (*Распродано*).

Источники словаря русскихъ писателей. т. I. (Ааронъ—Гоголь). Собралъ *С. А. Венгеровъ*. СПб. 1900. (*Распродано*). Изд. Императорской Академіи Наукъ. Ц. 2 р. 50 к., т. II (*Гоголицкая-Карамзинъ*). СПб. 1910. Ц. 4 р.

Собраніе сочиненій Шиллера въ перев. рус. писат. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 4 т. Ц. т. 6 р. 50 к., въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Шекспира въ перев. рус. писат. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 5 томовъ. Ц. т. 6 р. 50 с. въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Байрона въ перев. рус. писат. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 3 тома. Ц. т. 6 р. 50 к. въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Пушкина. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изд. Вышло 5 т. Ц. тома 6 р. 50 к., въ переплетѣ 8 р.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. СПб. 1903 г. Ц. 2 р.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный сборникъ. 6 томовъ. (СПб. 1886—1904). Ц. 1 т. 5 р. 25 к., (*Отдѣльно не продается*) II т. 2 р. 25 к., остальные по 2 р. 50

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова*. Вышло 9 томовъ. Ц. тома 1 р. 75 к.

Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Публичная лекція (Библіотека „Свѣточа", № 3). СПб. 1905. Ц. 20 к.

В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ *С. А. Венгерова*. Библіотека „Свѣточа", № 2). СПб. 1905. Ц. 10 к.

Очерки по исторіи русской литературы. 2-е изданіе безъ перемѣнъ. СПб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Въ чемъ очарованіе русской литературы. Рѣчь, сказанная въ Москвѣ, 22 окт. 1911 г. на праздн. 100 лѣт. юбилея Общ. Люб. Рос. Словесности. СПб. 1912. Ц. 15 к.

Книгоиздательство „ПРОМЕТЕЙ“
СПБ., Поварской, 10.

Исторія и теорія русской литературы.

ВЕНГЕРОВЪ, С. А. проф. Собраніе сочиненій.
Т. I. Героическій характеръ русской литературы . . . . . 1 —
ВЕНГЕРОВЪ, С. А. Т. III. Константинъ Аксаковъ
Передовой боецъ славянофильства 1 50
ВЕНГЕРОВЪ, С. А. Т. V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій 1 50
ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н. проф. Собраніе сочиненій.
Т. I. Гоголь . . . . . 1 —
Т. II. Тургеневъ 1 25
Т. III. Толстой 1 50
Т. IV. Пушкинъ . . . . . 1 —
Т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій и Горькій 1 25
Т. VI. Психологія мысли и чувства. Художественное творчество. 1 25
Т. VII. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I. 1 50
Т. VIII. „ „ „ Ч. II. 1 50
Т. IX. „ „ „ Ч. III. 1 50
КОТЛЯРЕВСКІЙ, Н. А. проф. Литературныя направленія Александровской эпохи . . . 1 25
КОТЛЯРЕВСКІЙ, Н. А. проф. Рылѣевъ. Съ портретами и рисунками 1 25
МОРОЗОВЪ, М. Очерки новѣйшей литературы. Статьи о Л. Андреевѣ, С. Ценскомъ, Б. Зайцевѣ, М. Горькомъ, Львѣ Толстомъ и др. 1 25
ВѢТРИНСКІЙ, Ч. Герценъ. Съ 20 иллюстр. біографіей и библіографіей . . . . . 3 —
АРСЕНЬЕВЪ, К. К. акад. Салтыковъ-Щедринъ. . 1 50
ГОРНФЕЛЬДЪ, А. Муки слова . . . . . — 20
МИЛЬТОНЪ, Рѣчь о свободѣ печати . . . . . — 20

Всѣ книги издательства „ПРОМЕТЕЙ“ высылаются наложен. платежомъ. Выписывающимъ по этому каталогу на ТРИ руб. и болѣе пересылка БЕЗПЛАТНО.

КНИГОИЗД-ВО „ПРОМЕТЕЙ“

СПБ., Поварской, 10.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

Джэкъ Лондонъ. Собраніе сочиненій съ предисловіемъ Леонида Андреева.

Т. I. Морской волкъ 1 25
Т. II. Желѣзная Пята . . . . . 1 —
Т. III. Вѣра въ человѣка . . . . . 1 —

Уптонъ Синклеръ. Собраніе сочиненій.

Т. I. Испытанія любви 1 25
Т. II. Джунгли . . . . . 1 —
Т. III. Деньги . . . . . 1 —

Левъ Ждановъ. Въ стѣнахъ Варшавы. Романъ-хроника 1 50

Сѣверова, Н. Б. Къ идеаламъ. Повѣсть. Иллюстраціи И. Е. Рѣпина 1 25

Ивановъ-Разумникъ.

Т. I. Литература и общественность 1 25
Т. II. Творчество и критика 1 25
Т. III. Великія исканія 1 25

Мишеевъ, Н. Очерки по исторіи всеобщей литературы.

Ч. I. Греція и Римъ . . . . . 1 —
Ч. II. Средніе Вѣка и эпоха Возрожденія . 1 25
Ч. III. Литература новаго времени 1 25

Ницше, Ф. Автобіографія. Переводъ подъ редакціей Ю. Антоновскаго. . . . . 1 —

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕН. ПЛАТЕЖОМЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.